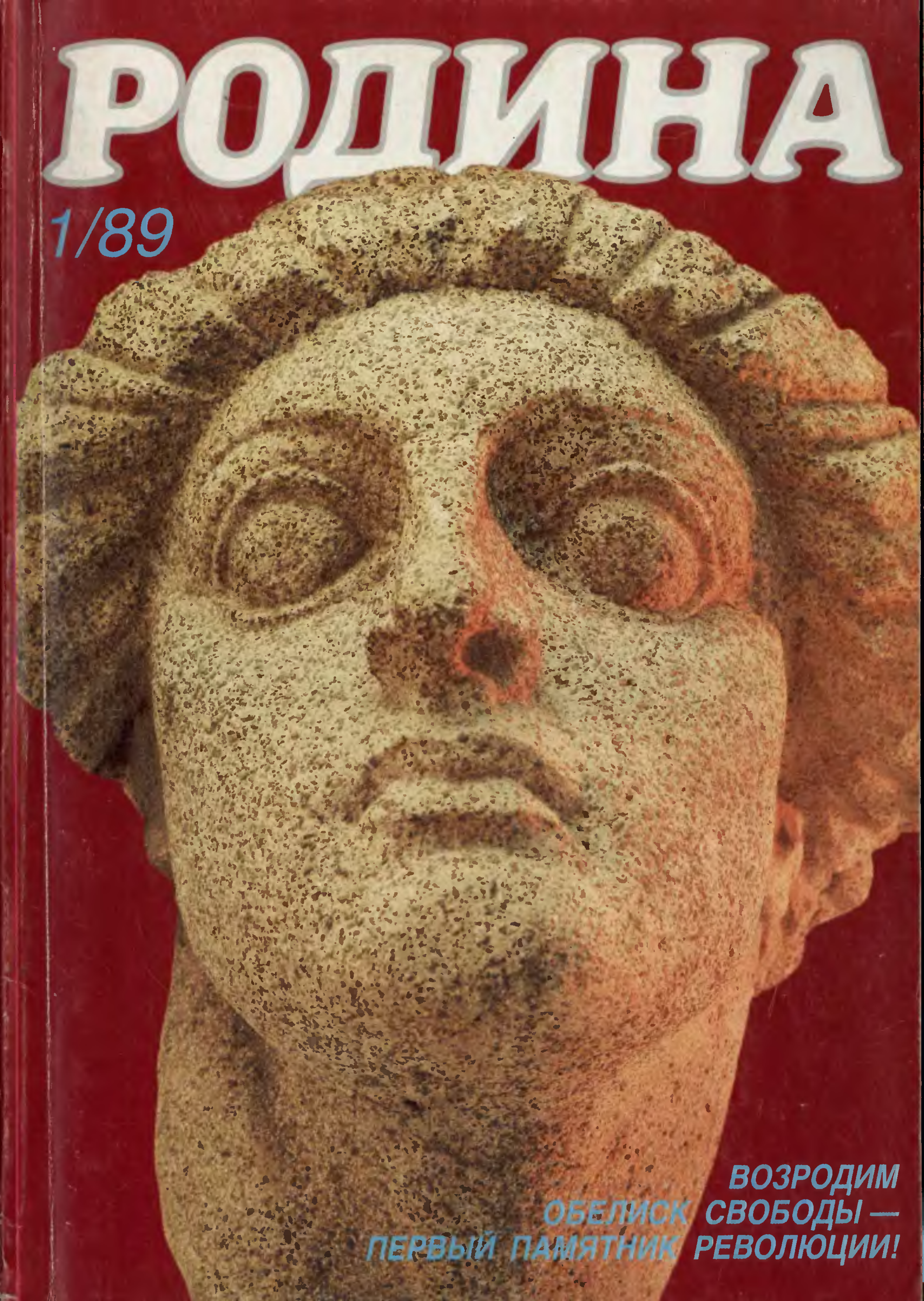


РОДИНА
1/89
ВОЗРОДИМ
ОБЕЛИСК СВОБОДЫ —
ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК РЕВОЛЮЦИИ!

В ПОИСКАХ ЛИНИИ ФРОНТА

«ПОЮЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» — так называют время перемен сами эстонцы. За крылатой фразой — светлая надежда на обновление политической и экономической жизни республики.

Фото Юрия КОЗЫРЕВА

Трибуна Народного конгресса, состоявшегося в Таллине осенью минувшего года, общей болью за судьбу перестройки объединила тысячи, десятки тысяч людей, взгляды которых раньше казались несовместимыми. Желание понять друг друга, вместе идти доро́гой перестройки вновь и вновь заставляло многих подниматься на трибуну, пояснять свои воззрения на прошлое и будущее республики, на сегодняшнюю экономическую ситуацию, говорить о Советах, воспитании, службе в армии, религии...

Поэтому, рассказывая о Народном фронте, хотелось бы прежде всего найти ответ на два вопроса. Что это за движение? Куда оно движется?

Народный фронт — это...

— Народный фронт — это не партия, а движение, и таковым оно должно оставаться впредь. (Эдгар Сависаар).

— Наш путь — снизу наверх, давление снизу, контроль снизу. Без

этого не бывает демократии. (Марью Лауристин).

— Поначалу ЦК КП Эстонии в рядах зачинщиков перестройки не числился. «Поющая революция» охватила всех. Необходимость поддержать процесс обновления породила движение Народный фронт. (Вайно Вяляс).

Вайно Вяляс — первый секретарь ЦК КП Эстонии, философ Эдгар Сависаар и журналист Марью Лауристин — лидеры Народного фронта.

Полагаю, что необычайная популярность движения объясняется

тем, что его активисты без совещаний, без составления планов и прочей бумажной волокиты приступили к немедленному воплощению в жизнь принципов демократии.

Пишу эти строки в ноябре и думаю: как будут читаться они в январе, когда выйдет номер журнала?

Есть надежда, что диалог руководства Народного фонта и руководящих органов республики будет органичным и прочным. Но есть опасение, что иные громкоголосые ораторы противопоставят диалогу ультимативный тон, который так близок к беспардонному.

Есть уверенность, что Народный фронт будет набирать силу на позициях интернационализма, к движению примкнули не только эстонцы, но и русские, поляки... Но есть и тревога, что десяток-другой горлохватов постараются протащить старые лозунги, вроде «Эстония — для эстонцев».

Есть надежда, что требования общественности республики экономической самостоятельности, куль-

турного суверенитета покажут добрый пример другим. Но есть тревога, что местные интересы под видом обретения суверенитета могут быть противопоставлены интересам нашего многонационального братства.

—Нужно здравомыслие. Важно соразмерять желаемое с действительностью. Нужно думать. Нужно спорить. И помнить: окончательный результат дискуссий — дела. По ним судят люди о духе и направлении Движения.

Верю: Народный фронт выберет верный путь!

Владимир ЛАРИН

ПЕРЕД ВАМИ ПЕРВЫЙ НОМЕР НОВОГО ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЖУРНАЛА «РОДИНА»

НАШ ДЕВИЗ: ЧЕРЕЗ ИСТОРИЮ — К СОВРЕМЕННОСТИ

Сегодня — первая встреча журнала с читателями. Вы вправе, уважаемые друзья, поинтересоваться, каким будет новое издание, чем думает отличаться от других.

Уже первые письма в адрес редакции показали, как велик интерес к истории Родины.

Нужна правдивая оценка всех периодов нашей истории. Это необходимо и для того, чтобы воздать должное героическому прошлому Отечества, и для того, чтобы извлечь уроки из ошибок. Свою задачу редакция «Родины» видит в том, чтобы соответствовать этому строгому читательскому спросу. Воссоздание исторической памяти, формирование исторического самосознания личности — одно из основных направлений нашей работы.

Гражданин — главное действующее лицо перестройки — не может состояться в человеке, оторванном от корневой системы своего народа. Работы здесь хватит всем, постараемся занять достойное место в общем ряду газет и журналов.

Мы живем в прекрасное и трудное время — время обновления. Перестройка выводит на передний план человека, главное действующее лицо в борьбе за углубление демократии, реформу политической системы общества. Особая строка — участие молодежи в перестройке.

Успех обновления, как показали события недавнего времени, возможен лишь при единении усилий всех наций и народностей нашей страны. Мы рады тому, что крепнет национальное самосознание, и тревожимся, когда национальные чувства перерастают в шовинизм, в национальную разобщенность. Журнал, носящий имя «Родина», не может стоять в стороне от этих вопросов.

Редакция планирует обсуждать самые насущные проблемы нашей жизни, используя разнообразные жанры публицистики, стремясь к дискуссии, к откровенному обмену мнениями.

Найдет отражение в журнале международная тематика. Хотелось бы рассказать о давних и нынешних связях нашей страны с другими государствами мира, поведать о непростой судьбе соотечественников, волею обстоятельств оказавшихся на чужбине.

Помним мы и о том, что от иллюстрированного журнала читатели ждут ярких, интересных фотоснимков, запоминающихся рисунков, карикатур.

Журнал «Родина» — издание газеты «Правда». Это значит, что в подготовке его номеров активное участие принимают правдисты, в частности, собственные корреспонденты газеты внутри страны и за рубежом. И все же главный автор — это вы, читатель! Без читательского письма, без активного участия рабочих, крестьян, представителей интеллигенции в разработке тем, в поиске адресов командировок мы не мыслим ни одного номера журнала. Искренне хотим видеть вас своим постоянным собеседником, добрым товарищем, умным соавтором.

И, наконец, подписку на наш журнал можно будет оформить с июля 1989 года, до этого времени журнал будет продаваться в розницу.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ТЕМ И СИЛЕН СОЮЗ

Журнал уже печатался, когда поступило сообщение о страшной трагедии, потрясшей армянскую землю. Какова же сила удара там, в Ленинакане, Спитаке, Кировакане, Степанаване, если и мы, не слышавшие грохота и скрежета падающих домов, содрогнулись от лика беды. Какова же была ситуация там, если крик боли услышала вся планета?

Естественно стремление каждого советского человека хоть как-то облегчить горе: словом, деньгами, делом. Коллектив нашей редакции перечислил часть заработка на счет № 707101. И уже не поодиночке, а сообща, вся страна поднялась на помощь Армении. Идут туда техника, продовольствие, строительные отряды. Сострадание и милосердие — вот чувства, которые движут людьми.

Говорят, горе сближает людей. Не только сближает — делает родными. Кровь доноров из Азербайджана, России, Латвии отовсюду посылается в районы бедствия, и в сердцах спасенных течет единая, без знаков национального различия кровь.

Два года — за такой срок страна взялась построить на месте разрушенных новые города и поселки. И это обещание сбудется, ибо тем и мощен Союз, что, когда в один дом приходит беда, все республики спешат на помощь.

Мы переживем, преодолеем беду, залечим кровоточащие раны. Ни одна судьба не останется бесприютной. Ни одно сердце не будет лишено отеческого тепла людей, Родины.

В ближайших номерах журнала мы расскажем, как из руин и пепла поднимаются новые города.

РОДИНА 1/89

Ежемесячный общественно-политический научно-популярный иллюстрированный журнал

Издание газеты «Правда»

На первой странице обложки: фрагмент обелиска Свободы (хранится в фондах Государственной Третьяковской галереи).

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

14
ГРАЖДАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА
Самый первый монумент Октябрьской революции, открытый 7 ноября 1918 года, был взорван и стерт с лица земли в апреле 1941 года. Заслуженный работник культуры РСФСР Татьяна Шульгина в своей статье призывает: «Пусть возродится обелиск Свободы!»

19
ПРОШУ СЛОВА!
«Один из столпов сталинской идеологии — миф о сложившемся на века интернациональном единстве разноязычных народов — более других охраняется ревнителями застойных времен», — утверждает в своих публицистических заметках «Мифом плененные?» кандидат философских наук Зитта Совдагарова.

22
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ
Вице-президент Советской социологической ассоциации Академии наук СССР Борис Ракитский отвечает на вопросы журналиста Андрея Кабанникова. Тема их беседы — молодежь и перестройка.

26
ПОРТРЕТ БЕЗ РЕТУШИ
Петр Алексеевич Кропоткин — ученый и революционер — почти совсем незнаком современному читателю. Восполнить этот пробел поможет документальный рассказ доктора исторических наук Натальи Пирумовой о встречах В. И. Ленина с П. А. Кропоткиным в Москве.

33
НАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
Немногими документами располагают историки о выстрелах в Смольном 1 декабря 1934 года, и все же существует несколько версий убийства С. М. Кирова. О них рассказывает старший научный сотрудник Института истории партии Ленинградского обкома КПСС Алла Кирилина.

53
ОБСУДИМ?
Долгое время официальная статистика и средства массовой информации стыдливо старались не замечать того факта, что в нашей стране существуют люди, чьи доходы находятся ниже прожиточного минимума. О причинах этого явления рассуждает Михаил Антонов в статье «Богатые и бедные»

88
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
В архиве Федора Абрамова сохранились короткие рассказы, сценки, зарисовки с натуры, объединенные общим названием «Были-небыли», которые по просьбе журнала подготовила к печати Людмила Крутикова-Абрамова.

Виктор АФАНАСЬЕВ,
главный редактор газеты «Правда»

СЛУШАТЬ МАССЫ, ГОВОРИТЬ С МАССАМИ...

ИСТОРИЯ НЕ ЗНАЕТ ДРУГОЙ ПАРТИИ, НА ДОЛЮ КОТОРОЙ БЫ ВЫПАЛО СТОЛЬКО СУРОВЫХ, ПОРОЙ ПРОСТО ЖЕСТОКИХ ИСПЫТАНИЙ, КАК НАША ПАРТИЯ. НИ ЦАРСКИЕ ТЮРЬМЫ И ССЫЛКИ, НИ ЗАСТЕНКИ И КОНЦЛАГЕРЯ СТАЛИНСКИХ ВРЕМЕН, НИ ЧУДОВИЩНАЯ ПРОВЕРКА ОГНЕМ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НЕ СМОГЛИ ПОКОЛЕБАТЬ КОММУНИСТОВ В ИХ СТРЕМЛЕНИИ БОРОТЬСЯ И ПОБЕЖДАТЬ ВО ИМЯ ТОРЖЕСТВА НОВОГО, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДЕЛА, РОСТА МОГУЩЕСТВА РОДИНЫ.

И вот сейчас, в наше трудное, тревожное, противоречивое время, время революционной перестройки, то тут, то там задаются вопросы: а нужна ли нам партия как политический авангард народа, единственная правящая партия; не пора ли создать какую-то новую оппозиционную партию; не пора ли перейти к политическому плюрализму наподобие плюрализма западного? «Обычно,— пишут, например, москвичи М. Исиченко и В. Яньков,— объясняя феномен однопартийной системы в СССР, говорят, что таков исторический выбор советского народа. По нашему мнению, народ здесь ни при чем. Однопартийность — результат острой послеоктябрьской политической борьбы, в которой роспуск оппозиционных партий был ошибочным тактическим шагом большевиков. Сейчас, конечно, можно обсуждать правомерность и целесообразность такого шага, учитывая, безусловно, сложную обстановку гражданской войны и иностранного вмешательства, однако ясно, что после смерти В. И. Ленина тактическая ошибка переросла в стратегический курс, сделавший возможным возникновение всего того, что сейчас называют сталинизмом.

Несмотря на то, что в беседе с американским корреспондентом М. С. Горбачев высказался в том смысле, что он не видит необходимости в создании других политических партий, что перестройка и демократизация — инициативы КПСС, нам кажется, что не стоит бояться многопартийности как буржуазного жупела, коль скоро призывы к этому в последнее время начали раздаваться все чаще.

Только при наличии законной политической оппозиции мы наконец сможем избавиться от всякого рода черных и белых пятен и зон, закрытых для критики, и на деле провести в жизнь лозунг «Вся власть Советам». А судьбу социализма и перестройки пусть решает голосующий народ.

Как известно, в Советской стране исторически сложилась однопартийная система. Другая партия, эсеров, подняв путч против Советской власти, поставила себя вне участия в правительстве. Что касается наших дней, то в стране нет классовых основ для формирования политических партий, создания политической оппозиции. В этом нет необходимости, особенно сейчас, во времена перестройки, гласности, когда партия открыта для обсуждений, дискуссий внутри ее самой, в рамках обсуждения ее проблем, а также всех других сторон нашей общественной жизни. Причем в этих дискуссиях могут и принимают участие как коммунисты, так и беспартийные, различные общественные организации. Партия признает их право на собственное мнение, учитывает их интересы, интересы различных классов, социальных групп и слоев. В этих условиях сама постановка вопроса об оппозиции, о каких-то новых политических партиях является надуманной, искусственной.

В условиях расширения и углубления демократии нам необходима не оппозиция, а социалистический плюрализм мнений, серьезные, умные дискуссии, споры. Ведь в споре рождается истина. Плюрализм мнений — это не схоластический разговор, бесполезное времяпровождение. Это поиски различных вариантов, сравнение этих вариантов, их оценка и выбор варианта наилучшего. Только в этом случае решения будут приниматься не келейно, не в тиши высоких кабинетов, а при широком участии партийного актива, всех членов партии, беспартийных масс. Важно учиться, спорить, повышать культуру дискуссий. Известно, что они нередко превращаются в перебранку, в наклеивание ярлыков, используются в интересах тех или иных групп, отдельных лиц. В период перестройки как никогда важно единство партии, единство общества. Нам нужно не разобщать силы, в частности силы органов печати, работников культуры, специалистов, а объединять их во имя успеха перестройки.

Речь нужно вести не о создании политической оппозиции КПСС, а о повышении роли и авторитета партии, всех ее организаций, о повышении их активности, деловитости, о достижении единства слова и дела. А все это возможно на пути дальнейшего развития внутрипартийной демократии, на пути все более тесной связи партийных организаций с массами, с рабочими, крестьянами, с интеллигенцией. И, пожалуй, самое главное состоит в том, чтобы всемерно повышать общую культуру партийных работников, их компетентность, профессионализм. Это касается и духовной жизни, где нужны особая тонкость, особенно высокая культура, знания, а не просто запретительство, не просто оценочные характеристики того или иного явления.

Чтобы плюрализм мнений утвердился, чтобы он был полезен, эффективен, необходимы соответствующие условия, предпосылки. Прежде всего нужно создать и расширить систему организаций, социальных институтов, которые были бы способны предельно гибко и точно выражать многообразные интересы классов, социальных слоев и групп. Нужно настойчиво и последовательно, на демократических основах изменить жизнь и работу партийных, государственных и хозяйственных органов и организаций. Нужно укрепить во всех сферах жизни правопорядок, дисциплину и организованность, создать правовое социалистическое государство, в котором бы закон был всему голова. Нужно, наконец, поднять общую и особенно политическую и правовую культуру советских людей.

Только тогда, когда повсеместно утвердится единение широкой демократии с добросовестным трудом, дисциплиной, ответственностью, когда житья не будет бюрократам, когда преодолеем местничество и ведомственность, будем умело сочетать интересы личности, коллектива и государства, центра и мест, учитывать интересы наций и народностей страны, широким фронтом пойдем по пути перестройки, обеспечим ее полный успех.

Расширение и углубление демократии требует отработки взаимоотношений между партийными и беспартийными, преодоления известной дискриминации беспартийных, которая у нас еще кое-где имеется. Отказаться от разного рода разнарядок при приеме в партию, повысить требовательность к ее членам, особенно при приеме. Есть предложения провести переаттестацию членов партии. Говорят даже о чистке. Думается, что чистка нам ни к чему. Но оценку членов партии самими партийными организациями, трудовыми коллективами провести полезно. А формы здесь могут быть разные.

Партийные организации призваны уметь слушать массы, говорить с массами, учитывать их советы, пожелания, предложения, аккумулировать общественное мнение, мнение людей, коллективов. Из всего этого множества мнений надо взять то, что работает на перестройку.

Если посмотреть на наши органы печати, то можно заметить, что резко вырос, особенно в центральной печати, их критический дух. Что ни говори, а в критике мы поднаторели. Мы критикуем все и вся. Причем ярко, громко, порой с блеском. Да, критиковать необходимо. Критиковать тех, кто мешает перестройке, плохо трудится, безответствен. Критиковать конкретных лиц и их конкретные деяния, разумеется, не принижая их чести и достоинства, не перевирая факты (что ох как нередко еще бывает). Следует закрывать белые пятна в истории, давать оценку историческим личностям, но при этом опираться на факты, документы, первоисточники. На одной критике, однако, какой бы она ни была сногсшибательной, сенсационной, далеко не уедем. Главное сейчас — это решение, конструктивное решение современных проблем, поиски передового опыта перестройки. У нас мало еще пока этого передового опыта, нужно его искать, нужно его поддерживать, нужно его распространять. Период митингования кончился. Наступило время практических дел.

Нет, это не означает призыва к свертыванию критики и самокритики. Они нужны нам, необходимы. Но главное, повторяю, созидательная работа. Труд и прежде всего труд. Ответственность за порученное дело, контроль за выполнением принятых решений.

Оживленно обсуждается вопрос о разделении функций партии и хозяйственных, советских, общественных организаций. Вопрос непростой, его ставил еще В. И. Ленин. Но, к сожалению, проблема до сего времени в силу целого ряда причин еще не решена. И в силу неотлаженности экономики, хозяйственного механизма. И в силу недостатков в материально-техническом снабжении, когда партийные органы вынуждены выступать нередко в роли толкачей. И в силу слабости нашего бытового обслуживания, когда партийные органы вынуждены заниматься общественным питанием, торговлей, другими сферами быта, культуры. Теперь положение меняется, и партия более четко определяет, что есть ее дело, а что — дело других организаций.

Нередко получается так, что малейший недостаток, скажем, если иной заводик плана не выполнил, или в том или ином городе улица грязная, или торговля в запущенном состоянии, во всем обязательно винят горком, райком партии, его первого секретаря. Но это противоестественно. Ведь есть люди, которые призваны отвечать за определенные сферы, конкретные участки общественной жизни. Важно повысить спрос с этих людей, строже контролировать их работу.

Впрочем, поговаривают о том, что нужно партии избавиться от руководства экономической жизнью общества. Но это неверно. Почему? Потому что КПСС — правящая партия. Она отвечает за все: за экономику, за политическую жизнь, за жизнь социальную, за духовную жизнь, за воспитание. Партия вырабатывает стратегию нашего движения — внутриполитическую, и внешнеполитическую, а прежде всего экономическую стратегию. И это потому, что экономика — основа всего. Сейчас, когда идет перестройка, когда проводится не только радикальная экономическая реформа, но столь же радикальная реформа политической системы, право, нельзя забывать, что нужно прежде всего решить экономические проблемы. Накормить людей, ликвидировать унизительные очереди, дать людям товары народного потребления высокого качества. Дать жилье. Естественно, что без продуманной экономической и социальной политики общество никак обойтись не может. А ведь все это — дело прежде всего партии.

Вопросы внешнеполитической деятельности — тоже прерогатива партии.

Такая очень важная и тонкая область жизни, как работа воспитательная, идеологическая,— тоже дело партии. Ее дело — и политика национальная. Немало неприятностей у нас в этой самой тонкой и сложной сфере общественных отношений. Разве не являются свидетельством тому трагические события в Нагорном Карабахе, Армении, Азербайджане? Да и в Прибалтике не совсем спокойно. И дело здесь в том, что, упоенные успехами в национальном строительстве (а они огромны и бесспорны), мы недооценили всю сложность и противоречивость проблемы, запустили интернациональное воспитание. Далеко не всегда учитывали специфические интересы национальных образований, несвоевременно решали или кое-где вообще не решали проблемы, их волнующие (язык, культура, представительство в органах власти и управления и т. п.). Национальные отношения — сфера особых забот опять-таки партии.

Итак, КПСС осуществляет руководящую роль в советском обществе. Она координирует работу многочисленных советских, хозяйственных и других организаций. Однако только к координации дело не сводится. Партия вырабатывает политику, стратегию развития общества. Партия творчески развивает теорию. На основе научного изучения общественных процессов, обобщения, практики, опыта, и прежде всего опыта перестройки.

Партия усиливает воздействие на общество, общественное мнение, на различного рода организации, но делает это не командно-нажимными, чисто административными, а политическими и идеологическими методами. Делает прежде всего через коммунистов, которые в этих организациях трудятся, состоят, через свои организации. Партия — политический авангард народа, организатор, теоретик и воспитатель.

В стране проводится реформа политической системы — коренная ее перестройка в целях демократизации общества, повсеместного утверждения народовластия, социалистического самоуправления народа. Главная задача реформы, как отмечено на XIX Всесоюзной партконференции,— обеспечение полновластия Советов с тем, чтобы без них не решался ни один вопрос государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни. При формировании исполкомов, состава руководителей отделов и служб становится правилом выдвижение нескольких кандидатур, тайное голосование, конкурсность. Занятие выборных, а также утверждаемых Советами должностей ограничено двумя сроками подряд. Существенно перестроена избирательная система. Верховным Советом СССР принят соответствующий Закон.

Предусмотрено избрание в местных, кроме сельских и поселковых, органах власти постоянно действующих президиумов и во всех без исключения Советов их председателей. Повышению роли Советов будет способствовать рекомендация на должности председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов. Этим самым авторитет возрождаемых Советов поддерживается авторитетом партии. Проводится реорганизация государственной власти. Высшим ее органом призван стать ежегодный Съезд народных депутатов СССР, который образует сравнительно небольшой по численности двухпалатный Верховный Совет СССР. Этот постоянно действующий законодательный, распорядительный орган избирает Председателя Верховного Совета. Устраняется обезличенность палат, по-новому организуется работа постоянных комиссий и депутатов. Важное направление реформы — децентрализация управления, перераспределение функций и полномочий из центра на места с тем, чтобы обеспечить их максимальную инициативу и самостоятельность, исключая в то же время местничество и ведомственность. Упрощается структура и совершенствуются методы функционирования всего государственного аппарата. Важной составной частью реформы является формирование социалистического правового государства.

Успех реформы политической системы в решающей степени зависит от демократизации жизни и деятельности самой КПСС. Важно в полной мере восстановить ленинский принцип демократического централизма, предусматривающий свободу дискуссий на стадии обсуждения и единство действий, когда решения приняты большинством. Углубляется внутрипартийная демократия, чтобы все звенья КПСС действовали в атмосфере партийного товарищества, открытости, критики и самокритики, коллективизма и сознательной дисциплины. Одно из ключевых направлений демократизации партии — это восстановление в полном объеме ленинского принципа коллегиального обсуждения и принятия решений. Партийные комитеты отказываются от подмены государственных и хозяйственных органов, от командно-приказных методов работы. Демократизация жизни партии предполагает максимальную открытость в работе всех ее организаций, их руководящих звеньев. Демократизация немыслима без обновления кадровой политики партии.

Формально - номенклатурный подход к подбору и расстановке кадров себя изжил. Основным методом работы партийных комитетов становится организация подготовки и переподготовки людей, их воспитания с учетом возможностей рекомендации на руководящие посты при соблюдении демократических процедур. Решается задача демократизации избирательного процесса в партии. При выборах членов и секретарей всех комитетов — вплоть до ЦК КПСС — предполагаются широкое обсуждение кандидатур и тайное голосование, возможность внесения в бюллетени большего, чем имеется мандатов, числа претендентов на избрание. Устанавливается единый срок полномочий — 5 лет для выборных органов, от ЦК КПСС до райкомов. Предполагается также проводить через 2—3 года партконференции с правом частичного обновления состава комитетов. Вводится в действие правило: все члены бюро и секретари партийных комитетов, включая членов Политбюро и Генерального секретаря ЦК КПСС, могут избираться на тот же пост не более чем два срока подряд. Создается единый контрольный орган — Центральная контрольно-ревизионная комиссия КПСС и подобные формирования на местах. Упраздняются КПК при ЦК КПСС и Центральная Ревизионная Комиссия КПСС.

Реформа политической системы потребовала принятия ответственных партийных решений и крупных законодательных актов, включая существенные изменения в Конституции СССР. Реформа осуществляется комплексно, в единстве с перестройкой экономики и всего общества. Реформа политической системы — важнейшая гарантия необратимости перестройки.

ВЗГЛЯД ИЗ ЗАРУБЕЖЬЯ

БОЛЬШЕ СВЕТА!

Харуки Вада — профессор НИИ социальных наук при Токийском университете, специалист по истории России и СССР.
Он неоднократно приезжал в Союз и раньше, но книгу написал по материалам 55-дневного пребывания в 1987 году*.
Началось оно первого июня, а двадцатого ноября начальная порция тиража легла на прилавки токийских магазинов.

В бурном издательском потоке труд Х. Вада не затерялся. За последующие полгода типографии пришлось сделать еще четыре допечатки. Что же привлекло японских читателей, донельзя избалованных обилием разнообразной информации? Чем интересны нам наблюдения и суждения японского историка?

Отвечая на оба вопроса, хочется прежде всего упомянуть о безыскусной искренности автора. Не найти у него ни тени рисовки, ни намека на резонерство, ни мимолетнейшей попытки спекульнуть на какой-нибудь сенсации. Между тем чуть ли не каждый шаг по советской земле преподносил сюрпризы.

Сталкиваясь на страницах книги с выражениями простодушного профессорского изумления знаками перемен, все лучше и лучше сознаешь, в какое нелепое пугало превращали державу те, кто монополизировал право на единственно верное толкование ее высших интересов. В самом деле, что, по-вашему, исторгло из-под пера Х. Вада фразы с оборотами типа «немыслимое годом раньше», «нельзя было и представить», «растерявшись от неожиданности»?

Да всего-навсего расширенный доступ желающих на симпозиум историков и свободная дискуссия участников.

* Х. Вада. Перестройка: какой я ее увидел (Москва в горбачевскую эпоху). Токио. «Иванами синсё». 1987.

Готовность заместителя директора Института марксизма-ленинизма ответить на любые вопросы гостя из Японии. Приглашение провести вечер на дому у сотрудника Института мировой экономики и международных отношений. Идущий на экранах фильм «Легко ли быть молодым?». Демонстрация крымских татар на московских улицах. Учреждение дискуссионного клуба при Центральном экономико-математическом институте.

Всего-навсего... Но вряд ли у кого достанет духа возразить автору, когда он и за этими, столь обычными при минимальном уровне цивилизованности явлениями угадывает «поворот Советского Союза от тьмы к свету». Впрочем, на сей счет читателям предъявляются и более веские доказательства.

Гласность — это, по словам Х. Вада, не просто «возможность возвысить голос», это качественно новая форма жизнедеятельности общества, вызов мириадам строжайших табу, расплата по кровоточащим долговым обязательствам, заслон от кумиров всех мастей, могучее орудие борьбы с коррупцией, острая газетно-журнальная полемика, умение жить с инакомыслием, с оппозицией, это непременный залог успешного развития экономики, подъема народного благосостояния.

Хорошо знакомый с хроникой исторической науки, Х. Вада подробно рассказывает об изощренной травле с оргвыводами многих специалистов (М. Гефтера, Э. Бурджалова, К. Тарновского, В. Данилова, П. Волобуева и других) как раз за стремление к строгой научной объективности, к правдивому описанию и анализу пройденного страной пути. Не по их вине отечественная история предстала перед недоумевающими современниками загадочной картинкой.

Х. Вада, по всей видимости, четко осознает ключевое значение трудового настроя для судеб перестройки и не упускает случая поделиться своими мыслями об источниках его подпитки, о его нынешнем состоянии и перспективах.

Он пишет, что народ, населяющий просторы России, на протяжении долгих веков был отчужден от участия в историческом процессе и привык беспрекословно подчиняться распоряжениям свыше, мириться с суровой действительностью, довольствоваться малым, возлагать надежды на внезапные чудесные перемены волею «царя-спасителя». Гражданская война, методы проведения коллективизации и индустриализации, массовые репрессии, война с фашистской Германией, послевоенные трудности добавили к «негативному наследию» всепроникающий страх, в том числе и страх проявить самостоятельность, инициативу.

В книге даже приводится анекдот о японском технике, который был командирован на советский завод и, приглядевшись к труду своих коллег, повинился перед ними: «Плохо, конечно, но, поскольку я иностранец, не могу присоединиться к вашей забастовке».

И двадцать, и пятьдесят лет тому назад среднестатистический гражданин был вынужден идти на колоссальные затраты мускульной и нервной энергии, чтобы обрести товары и услуги, необходимые для выживания. Похоже, административно-командная система специально планировала это чудовищное расточительство во имя самосохранения, жертвуя экономическим эффектом ради политической выгоды.

Допустимы ли радикальные меры в принципе, и если допустимы, то в каких масштабах? — вот вопрос, вызывающий столкновения мнений тех, кого Х. Вада называет «обновленцами» и «ортодоксами». Когда сопоставляешь тщательно подобранные им программные заявления дискутирующих сторон, трудно отделаться от впечатления, что чрезмерная озабоченность классификационными признаками перестройки создает подвижное равновесие с тормозящим живое дело эффектом.

Может быть, ощутив это взвешенное состояние, автор несколько поспешил и уподобил дух перестройки тополиному пуху: «Он тоже везде и так же эфемерен». Последующие наблюдения доказали ошибочность этого вывода. Дух перестройки наверняка не пронизал еще абсолютно все ячейки советского общества, но он силен, и не учитывать его уже невозможно.

Оптимистическую в целом оценку будущего перестройки Х. Вада связывает с динамичностью и целеустремленностью М. Горбачева — «руководителя нового типа», который «идет в массы, высказывает им свою точку зрения и способен вступить с ними в диалог» и который назвал саму перестройку в стране «революцией».

Революционность перестройки порождает множество проблем, стоящих ныне перед Советским Союзом, не исключая, кстати, и особенно серьезную проблему межнациональных отношений. Той же самой причиной — революционностью — объясняются резкие различия подходов к перестройке: она влечет к себе одних, оставляет равнодушными других, отпугивает третьих, повергает в замешательство четвертых и вызывает противодействие пятых. И именно революционность перестройки убеждает автора в том, что «никакие осложнения не поколеблют ее генеральный курс».

...Когда Х. Вада сообщил советским друзьям о намерении написать книгу, они посоветовали назвать ее «Москва — 1987 г.» по аналогии с фейхтвангеровской «Москвой — 1937 г.». Он, однако, не принял этот совет, сочтя, что обманутый или пожелавший сойти за такового мэтр сделал неплохую рекламу сталинской тирании. Перестройке, которая «нужна не только Советскому Союзу, но и Японии, всему миру», фальшивая реклама ни к чему, она способна лишь дискредитировать ее. И, напротив, показать атмосферу, «впервые сложившуюся в стране за семьдесят послереволюционных лет», такой, какая она есть на самом деле, без утаек и пустых славословий,— значит, укрепить авторитет проводимых реформ, пробудить к ним сочувствие и симпатию. К этому и стремился Х. Вада в своем московском репортаже.

Ввдим РАМЗЕС

III ブハーリンの復党願い

[illegible]たのか、この秋から一カ月行けることになったと喜んでいた。なにしろ中国はペレストロイカを考えるのに参考になるというので、中国へ出かける経済学者がふえている。新聞に記事も多い。この専門家が二十年ぶりに出かけていって、じっくり中国をみてくるのは、ソ連にとって大いにプラスになるだろう。

デリューシン氏は、中国では、農業面での改革からはじめ、その効果が目にみえる形で都市の住民にも及んだ、ソ連でも同じことが必要だ、と言っていた。その点で一月の中央委員会総会以来、積極的に発言しているコルホーズ議長ヴァーギンの主張に注目しているとのことだった。われわれの仕事を邪魔しないでくれ、コルホーズの主体性を認めてほしい、という主張である。

こうしてみると、四十代の後半から五十代初めの新しい管理者たち、古参もふくめた進歩派の管理者たちは、ペレストロイカの精神を担って、開放的に、積極的に革新の道を探求していると言えるだろう。彼らが千八百万人の同僚の中でどのような量的・精神的比重を占め、ヘゲモニーを発揮しうるかが問われているのである。

ブハーリン

Есть мнение!

НЕ БОЙТЕСЬ ВОЕВАТЬ ЗА РЕВОЛЮЦИЮ!

Десятилетия нам потребовались, чтобы понять: история отдельно никому не принадлежит — ни инстанциям, ни руководителям партии. Она принадлежит народу. И ту борьбу за очищение прошлого, которую ведет наша пресса, можно только приветствовать. Но вот что настораживает: частенько из уст молодых ребят слышу сетования, дескать, поторопились большевики с революцией, не возьми они власть в свои руки, может, сегодня мы бы жили и богаче, и чище, и свободнее... К сожалению, подобные взгляды разделяет не только молодежь, и если сейчас провести референдум по этому вопросу, то не уверен, что в большинстве окажутся те, кто не разделяет сомнений в правильности выбранного исторического пути. Эти умонастроения не случайны, атака на прошлое, порой бесшабашная, невзвешенная, привела к тому, что мы не заметили, как вместе с идолами валим на землю и идеалы.

Дорогая «Родина», это ваш долг: отвоевать революцию в умах людей. Отвоевать не слащавой проповедью, не догматическими наставлениями, а в жарких открытых дискуссиях по самым разным темам. Не бойтесь остроты, не бойтесь «неудобных» вопросов, воюйте за революцию!

Е. ВОЛОДИН,
сварщик
Новый Уренгой

РАЗБЕГ ИЗ ПРОШЛОГО В ГРЯДУЩЕЕ

Уважаемая редакция «Родины»! Поскольку вашему журналу, как и любому едва родившемуся печатному органу, еще предстоит выработать свое собственное общественно-политическое лицо, считаю возможным, как будущий ваш читатель, высказать следующие соображения и пожелания.

1. Публицистика в журнале не только желательна, но и совершенно необходима как прямая и оперативная реакция на наиболее острые, жгучие проблемы современности.

С другой стороны — побольше читательских писем, пусть самых разных, но зато острых и откровенных.

2. Каким историческим событиям отдавать предпочтение? Несмотря на бурный поток публикаций, по-прежнему «темна вода во облацех», когда речь идет о событиях кануна Октября, самой революции и первых годах Советской власти, вплоть до смерти Ленина. Из прошлых периодов по-прежнему «белая зона» — вся дипломатия царской России как великой державы, а не как убогого «жандарма Европы». Пора, наконец, отдать должное Екатерине Великой (даром, что немка), князю Александру Горчакову и множеству других выдающихся политических деятелей. Тысячелетие христианства обнажило, наконец, религиозную ипостась нашей истории как важнейшего источника национальной и общечеловеческой морали, что, безусловно, должно получить отражение в журнале. Время расставит точки и в пресловутой проблеме пиршества варягов, где нет и быть не может ничего для нас унизительного. И дело в итоге не в отдельных событиях, а в новом, по-настоящему научном и глубоком подходе к нашей истории.

3. История — это всегда разбег из прошлого в грядущее. Поэтому предлагаю рубрику «Окно в будущее», где рассматривались бы возможные сценарии и прогнозы исторических перспектив дальнейшего хода нашей цивилизации.

4. Беспокоит, что интернационализм нередко понимается у нас чересчур однобоко. Многие из наших идеологов по-прежнему в упор не видят грандиозных событий в мире, связанных со вступлением цивилизации в «век информации» и предстоящей уже в недалеком будущем глобальной интеграции человечества на основе всеобщей компьютеризации и единой системы всепланетной связи. Игнорирование этой тенденции в виде традиционного рассмотрения Родины как самостоятельной замкнутой на себя системы, или, хуже того, «лагеря», противостоящего «остальному миру»,— опаснейшее заблуждение. Диалектика проблемы состоит в том, чтобы, сохранив нашу национальную и социалистическую самобытность, органически и достойно вписаться во всю ноосферу планеты, которая едина и одна на всех.

5. Горький опыт показал, что казенно-бюрократические потуги управлять естествознанием, историей и культурой привели, помимо прочих бед, к эмиграции многих наиболее ярких талантов в этих областях. Нужно собрать по крупицам и восстановить то духовное богатство, которое мы преступно разбазарили, вернуть народу бессовестно поруганные имена выдающихся сынов и дочерей нашего Отечества.

6. Учитывая всеобщность и необычайную остроту экологических проблем, считаю необходимым периодически освещать в журнале деятельность созданного при Советской комиссии ЮНЕСКО Центра по проблемам экологии и коэволюции им. В. И. Вернадского.

А. СИЛИН,
доктор технических наук, профессор
Москва

А НЕ СОЗДАТЬ ЛИ НАРОДНЫЙ БАНК КУЛЬТУРЫ?

Весной прошлого года разговорился с живущим в Финляндии директором по экспорту фирмы «Викерс систем» В. Е. Соболевым. Его отец подарил Советскому фонду культуры кубок, выполненный в мастерской Фаберже, а сын унаследовал ныне отцовское имущество: пять картин И. Е. Репина, полотно А. И. Куинджи, другие произведения русского искусства. «А не показать ли вашу коллекцию с помощью фонда культуры в Ленинграде и Москве?» — спросил я. Соболев согласился, хотя при этом оговорился, что не собирается расставаться с родительским наследством. Идея о выставке ему привлекательна, и не беда, что она будет небольшой.

Другой «русский финляндец» — архитектор И. Н. Кудрявцев. Он автор оригинальных общественных и церковных построек в «новгородско-псковском стиле», возведенных в Хельсинки и Ууси-Валамо, изысканный рисовальщик, знаток археологических раскопок в Новгороде. В беседе со мной Кудрявцев с грустью заметил: «Если бы фонду состояться лет тридцать назад, то можно было привлечь к его программам многих русских эмигрантов старшего поколения. Нас остается все меньше, а дети иногда и родного языка не знают. И все-таки что-то еще можно успеть сделать». Помнится, тогда Иван Николаевич обещал поговорить со знакомыми ему соотечественниками.

А не осуществить ли такой разговор шире? Собрать бы патриотически настроенных русских (или, точнее сказать, людей русского происхождения, оказавшихся в эмиграции) в Ленинграде или в Москве и обсудить их пожелания по судьбе отечественного культурного наследия за рубежом.

Полезен был бы всемирный учет исторических реликвий: рукописей, картин, икон и т. д. Неплохо организовать выставку «Русская культура за рубежом». Интересен был бы словарь зарубежных деятелей культуры и науки: писателей, художников, архитекторов, философов, историков, инженеров, врачей, общественных деятелей, артистов, представителей церкви. Ведь многие из них обогатили своими трудами мировую культуру, а сейчас нередко незаслуженно забыты. Важна и библиография их трудов.

О русском наследии, рассеянном по всему свету, разговор особый. Об этом мало что известно. Чаще всего сообщается о нем на уровне занимательного факта или коммерческой хроники. На западных аукционах давно торгуют русскими картинами, иконами, книгами, изделиями прикладного искусства, но в покупках наши музейные работники и коллекционеры почти не участвуют. Так и попадают в чужие руки,— считайте, в безызвестность — выдающиеся собрания редкостей.

Профессор Д. Д. Григорьев, литературовед, тонкий знаток творчества Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, настоятель православного собора святого Николая в Вашингтоне, в июне 1988 года выступил в Ленинграде с лекцией о русской культуре и христианстве. Зашла речь о возможности возврата украденной фашистами во время Великой Отечественной войны иконы «Тихвинская Богоматерь». Эта реликвия, возможно, XIV века, сложными путями оказалась у одного православного священника в Чикаго. Владелец иконы, по словам Григорьева, не спешит с ней расставаться, поэтому необходимо продолжить до конца начатые переговоры по возврату иконы на Родину. В 1920—1930-е годы, рассказывал Григорьев, на Западе были ошеломлены количеством русских исторических произведений, которые буквально мешками за бесценок вывозились из СССР в Западную Европу и США. Как теперь это собрать и вернуть — рецептов нет. Но думать об этом надо. Устраивать ли выставки, поощрять ли дарения. Это та ниточка, по мнению Д. Д. Григорьева, которая может соединить людей, живущих в СССР и других странах.

А не создать ли народный банк русской культуры, который был бы призван спасать, приобретать и возвращать на Родину отечественное культурное достояние? Думаю, что и за рубежом нашлись бы охотники поддержать это начинание.

Уходят в прошлое времена, когда соотечественники, оказавшиеся за границей, клеймились как изменники и предатели. Подход был один и к белому офицеру, и к университетскому профессору, и к сановнику, и к крестьянину-старообрядцу... История все расставила на свои места. Было время бросать камни, настало — их собирать. Граница нашего государства для многих эмигрантов, их детей и внуков перестает быть линией фронта и противоборства. На смену отчуждению приходит общечеловеческое желание быть полезным «земле предков». Берусь утверждать, что наши соотечественники, какие бы трудные и мятежные судьбы ни забросили их в далекие земли, в большинстве своем честные, любящие Родину люди, желающие ей добра и преуспевания.

Пора, на мой взгляд, Советскому фонду культуры совместно с Союзом советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, агентством печати «Новости», газетой «Московские новости», журналами «Наше наследие», и «Родина», Советским обществом по культурным связям с соотечественниками за рубежом (общество «Родина») выступить инициаторами долгожданной, представительной, не преувеличивая, исторической встречи зарубежных земляков с Отчизной. Встречи во имя объединения и консолидации, сохранения культурных ценностей и родного языка, во имя международной поддержки перестройки, во имя светлой любви к Родине, которая у всех нас одна на всю жизнь.

А. КИРПИЧНИКОВ,
член президиума правления Ленинградского отделения Советского фонда культуры,
доктор исторических наук
Ленинград

Обелиск Свободы на Советской площади. Скульптор Н. Андреев, архитектор Д. Осипов. Фото тридцатых годов.

ПУСТЬ ВОЗРОДИТСЯ ОБЕЛИСК СВОБОДЫ

Татьяна ШУЛЬГИНА, заслуженный работник культуры РСФСР

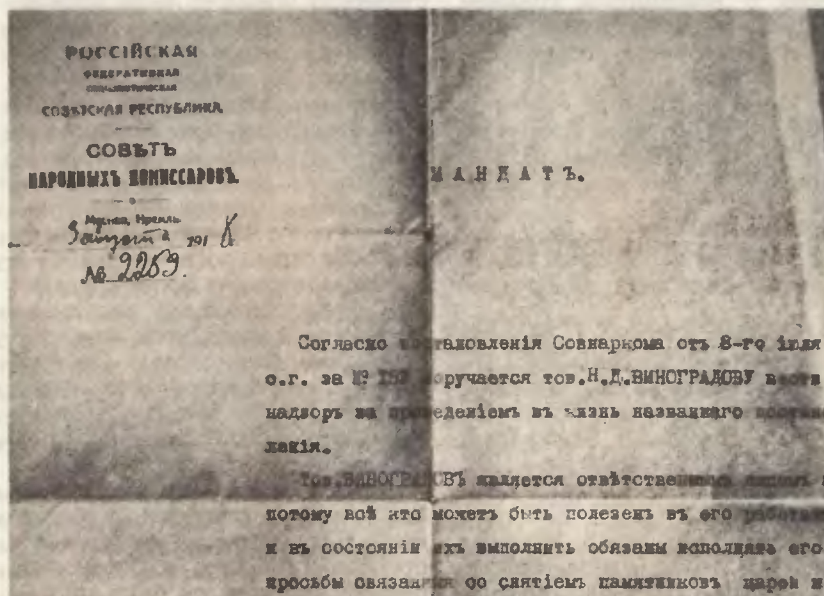
За два месяца до начала Великой Отечественной войны, в ночь с 21 на 22 апреля 1941 года, в центре Москвы на Советской площади раздался взрыв. Волевым указанием «сверху», прикрытым решением Мосгорисполкома о реконструкции площади, был уничтожен первый памятник революции — обелиск Свободы, открытый 7 ноября 1918 года, в первую годовщину Октября.

Поскольку этой истории более 70 лет, хочу восстановить, по возможности точно, не только подробности создания обелиска, но и дальнейшую его судьбу.

Итак, вернемся в апрель 1918 года, когда был издан декрет Совнаркома «О памятниках Республики». В тяжелейшие для страны годы — гражданской войны, голода, эпидемий, экономической разрухи — Ленин нашел время заняться вопросами монументальной пропаганды.

Владимир Ильич искал человека, которому можно было бы доверить организацию нового участка работы, и ему рекомендовали архитектора Николая Дмитриевича Виноградова, молодого человека, занимавшего тогда пост помощника наркома имуществ Республики.

12 июля 1918 года Виноградов впервые попал к Владимиру Ильичу. Ленин ему обстоятельно разъяснил важность и смысл декрета, преследовавшего три основные цели: уничтожение антихудожественных памятников царям и их слугам, создание новых монументов, отражающих революционные завоевания пролетариата, и привлечение архитекторов, скульпторов, художников на сторону революции.



РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

СОВѢТЪ
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ

Москва, Кремль
Августа 191 8
№ 2259.

МАНДАТЪ.

Согласно [illegible]тановленія Совнаркома отъ 8-го іюля о.г. за № [illegible] поручается тов. Н.Д. ВИНОГРАДОВУ вести надзоръ за проведеніемъ въ жизнь названнаго постановленія.

Тов. ВИНОГРАДОВЪ является отвѣтственнымъ лицомъ и потому всѣ кто можетъ быть полезенъ въ его работахъ и въ состояніи ихъ выполнить обязаны исполнять его просьбы связанныя со снятіемъ памятниковъ царей и ихъ слугъ, а также и по вопросамъ связаннымъ съ постановкою памятниковъ революціонному народу и его героямъ.-

Предсѣдатель Совѣта Народныхъ Комиссаровъ [signature]

Секретарь Совѣта [signature]

Этот мандат, выданный архитектору Николаю Дмитриевичу Виноградову (1885—1980), напоминает о первых шагах реализации ленинского плана монументальной пропаганды.

С искренней симпатией я вспоминаю Николая Дмитриевича Виноградова, светившегося доброжелательством и вниманием к человеку. С ним мне приходилось часто встречаться в период организации Музея архитектуры имени А. В. Щусева. О любом доме в Москве он знал буквально все: и автора, и время создания, и архитектурно-строительные особенности. И всегда безотказно делился со всеми своим «богатством».

Николай Дмитриевич вспоминал, что первым рабочие завода Гужона (ныне «Серп и молот») разобрали памятник генералу Скобе-

леву на Советской площади. Бронзовую фигуру поместили во дворе Моссовета, на постаменте памятника устроили трибуну для встречи первомайской демонстрации. А на этом месте соорудили революционный монумент Свободы в честь первой Советской Конституции.

Мандат, полученный Виноградовым, давал ему право руководить всеми вопросами монументальной пропаганды. Ленин просил докладывать ему лично каждые две недели о состоянии дел по реализации декрета. Через несколько дней после встречи архитектора Виноградова с Владимиром Ильичем Совнарком выделил 75 тысяч рублей на проектирование и сооружение монумента Свободы. К конкурсу были привлечены наиболее видные и талантливые архитекторы: Д. Осипов, Н. Васильев, Н. Всеволожский, И. Ефимов, М. Докучаев.

Менее чем через два месяца авторы разработали и представили исполкому Моссовета свои проекты.

Владимиру Ильичу проекты были показаны 18 сентября 1918 года. Он был еще не совсем здоров после ранения, бледен, с рукой на перевязи, вспоминал Виноградов. Был всего лишь третий день, как врачи разрешили ему приступить к работе.

Поинтересовавшись мнением членов исполкома и выслушав доклад Виноградова, Ленин согласился с тем, что проект в виде обелиска наиболее интересен и реален для выполнения в наикратчайший срок.

Понимая всю сложность и ответственность поручения, Николай Дмитриевич буквально сутками занимался организационными делами по созданию первого памятника революции.

Самым реальным казалось ему сооружение монумента из дерева. Однако ни нужного количества плотников, ни материала не нашлось. И тогда Виноградов принимает решение сложить его из кирпича. Привлекли пять опытных каменщиков, работавших от зари до зари. Кирпич реквизировали из разбираемой в то время полицейской управы.

Подвижнический труд архитектора Дмитрия Петровича Осипова *, выдавшего проектную документацию на сооружение обелиска в рекордное время, плюс энтузиазм рабочих помогли менее чем за полтора месяца возвести 25-метровое сооружение к ноябрю 1918 года.

Облицованный «итальянской» штукатуркой монумент (цемент с мраморной крошкой) зрители принимали за гранитный, особенно после нанесения в 1919 году на штукатурку насечки. Интересно, что такую фактуру впервые применили в России при постройке Музея изящных искусств (1898—1912). Работы вела тогда итальянская фирма «Аксерио». В бригаде рабочих, строивших монумент, были русские каменщики, работавшие с итальянцами и освоившие эту технику.

Текст Конституции первоначально написали на фанере золотом по красному фону и поместили в три ниши у основания трехгранного обелиска. Вместо статуи Свободы временно поставили деревянный картуш с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Чтобы читатели могли представить себе обстановку тех дней, следует обратиться опять же к воспоминаниям Виноградова: «Помимо нехватки материалов и опытных рабочих, мешали еще препятствия административного характера, попахивавшие саботажем со стороны отдельных работников Моссовета. Так, например, поднялся шум из-за якобы неграмотности сооружения, отсутствия расчетов, грозящих ему обвалом. Моссоветом была командирована комиссия во главе с профессором Лахтиным, инженером по строительной технике, для проверки расчетов. Комиссия подтвердила безупречность сооружения.

Затем появилась другая комиссия по проверке установленных «лесов», просматривали каждую доску, каждую стойку. Все эти придирки нервировали рабочих, отрывали от дела, отнимали время, и без того крайне ограниченное. Тогда было запрещено пускать кого бы то ни было за ограду постройки, невзирая на лица».

Обелиск торжественно открыли 7 ноября 1918 года. Поручение В. И. Ленина было выполнено.

Предстояло установить статую Свободы, отлить в бронзе доски с текстом Конституции. Статую выполнил выдающийся скульптор Н. Андреев*, а доски с текстом Конституции вылепил и отлил (из бронзы от памятника Скобелеву) скульптор Б. Лавров.

Второе рождение обелиска отмечали 27 июля 1919 г. В статье «Открытие обелиска Советской Конституции» («Правда» от 29 июля 1919 г.) подробно рассказывается об этом знаменательном дне. Деятели Московского Совета, представители РКП(б), нарком просвещения А. В. Луначарский, многочисленные делегации рабочих, молодежи, солдат с фронтов гражданской войны были горды присутствием на столь торжественном событии. Процитирую одно из выступлений: «Пусть этот памятник говорит каждому — если хочешь знать, за что мы воюем, иди сюда, на Советскую площадь, и прочитай на этом памятнике, что у нас только мозолистые руки имеют право на управление, читай, как мы отобрали землю у помещиков, банки, фабрики и заводы — у банкиров и фабрикантов, смотри на то, что стало теперь мировым знаменем пролетариата».

Памятник первой Советской Конституции простоял 23 года. Его изображение вошло в герб Москвы, он был вышит золотом по рисунку Д. Осипова на знамени Московского Совета, включен в орнамент решеток Большого Каменного моста, строившегося по проекту известного архитектора В. Гельфрейха, изображался на марках как символ страны социализма.

Изучая в шестидесятых годах архивные материалы Моссовета за 1940—1941 годы, я нашла решение от 26 марта 1941 года «Об устройстве сквера на Советской площади», об обелиске — ни слова. Только в генеральной смете к техническому проекту устройства сквера и реконструкции площади, утвержденной решением Мосгорисполкома от 23 мая 1941 года, удалось обнаружить одну строчку: «Разборка обелиска — 22,8 тыс. рублей»...

После взрыва директор Третьяковской галереи А. И. Замошкин был в Моссовете, увидел валявшуюся на земле голову статуи Свободы, позвонил заведующей отделом В. В. Ермонской в галерею и попросил срочно выслать машину с рабочими. С ними поехал и Б. Н. Федоров.

Этот бесценный экспонат могли видеть в 1981 году на выставке «Москва — Париж». Маска лица статуи Свободы поражала своей красотой, силой выразительности и пластическим мастерством.

Все попытки вернуться к воссозданию первого советского памятника (а их было немало) оказались тщетными вплоть до 1959 года, когда на имя председателя исполкома Моссовета пришло письмо из Англии от товарища Эндрю Ротштейна, заместителя председателя Общества британо-советской дружбы. Письмо хранится в архивах Главного архитектурного управления (ныне Главмосархитектура). Вот его дословный перевод:

«Уважаемый тов. Промыслов!

Прочел только что в новом номере «Огонька» Вашу статью «Москва, 1965...». Хочется Вас спросить, не найдется ли места тогда для замечательного памятника Свободы, который стоял на Советской площади в 1920-х и 1930-х годах? Все приезжающие в Москву иностранцы — коммунисты и беспартийные, рабочие и прогрессивные интеллигенты — любовались им, его грандиозностью и символическим устремлением вверх пьедестала, на котором в бронзе была выгравирована 1-я Советская Конституция.

Наше общество, которое тогда имело название «Друзья Советского Союза», использовало мой большой снимок этого памятника для обложки одного из номеров нашего журнала «Рашиа тудей».

Было грустно узнать, когда снова приехал в Москву в 1950 г. после 16-летнего отсутствия, что памятник этот снят. В Москве в январе этого года я пытался и не мог найти, кто бы помнил этот памятник. А в сравнении с ним Юрий Долгорукий в художественном и политико-символическом значении, мне кажется, совсем не на месте. Москва не просто город, основанный в XII веке, а город, который имел свое второе, социалистическое рождение в 1917 году (да и Моссовет не старый дом генерал-губернатора, а нечто другое).

Очень надеюсь, что памятник Свободы не уничтожен и будет где-нибудь поставлен на видном месте. С товарищеским приветом Э. Ротштейн».

Именно это письмо послужило толчком для реальных действий.

Правительство поставило перед Мосгорисполкомом и МГК КПСС вопрос о восстановлении в Москве на Советской площади монумента Свободы. Рассматривалось предложение о переносе памятника Юрию Долгорукому на другое место.

* Осипов Дмитрий Петрович (1887—1934) окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, а также Петербургскую академию художеств. Наиболее известные работы архитектора: памятник К. А. Тимирязеву (у Никитских ворот), планировка г. Нижнего Тагила, сквер на Сенатской площади в Кремле и др.

* Андреев Николай Андреевич (1873—1932), скульптор, заслуженный деятель искусств РСФСР. Окончил Строгановское училище, а затем Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Автор знаменитой художественно-документальной серии «Лениниана», включающей свыше 100 скульптурных портретов и зарисовок В. И. Ленина, памятников Н. В. Гоголю (1912 г.), А. Н. Островскому (1929 г.), доктору Ф. П. Гаазу (1909 г.) и ряда других произведений.

Закипела работа, возникали новые вопросы. Например, каким должен быть обелиск — точной ли копией разрушенного или с известной долей модернизации? Можно ли переместить памятник Юрию Долгорукому без повреждений его ценных деталей, облицовки постамента, ведь плиты были из камня Турчинского месторождения, которое к тому времени было истощено, и значит, исключается возможность замены повреждений при демонтаже плит? Наконец было принято решение о перемещении памятника к Новодевичьему монастырю.

Авторы проекта восстановления — архитектор Ю. Шевердяев и скульптор М. Бабурин — сделали семь моделей обелиска, начиная с его точнейшей копии (она хранится в постоянной экспозиции Музея архитектуры имени А. В. Щусева) до различных модернизаций. И каждая модель рассматривалась художественно-экспертным советом Министерства культуры СССР и Градостроительным Советом ГлавАПУ города Москвы.

В сохранившейся стенограмме заседания от 28 августа 1963 года зафиксированы различные точки зрения на проект восстановления. Но я хочу привести краткие выписки из трех выступлений очень авторитетных деятелей искусства.

Архитектор Н. Колли: «Мне кажется, было бы неправильно вместо восстановления монумента, который близок и дорог не только москвичам, но и всему советскому народу, по существу, сооружать новый монумент».

Скульптор М. Манизер: «В данном случае речь идет о том, чтобы восстановить памятник таким, каким он был. На него будут смотреть как на напоминание о 1918 годе».

Архитектор В. Гельфрейх: «Вопрос о том, изменить ли памятник или нет, отпадает. Это исторический памятник, поставленный в первый год революции по желанию Владимира Ильича, и ставить, может быть, даже хороший памятник, но другой, это будет неправильно».

Абсолютно разумное и, как мне кажется, единственно верное решение. Но что же дало голосование? За новый вариант — 13 человек, за сохранение обелиска в его первозданном виде — 9 человек. Механическое голосование, в котором приняли участие все присутствующие, «сломало» саму идею, заложенную в постановлении правительства. Вкусовщина, отсутствие широкого обсуждения были данью времени и затормозили все дело.

Единственное, что было принято единогласно,— это необходимость изменения места установления обелиска. «Ломать» (иначе не скажешь) памятник Юрию Долгорукому, стоивший значительных средств — 5500 тыс. рублей, признали нецелесообразным.

Идет время. Пылятся в архивах нереализованные постановления. Думается, что правы были наши выдающиеся зодчие, мысли которых зафиксированы стенограммой: «Обелиск должен быть точной копией разрушенного». Без всяких поправок и изменений. Таким, каким он когда-то стоял на Советской площади.

Исполкомом Моссовета было принято решение в марте 1983 года о возведении обелиска на площади Пушкина. С моей точки зрения, решение недопустимое. Площадь посвящена гению русской культуры, и добавлять новое сооружение, новую тему в ее структуру было бы неразумно. К тому же ломать новый сквер, полюбившийся москвичам, в который вложены немалые средства,— затея дорогостоящая. И, наконец, что весьма важно: два памятника встали бы на одной оси, зрительно при этом перегружая сложившийся ансамбль площади. А статуя Свободы будет обращена лицом на север, что недопустимо с точки зрения наиболее благоприятного освещения скульптуры.

Мне хотелось бы поддержать обсуждавшееся ранее в ГлавАПУ предложение: соорудить монумент на Боровицкой площади, на участке, свободном от застройки. Именно тут можно создать торжественный подход к обелиску, лестницы, подпорные стенки, пандусы — одним словом, «обыграть» рельеф. В старых стенограммах я нашла, что о том же в свое время говорил Владимир Георгиевич Гельфрейх: «Мне кажется, было бы интересным поднять памятник на небольшой холм. Это будет более эффектно».

Удивительное совпадение. Какие аргументы в пользу этого предложения? Главный — что памятник Свободы будет стоять в центре Москвы, на важной магистрали, носящей имя К. Маркса: между Библиотекой имени В. И. Ленина и Кремлевским ансамблем. Статуя Свободы будет обращена на юго-восток — это самое благоприятное в отношении освещения место для скульптуры, кстати, идентичное тому, которое было на Советской площади.

Нужно также разобраться с вопросом о материалах для обелиска. Полагаю, что серый кованый гранит лучше всего отвечает первоначальному замыслу. А сама статуя Свободы? Бронза или алюминий, литье или выколотка?

Важно начать. Сделать первый шаг. Хватит проволочек. Именно в период революционной перестройки, гласности, восстановления демократических ценностей истории мы должны, обязаны возродить обелиск Свободы, задуманный Лениным в самом начале становления Советской власти.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Под рубрикой «Точка зрения» в журнале будут публиковаться самые разные мнения, в том числе и спорные, о проблемах, которые волнуют сегодня общество. В первом номере предоставляем слово людям разных поколений, размышляющим о нашей истории, ее неизученных страницах и, конечно, об ее уроках. Итак, личное мнение по теме «История в зеркале перестройки».

НИ ДНЯ БЕЗ НОВЫХ ФАКТОВ

Геннадий ЖУРАВЛЕВ,
заведующий лабораторией Академии общественных наук при ЦК КПСС

В июне прошлого года мы провели в Москве исследование общественного мнения, чтобы выяснить, каков уровень исторического сознания наших современников.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что москвичи довольно критически относятся к своим знаниям: более 82 процентов опрошенных оценили уровень своей исторической подготовки как средний или низкий.

На мой взгляд, это объясняется тем, что за последнее время в прессе было опубликовано немало фактов из истории нашей Родины, которые не соответствуют сложившимся в годы застоя представлениям. Недаром был отменен и экзамен по истории в школе.

По мнению опрошенных, работа по формированию объективного исторического сознания в обществе ведется несистематически, от случая к случаю (43 процента), либо не ведется совсем (37). Часть из них считает, что в стране мало исторических памятников, большинство не удовлетворено фондом исторической литературы в библиотеках, которыми пользуется.

Оставляет желать лучшего и воспитание историей в семье. Скажем, хорошо знают прабабушку и прадедушку только 16,6 процента опрошенных, а о более далеких предках ведают лишь...

Чем же больше всего интересуются москвичи? Какие исторические факты их привлекают? Большинство опрошенных проявляют заметный интерес к народным гуляньям, играм, танцам, песням, сказкам, фольклорным ансамблям, народной медицине. Многие высказались за сохранение ряда обычаев: венчания, крещения, поминовения и других.

42,3 процента опрошенных высказали интерес к жизни выдающихся деятелей культуры, науки, русских и советских полководцев, 41 — к жизни политических деятелей КПСС и Советского государства; 32,3 процента занимают быт и традиции народа, 28,3 — борьба народов нашей страны за свою независимость, против иностранных захватчиков, за свое социальное освобождение; 10,2 — борьба пролетариата с капиталом; 3,8 — деятельность героев труда первых пятилеток и периода 1941—1945 годов.

Мы не могли не задать и вопроса об И. В. Сталине. Ответы на него свидетельствуют, что историческое сознание подвижно. Так, если в ноябре 1987 года 16 процентов опрошенных высоко оценивали роль Сталина в истории нашего общества, то в июне 1988 года такой точки зрения придерживались лишь 0,8 процента. Такой сдвиг, видимо, произошел под влиянием средств массовой информации. 54,7 процента опрошенных считают, что эта одиозная фигура сыграла отрицательную роль в жизни нашей страны; 30,6 — находят в его деятельности и положительные, и отрицательные моменты, а 13 процентов... не ответили на наш вопрос.

Очевидно также не без влияния прессы, радио и телевидения сформировалось и общественное мнение о периоде 30-х годов в истории советского общества. 47,5 процента считают это время мрачной полосой в жизни нашей страны, так как наряду с успехами в строительстве социализма проводились и массовые репрессии, творилось беззаконие. 43,3 процента дали более осторожную оценку — «выдающиеся успехи и много негативных явлений», а 12 процентов ответили, что это были годы «массового героизма советского народа, трудового энтузиазма».

Ответы о коллективизации (44,2 процента считают, что она была необходимой, но в ходе ее проведения были допущены ошибки, а 32,1 процента — что «особой необходимости в коллективизации не было») объясняются не только тем, что в опросе участвовали горожане, но, наверное, и недостаточностью, однобокостью получаемой информации. Ведь только недавно стали публиковаться сообщения о людских потерях в результате насильственной коллективизации.

А если взять другие периоды нашей истории? До сих пор, например, неизвестно количество людей, прошедших через места лишения свободы за последние десятилетия в результате применения следственными и судебными органами так называемого обвинительного уклона. Отсутствовала информация и о противоречиях, существовавших в нашем обществе, что размывало критерии нравственности.

58,5 процента опрошенных заявили, что они хотят знать правду о прошлом. 41,1 процента руководствуются стремлением извлечь из минувшего уроки, найти в нем корни современных явлений, а 95,1 процента утверждают, что исторические знания необходимы для успешного осуществления перестройки.

ПРОШУ СЛОВА!

МИФОМ ПЛЕНЕННЫЕ?

Зитта СОВДАГАРОВА,
кандидат философских наук

Наше атеистическое сознание, всегда отличавшееся отсутствием полезных знаний об истории религии, о содержании Библии, вдруг в эпоху перестройки стал навязчиво посещать... мудрый и печальный миф о вавилонском столпотворении. Первым о Вавилоне вспомнил на XIX партконференции Ю. В. Бондарев. Затем, оказавшись на слуху у интеллигентов, библейский миф упоминался всякий раз, когда речь заходила о разбушевавшейся в обществе разноголосице мнений, литературных битвах, баталиях историков. Взывая к религиозному «опыту» человечества, так и не достроившего башню высотою до небес из-за распрей между строителями, воинствующие атеисты, кивая на миф, намекают на сумятицу и неразбериху, угрожающие грандиозной стройке социализма на этапе расширения демократии и гласности.

Однако за красочностью аллегорий не будем забывать о конкретном содержании библейского мифа, повествующего о нациях и народах, занятых созидательным трудом, но с трагической внезапностью ввергнутых в конфликт разноязыких, бессмысленно попрекающих друг друга людей. Может быть, такое — не всуе, ради красного словца,— обращение к нему заставит увлеченно дискутирующую общественность осознать наконец, с какой стороны угрожает опасность.

Звучала ведь не раз и была повторена на заседании Президиума Верховного Совета СССР справедливая мысль о том, что «...в нашем многонациональном государстве без мира в нашем доме, без дружбы народов нам задач перестройки не решить». Эта великая духовная ценность — дружба между народами исторически различных языков и культур,— отразившись в цели и средствах проводимых партией крупномасштабных политических и экономических реформ, должна была, кажется, оказаться в центре общественного внимания, требуя от каждого советского гражданина «зрячего» суждения и взвешенных действий. Один из столпов сталинской идеологии — миф о сложившемся на века интернациональном единстве разноязычных народов в Стране Советов — более других охраняется ревнителями застойных времен. В их рядах, думается, негласно принято известное мнение западных советологов о том, что национальные проблемы в Советской стране представляют собой ящик Пандоры, который правительству, не обладающему жестокостью Сталина, лучше замуровать.

А между тем нарастающая атмосфера психологического дискомфорта в национальных отношениях, накаляясь то в одной, то в другой географической точке страны, взорвалась в солнечном Азербайджане. Сумгаит на один кровавый миг осветил и звериные рыла убийц-националистов, и «великомудрые» физиономии политиков-страусов от брежневского застоя.

Оказывается, даже в рядах активных сторонников перестройки не все сознают важность незамедлительного рассмотрения наболевших национальных проблем. К примеру, А. Нуйкин, автор популярной статьи «Идеалы или интересы?» («Новый мир», 1988, № 1—2), в своих ответах на анкету «Литературной газеты», публиковавшуюся в преддверии XIX партконференции, специально оговорил: «Судьбы мира ведь на волоске висят и напрямую от успеха перестройки зависят! Все надо в таких условиях бросить: карьерные интриги и гонорарные битвы, национальные и любые другие амбиции...» Поставленные в один ряд с эгоцентрическими пороками антиперестроечных личностей, обозванные (в который раз!) амбициями, национальные чувства людей, естественно, оказываются за бортом перестраивающейся действительности, противопоставляются самой перестройке; а нам с вами (опять-таки в который раз...) предлагают задуматься о судьбах мира безотносительно к судьбам народов, этот мир населяющих, а конкретно — больших и малых народов, составляющих Советский Союз, каждый из которых не мыслит себя в отрыве от своего исторического отечества и естественной во всякие времена священной любви к нему. Попрание национальных чувств людей, пренебрежение к ним и есть пренебрежение к судьбам мира.

Не из догматически ли понятого тезиса К. Маркса о первичности базиса по отношению ко всей идеологической надстройке исходит широко распространенное в нашем обществе мнение, что решение в ходе перестройки экономических проблем неизбежно и само собой облагородит сферу межнационального общения, приведет к естественному исчезновению конфликтов на национальной почве?

С древности известно, что подобное лечат подобным. И оскорбленное, уязвленное или даже просто неудовлетворенное национальное чувство, у какого бы народа оно ни проявлялось и на какой бы конкретно экономической почве ни произросло,— явление духовного

порядка и не может быть «подавлено» никакими материальными благами. Более того, от материально-экономического фактора нет прямого пути к пониманию конкретных форм межнационального общения — отношений идеологического характера. Именно во избежание узко догматического понимания К. Маркса Плеханов, блестящий теоретик марксизма, труды которого призывал штудировать Ленин, неоднократно подчеркивал, что для понимания того или иного явления в обществе недостаточно знать его «экономию». «Надо от экономии уметь перейти к общественной психологии, без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологий».

На протяжении десятилетий мы познавали, что величайшая духовная ценность — дружба между народами — не может быть установлена ни громогласным лозунгом, ни клятвенным заверением, ни даже угрозой стопудового кулака. Напротив, все больше распространялись и укреплялись в среде наших народов недоверие и скептицизм в отношении всяческих лозунгов. Бессмысленно повторяя тезис о нерасторжимых братских узах, народы вынужденно таили боль и досаду за беззакония, несправедливости, унижения или даже надругательство над своим национальным достоинством.

Так было с крымскими татарами — целым народом, объявленным предателем и изменником Родины, вопреки исторической правде мужества и героизма его сынов, наравне с другими сражавшихся и отдававших свои жизни за наше с вами будущее; так было с сотнями тысяч немцев, наших с вами соотечественников, в один день оказавшихся вне закона и отправленных в дальние края, вопреки годами проверенной нашей довоенной дружбе с ними и их любви к социалистической стране; так было с армянами — одним из древнейших народов, когда, будто в насмешку над муками, с какими этот народ вынес тысячелетия борьбы за независимость и сохранение своего христианского отечества, его историческая родина была безбожно обкорнана, а сам он разделен...

Правду говорить легко и приятно — такое «открытие» сделали мы для себя в эпоху гласности. Но как не заметить, что за долгие годы успешного сокрытия правды мы с успехом научились обходиться и без нее. Удивительную для человека, существа разумного, то есть стремящегося к познанию истины, приобрели мы способность искусственно урезать правду: вот сколько-то ее можно, а столько — уже нельзя. Относительно прошлого — сколько хотите, можно даже всю, а вот относительно настоящего — лучше по частям, сообразуясь с моментом.

А как быть с прошлым, тесно смыкающимся с настоящим, и наоборот? Как, например, рассматривать проблемы межнационального общения? Ведь очевидно, что корни — в прошлом, а проблемы — в настоящем.

Иной обыватель пожмет плечами, узнав о фактах растущей эмиграции из нашей страны немцев в ФРГ, а евреев — в Израиль. И еще прошипит как бы вдогонку: «Продажные...». Невдомек ему, десятилетия читавшему в газетах о процветающей дружбе между советскими народами, что могут среди нас находиться люди, этой дружбой обделенные. Евреи, к примеру, время от времени становились жертвами разнузданного антисемитизма. Только сегодня писатели и публицисты начали открыто высказываться о волне антисемитизма, поднявшейся в нашем обществе после печально известного «дела врачей».

А сколько горечи от непонимания накопилось в душе каждого человека, будь он эстонец, казах или молдаванин! Здесь и проблемы языка, и развития национальной культуры, и связанные с ними вопросы истории и психологии народа, и специфические для каждого народа демографические проблемы, и актуальные для всего Советского Союза (но наиболее остро воспринимаемые как раз через призму национального сознания) вопросы экологии, сохранения природной среды обитания народов, выступающей для каждого из них не просто фактором его жизнедеятельности, но и культурным символом, естественноисторической достопримечательностью.

Так есть ли в нашей многонациональной семье народ, так сказать, сполна вкусивший от райской благодати сталинской национальной политики, в неизменном виде дошедшей и до наших демократических дней? Русские, может быть? Ведь только в отношении к русскому народу Сталин пользовался эпитетами «великий», «героический»; в общественном сознании русское — советское слилось, сделалось нераздельным. А между тем русские незаметно лишались счастливого права других народов обладать, помимо своей политической характеристики, привычным самоназванием нации и через него ощущать свое единство и национальную неповторимость. Ведь это с «легкой» руки Сталина задуманное как свободный союз **равноправных** наций объединение наших советских народов вылилось в «братство народов СССР, сплотившихся вокруг великого русского народа, представляющего наиболее выдающуюся нацию из всех наций, входящих в состав Советского Союза» («Краткий философский словарь». М., 1954). «Поставленный над народами», не подставлен ли был русский народ под удар всевозможных прошлых и будущих обвинений в «великодержавном шовинизме»?

Непомерно высокой ценой заплатил русский народ за этот навязанный национализм. Во имя «борьбы с врагами» была истреблена громадная часть исконно русского крестьянского населения, неисчислимые жертвы понес пролетариат, были подавлены, сосланы, загублены исчисляемые тысячами и тысячами представители русской интеллигенции. Заклейменный ответственностью перед «меньшими братьями», именно русский человек был выставлен в авангард безумной борьбы за якобы интернациональную культуру, во имя которой из года в год с издевательскими оскорблениями перетряхивали сокровищницу его философских и культурных ценностей, взрывали церкви — смиренные памятники его героической Отчизны, перекраивали историю, убивая память.

Но остановимся, как это ни трудно сделать, на подъеме обличительного пафоса. Здесь легко перейти... нет, не меру. Границу, за которой уже нет места серьезному исследованию причин, в первую очередь социально-психологических факторов, сделавших возможным функционирование сталинской идеологии в социалистическом обществе в условиях фактической подмены народовластия диктатурой Сталина и его окружения.

Бичуя сегодня тирана, многие продолжают оставаться его рабами, когда, боясь оступиться, следуют по пятам его маниакального страха перед демократией, означающей для советских народов в первую очередь реабилитацию и осознание собственных национальных прав.

В послесталинский период развития нашей страны, в 1957 году — в самый разгар реформаторской деятельности Н. С. Хрущева, случилось в национальной жизни советских народов событие, достойное возрожденного для справедливости общества. Тогда без лишней аффектации, из одного лишь долга перед попранной истиной, были возвращены на родную землю поголовно выселенные по указке Сталина в 1944 году чеченцы и ингуши, восстановлена в правах автономии Чечено-Ингушская республика. Пусть ценой неоправданных жертв, но восторжествовала справедливость и по отношению к некоторым другим народам. И стало ясно: только так, неоднократно подтвердив делом слово, прозвучавшее на XX съезде КПСС, мы еще сможем одержать победу в сражении с фантомами проклятого прошлого. Безусловно верными были стратегия и тактика этого «боя» — поступательное исправление конкретно и на практике «роковых» ошибок прежнего руководства. Но волюнтаризм в экономике загубил и всю гуманитарную программу преобразования общественных отношений... Трагично, если учесть, что сегодня происходит наоборот: едва вступив на путь разумных экономических преобразований, мы споткнулись о национальные проблемы.

Если в экономических исканиях нового времени ощущается общественное стремление ухватиться за путеводную нить размышлений Ленина о кооперации, организации производства при социализме, то в национальной политике мы еще не приблизились к фундаментальным принципам его теории образования и функционирования многонационального государства.

Вдумайтесь: незадолго до Великой Октябрьской революции Ленин писал: «Мы требуем свободы самоопределения, т. е. независимости, т. е. свободы отделения угнетенных наций не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном раздроблении или об идеале мелких государств, а, наоборот, потому, что мы хотим крупных государств и сближения, даже слияния наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, **немыслимой** без свободы отделения». Итак, крупное многонациональное государство и «даже слияние наций» — цель, гарантированное народам право на «свободу отделения» — средство. То есть свободный союз наций, надежно застрахованный правовыми институтами многонационального государства от превращения в ненавистную, памятную со времен самодержавия тюрьму народов. На месте ее возникает система взаимоотношений между равноправными народами, которые, по **доброй воле** объединившись и одним этим каждый во сто крат умножив свой экономический, военный и культурный потенциал, в дальнейшем — из растущих выгод совместного материального и духовного сотрудничества — будут все теснее сближаться друг с другом и, кровно заинтересованные в связях между собой, укрепят многонациональное государство. «**Иного пути**,— не уставал подчеркивать В. И. Ленин,— к этой цели нет и быть не может».

Как же далеко отошли мы в части пустопорожних тезисах о воспитании советских людей в духе интернационализма от содержательного анализа (по Ленину) интернационализма как **процесса**, закономерно проистекающего из социально-политических и социально-психологических условий добровольного соединения наций в федерацию советских республик! А сегодняшнее предложение, прозвучавшее с высокой трибуны XIX партконференции в выступлении одного из делегатов,— о тотальной интернационализации управленческих кадров, создании «интернациональных структур, охватывающих все стороны нашей жизни» и характеризующихся «ротацией кадров по горизонтали по всей стране»,— представляется, на мой взгляд, уже прямой для нее угрозой.

Вспомните, не случайно для Ленина путь к образованию и укреплению многонационального государства лежал через признание принципа свободы самоопределения для народов, который, как выясняется, единственный гарантирует каждому из них **реальную** независимость, то есть свободу от диктата со стороны центральных властей. Потому что, выступая в качестве закона, предупреждает всякое противоречащее национальным интересам вмешательство центра во внутреннюю жизнь народа, огражденного от произвола властей правом на «свободу отделения», то есть выхода из союза. Таким образом, по мысли Ленина, народы с полным доверием друг к другу (и к общей центральной власти) уже в процессе экономического и культурного сотрудничества тесно сближаются в условиях только их доброй воли, а не диктата власти, даже сливаются в интернациональном единстве.

Надо ли говорить, что любой нажим «сверху», применение внешней силы, подгоняющей деликатный этот процесс, ведет к подозрительности и недоверию в межнациональном общении, разом сводя на нет все предыдущие успехи.

На протяжении долгих десятилетий мы отчаянно бились с любым проявлением национального чувства у советских людей. Так что закономерно сложилась в современном искусстве ситуация, когда, по признанию одного из самых искренних наших писателей, В. Распутина, «понятия «родина», «патриот», «память», «история» все больше и больше сталкиваются в националистическое русло». Более полувека, присягая лозунгу «дружбы народов СССР», мы кощунствовали над его смыслом, затыкая рот интеллигенции, не смеющей призвать к уважению прав, исторического достоинства, национальной самобытности своих малых и больших народов, чтобы не быть публично обвиненной в «мелком лавочном национализме» или «великодержавном шовинизме».

Ленин понимал, что националистические настроения в среде малых народов и у их выразителей коренятся естественными (по историческому опыту бесправных в Российской империи наций) подозрениями в отношении к русскому народу, «убежденностью» в исходящей от него угрозе их независимости в объединенном государстве. Но он в борьбе с национализмом рассчитывал не на хулу или преследования его выразителей, а на практическое создание таких политических условий объединения народов и такого гаранта их независимости, которые сделали бы бессмысленным и сам национализм. Не случайно в самый разгар обсуждения так называемого грузинского вопроса, драматического по накалу разгоревшихся национальных страстей, он писал: «Важно, чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их **независимости**, а создавали еще **новый этаж**, федерацию равноправных республик». Мы уже знаем, что политическим гарантом, бдительно охраняющим суверенность нации в добровольном союзе, Ленин полагал фундаментальный принцип свободного самоопределения для народов. Тот же принцип, реализуемый на практике равными правами народов «на свободу соединения» и «свободу отделения», был положен в основание пропаганды интернационализма. Причем в среде малых народов, пояснял Ленин, основной упор в агитации интернационализма следовало делать на принцип «добровольного соединения наций», разъясняя грамотно преимущества крупного мощного государства, всеобщности социальных, экономических и политических интересов перед мелконациональной узостью, обособленностью, замкнутостью. В среде больших народов — наоборот: упорствовать на принципе «свободы отделения» малых народов с ясной целью предотвращения шовинизма не только русского — всех больших относительно меньших народов, чтобы они осознали, что любая форма национальной несправедливости по отношению к их «малому другу» обернется законным правом последнего расторгнуть союз.

В практической работе, боясь даже заикнуться о фундаментальном принципе ленинской нацио-

нальной политики — свободе самоопределения для народов, у нас нередко опирались лишь на тезис о нерасторжимости «братских уз», сопровождая каждый случай обострения национальных проблем громогласными призывами повысить уровень и совершенствовать средства и методы идейно-воспитательной работы. Но что, собственно, следует совершенствовать: зычный голос агитатора, наглядные пособия по волнующей всех тематике? Ясно только, что во всех случаях интернационализм противопоставлялся национальному чувству людей, трактовался и пропагандировался не как высшая форма развития естественного и очень глубокого в каждом человеке национального чувства, а как прямая его противоположность. Удивительно ли, что результаты подобной работы столь плачевны: национальные проблемы в стране обострились, а интернационализм как процесс забуксовал...

Накануне Пленума ЦК КПСС, который рассмотрит проблемы межнациональных отношений, хотелось бы высказать ряд соображений о возможных путях и способах решения непростых этих вопросов.

Первым необходимым условием на пути преодоления национализма в обществе, на мой взгляд, должно стать скромное откровение общественной мысли: перестройка, если это всерьез, миновать реконструкцию сферы межнационального общения не может. Не ожидание экономических благ, а активный поиск реальных путей утверждения национальной справедливости для миллионов людей и не завтра, а сегодня способен, вызвав у народов доверие к центральной власти, подвигнуть их на трудовой подвиг раньше и быстрее, чем любой из лозунгов, призывающих к активизации «человеческого фактора» на производстве.

Вспомните, какой силы моральную и материальную поддержку получил революционный пролетариат России от национально-освободительного движения, поднятого во всех уголках Российской империи твердым обещанием большевиков установить национальную справедливость!

«Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России,— с удивлением читаем мы проникновенные слова вождя мирового пролетариата,— за то, что не вмешался энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о Союзе Советских Социалистических Республик... вопрос миновал меня почти совершенно». Возможно ли, чтобы уже тогда смертельно больной Ленин предвидел тяжесть роковой ноши, которую взвалит Сталин на рабочих России?

Для многих из нас только сегодня стало ясно, что любое обострение национальной проблематики в стране «закономерно» оборачивается всплеском антирусских настроений в многонациональном Союзе.

В общественном сознании народов каждый случай притеснения национального языка, пренебрежения к истории народа и его культуре, к демографической и экологической проблемам на территории национальной республики воспринимаются не иначе как злой умысел «могучего» русского народа. И, без вины виноватый, сам находящийся у порога демографического кризиса, более других на протяжении советской истории терпящий и страдавший от экономических и политических авантюр своих неудачливых правителей, русский человек вырастает в глазах остальных «братьев» до устрашающих размеров угнетателя, вершителя их исторических судеб.

Закономерно, что и в среде русских, простодушно размышляющих о причинах такой неприязни, в ответ порой распространяются, сметая на своем пути высокие мысли Ф. Достоевского о «всемирной отзывчивости» русской души, шовинистические настроения.

Здравомыслие общества, ради собственной пользы вступившего на путь гласности и демократизации, должно, наконец, проявиться и в осознании такого простейшего факта, что дружба (между народами так же, как и между отдельными индивидами) не может быть навязана, а тем более состояться в условиях одной лишь пропаганды нерасторжимости «братских уз».

Не пора ли, приступая к кропотливому и деликатному делу обсуждения национальных проблем, без ложного стыда разоблачить перед врачующей истиной все большие и малые болезнетворные точки в нашем многонациональном государстве? Памятуя при этом, что даже подлинные гласность и демократизация не рецепт и, конечно же, не волшебное средство от национальных болезней, а необходимые социально-исторические условия для их профилактики и лечения. Вырванные из тьмы умолчания разнообразные антисемитские, антирусские и всяческие другие настроения должны наконец пройти терапию Истиной, всегда примирявшей народы. А иначе когда еще отстанет от нас навязчивый миф о вавилонском столпотворении?

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

С Борисом РАКИТСКИМ, вице-президентом Советской социологической ассоциации Академии наук СССР беседует журналист Андрей КАБАННИКОВ

ПУТЕМ ПЕРЕМЕН

«...Хочется спросить: а кто же, кроме партийных органов, сегодня реально занимается перестройкой на местах? Неужели это те крикуны, которые выходят на улицы с сомнительными лозунгами и предлагают создать какие-то комиссии, комитеты содействия перестройке, вплоть до создания новой политической партии...»

(Из стенограммы XIX Всвсоюзной партийной конференции).

— Борис Васильевич, аы вице-празидент Советской социологической ассоциации Академии наук СССР, один из тах, кто изучает движание самодеятельных инициатиа изнутри, сотрудничаат со многими его представителями. Чем объяснявтся этот интерес?

— Почему вообщв меня интересуют социвльно вктивные люди? Я марксист по убеждениям и выступвю за революционный путь первстройки — путь глубоких и решитвльных первмвн, возвращение в русло прогрессивного социалистического развития. Но подлинную рвволюцию «сверху» совершить невозможно. Это азбучнов положение марксизма-ленинизма. Сверху может раздаться призыв, возникнуть импульс, как это и произошло сейчас. Рвволюция же всегда происходит как вкт историчвского творчвства широких социальных сил. По моему убеждвнию, все варивнты выхода общества из нынешнего вго состояния сводятся к трем основным. Первый — реставрация сталинизма, возврат к казарменной деформации социвлизмв. Конечно, выхода из кризиса такой варивнт нв укажвт, но создаст на какое-то время видимость вго преодоления. Можно за счет принуждвния приподнять эффективность производств и тем самым получить новые рвсурсы для удержания сильной позиции в мире. Все это будвт связано также с изоляцией от остального мира, обеднением культуры и другими знвкомыми нвм явлвниями, но проявится позже и ствнвт предметом осуждения будущих поколений.

— Неужали аы полагаете, что аозможность такого аыбора реальна посла всаго, что известно тепврь о периоде культа личности Сталина?

— Меня поражвет, с какой легкостью и бвззаботностью свмые разные люди говорят сегодня: возврата к былому нет. Многим кажется, что осуждение культа положило конец и сталинизму. Но это вовсе нв так. И спустя 35 лет после смерти Сталина созданнвя им системв существует и демонстрирует большой звпас прочности. К тому жв в различных слоях нашего общества по-прежнему присутствуют нвстроения в пользу эдакого рабского порядка. Смотрите: известные рвшения 1983 года по укрвплвнию дисциплины фактичвски отнимали у наших трудящихся знвчительную часть их првв. И что же? Никакого сопротивления. Поколения, не знавшие ужасов репрессий, также послушно приняли стиль «звинчивания гавк». Реставрация сталинизмв — это на свгодня главнвя, срьезная опвсность для стрвны.

— Какиа же альтарнатиаы этому пути представляются аам вероятными?

— Другой вариант историчвского выбора можно условно назвать прагматическим. Он тяготевт к мысли, что экономическив проблемы могут быть решены автономно от задач политичвского развития, внв зависимости от того, что происходит в социальной и духовной сферах. Пусть партия займвтся идеологией и политикой, а хозяйственникам даст «карт-бланш». Из такого подходв вытвквт допустимость в качестве временного мвнввра безработицы, незаконного продления рвбочвго дня. Прагматичвский вариант — это компромиссный подход, рассчитанный нв сосуществование нового типа хозяйственника и нвизменной политичвской систвмы. У него немало сторонников и среди руководителей обрвзца звстойных лвт, и среди ученых-экономистов. Всв это делает шансы его на реализацию весьма высокими.

— Многим имвнно такой путь кажется встественным и разумным. Ведь рост эффективности экономики неизбежно отразится и на благосостоянии трудящихся.

— Да, но при этом квк-то забываются ленинские уроки борьбы с «экономизмом». А они говорят о том, что без политичвских завоеваний никакие экономичвскив улучшения не могут быть ни существвнными, ни устойчивыми. Рвциональное хозяйствоввние, конечно, смягчает произвол и дажв требует ограничения его законом. Но гдв гарантии демократичности законов, разработанных и принятых начальниками-прагматиками? Првгматизм кувт из хозяйственника предпринимателя, а из работника — борца нв болвв чем за выгодную продажу своей рабочвй силы, конкурента другим работниквм. Вдумвемся в это — и станет понятно, куда ведет прагматизм, если поддержать вго всем миром. Поэтому я как коммунист числю себя сторонником третьего пути и рассмвтриваю первстройку как социальную революцию, которая можвт быть только делом масс. Подчвркиваю: революцию, содержвние которой — слом комвндно-административной системы и установлвнив демокрвтичвского хврактерв управления. Первход к народовластию коренным образом изменит всю систвму общественных отношений — в том числв и экономичвских. Замвтьте, вариант реставрации сталинизма нвсовместим с вктивизвцией масс. Прагматический вариант готов при нвобходимости огрвничиться сугубо производственной активизвцией. Социалистический путь немыслим без широкого общественно-политичвского движения — добровольного, свободного, двмократического. Теперь должно быть понятно, почвму меня интервсуют самодеятельные общественно-политичвские клубы и объединения, выступающив за радикальный и притом двмокрвтический вариант пврестройки. Хочу лишь замвтить, что держу в поле зрения только несколько московских клубов и объединвний, которые считаю прогрвссивными. Поэтому мои оценки и наблюдения относятся прежде всего к ним.

— Можно ли выделить во арамени определанный этап зарождения нынешнего самодеятельного движения?

— Полагаю, что да. Движенив свмодвятвльных инициатив — одно из проявлений гражданской активизации. Это ответ на политику гласности. Хотя гласность — зто вще не свобода словв, в только значительнов увеличвние квоты правды при сохранвнии монополии на истину. Вообще-то наш народ всв знает. И его доверие прямо зависит от того, сколько правды вму говорят.

В 1986 году самодвятельного движвния еще не сущвствовало. И только после января 1987 года, по моим оценкам, возникает тот минимум доввper доввия, который позволявт включиться в политическую жизнь. Люди начинают исквть свое место в сложившейся системв, понемногу ощущают себя политическими двятелями.

— Стало быть, точкой отсчета для даижения самодеятельных инициатив можно считать январский (1987 г.) Пленум ЦК партии?

— Были и ситуативныв причины. Скажвм, XX съезд ВЛКСМ. Комсомол перед своим съездом проввл большую пропагандистскую работу, организовал широкие дискуссии, «завел» молодвжь. Но затем явно не сумел дать выход разбуженной энергии. Распаленные спорами,молодые люди стали искать формы самодеятельного движвния. Комсомол же после съезда эти попытки решитвльно пресекал. Эта большая ошибка приввла к тому, что комсомол свгодня фактичвски перестал быть вдинственной молодежной организацией.

— Дааайте твпарь поговорим о формах, в которых проявляет себя самодеятельная общестаенно-политическая инициатиаа.

— Прежде всвго это клуб — проствйшая формв. Почвму именно клуб, а не, скажем, трудовой коллвктив? В коллвктиве процесс активизации идвт неравномерно. Человек ищет: кто вще вокруг озабочен теми жв проблвмами, что и он? И находит таких людей в клубе.

— Есть люди, которые видят в клубах организации и даже партии, претендующие на аласть...

— Такой взгляд можно объяснить лишь неосведомленностью. Клубы нв рассчитаны на единство, в них все разные, и только предмет дискуссий один. Клубы открыты для всвх, их состав все время меняется. Я вспоминаю одно большое совещание, в котором участвовал лвт десять назад. Тогда как раз обсуждался вопрос о создании молодежных дискуссионных клубов,и один крупный комсомольский работник сказал: это крайне сложная задачв, потому что трудно найти срвзу столько подготовленных людей, которые контролировали бы их работу. Да, было именно так — молодые люди не могли обсуждать волнующие их проблвмы без инструктора.

— Ещв один доаольно стандартный упрек относится как раз к обилию разговоров, за которыми на следуат дела.

— Так ведь клуб именно для того и существувт. Да, это своего рода посидвлки. Но разговор — крайне полезная форма, если речь идет об активизвции общвственного сознания. Это и есть очень ввжное двло. Вы спроситв: квкую роль играют в развитии искусства кружки художестввнной самодеятельности? Я вам отвечу: огромную. Двют выход творческой инициативе народа. Человека интвресует музыка — у него всть кружок. А если он потянулся к политике — у него должен быть клуб. Теперь представьте на минуту, что у нас в искусстве есть только народные артисты и больше никого. Они поют, а оствльные должны их слушать. Но ведь и остальным тоже хочется петь. И они собирвются сами по себе. Да вот только у них ничего для этого нет — ни зала, ни инструментов — всв у народных артистов...

— И все-таки они поют. А рвно или поздно разбужвнная вктианость станет искать сабе настоящее примананив и когда-то наизбежно перахлестнет рамки клуба. Что жв происходит тогда?

— Следующвя форма социальной активности — это движенив. Онв болвв

активна и устойчива. Для движения нужна ясная, актуальная идея, способная сплотить вокруг себя людей. Например, есть у нас движение экологическое, зачатки движений мы наблюдали в форме протестов в Ярославле, Южно-Сахалинске, Куйбышеве, Астрахани и ряде других городов во время выдвижения делегатов на партийную конференцию. Это было удивительным: ведь не продовольствие, не жилье, не транспорт вызвали протесты. Когда не тех посылали на конференцию, сразу возникали многотысячные митинги. Люди верят в возможность перемен, выдвигают на видное место политические требования.

— Как вы относитесь к созданию народных фронтов в поддержку перестройки?

— Надо смотреть, что стоит за этим словом. Народный фронт, согласно марксистской теории, это общественно-демократическое движение, которое обуздывает произвол, выступает гарантом демократизации и демократии. Например, Эстонский народный фронт в нынешнем своем виде — движение, которое способно оказывать давление на верхи, не позволяя им отклоняться от курса на перестройку. Но некоторые предлагают создать широкую организацию на базе сегодняшних формализованных структур, поставить над ними традиционный аппарат и назвать все это народным фронтом в поддержку перестройки. По меткому выражению одного обществоведа, это будет «комсомол для взрослых».

— Способно ли широкое общественно-политическое движение привести к созданию новых партий?

— Теоретически — да, могут возникнуть политические организации, обслуживающие это движение. Мне известно, что народный фронт Эстонии и литовский «Саюдис» включили в свои программы пункты о необходимости легальной деятельности любых, в том числе политических объединений и организаций. Одновременно они считают недемократичным узурпацию политической власти.

— Борис Васильевич, не могли бы вы охарактеризовать основные этапы, которые пережило движение самодеятельных инициатив в Москве с января 1987 года?

— Это довольно условное и примерное деление. Первый этап пришелся на весну и лето 1987 года. То было время активного возникновения клубов. Основная форма их работы — митинги. Осваивается первая ступень свободы: преодоление страха перед высказываниями вслух того, что ты думаешь. Этот этап был крайне важным в психологическом плане. Люди учились говорить открыто, идя на риск (ведь никаких гарантий они не имели), подавляя внутреннего цензора. С января по август форма клуба, митинга по сути своей была исключительно прогрессивной и внесла значительный вклад в активизацию сторонников перестройки.

— В августе была встреча-диалог «Общественная инициатива в перестройке», заслуга в проведении которой принадлежит и партийным комитетам.

— Я тоже так считал. Во всяком случае, без участия горкома партии и комсомола организовать подобное было просто немыслимо. Но 1 февраля 1988 года мы могли прочесть в печати, что Клуб социальных инициатив организовал эту встречу... по подсказке с Запада! Вот такие парадоксы. Встреча-диалог, безусловно, веха в развитии самодеятельного движения. С нее начался второй этап, продолжавшийся по апрель 1988 года. Это период значительного давления на клубы со стороны властей. В ноябре многие из членов демократических клубов взялись защищать Б. Н. Ельцина. Ходили с его портретами, собирали подписи. На мой взгляд, глупая затея — выдумывать этакого героя, доброго аппаратчика, который взял бы и решил за нас все проблемы. Это выходило на поверхность обывательское, пассивное сознание, воспитанное сталинизмом.

— Какое влияние на движение оказала полемика вокруг письма Нины Андреевой и ответв в «Правде»?

— В Ленинграде произошло особенно явное противоборство аппаратчиков, пропагандировавших вовсю идеи Н. Андреевой, и демократических клубов, срывавших эту пропаганду. Силы были неравны, но правда тогда победила. С апреля начался третий, довольно короткий, но активный этап, предшествовавший партийной конференции. Резко увеличилась доза правды в печати. Заговорили серьезные ученые. В воронку гласности оказались наконец-то втянутыми лучшие интеллектуальные силы. В этих условиях клубное движение пережило глубокий кризис. Мера смелости официальной информации возросла настолько, что теперь уже смелость клубов стала казаться нормальной. А вот уровень их дискуссий поблек в сравнении с тем, что становилось теперь достоянием широкой общественности. Программы, демократические наказы клубов оказались слабее, чем опубликованные наказы некоторых партийных организаций. А некоторые партсобрания перед конференцией — куда до них клубам! Выяснилось, что клубная форма, в сущности, и не может быть за что-то. Это же посиделки. За что могут быть посиделки? Возникала задача движений, клубы недотянули до движений — так и остались клубами. Они тоже нужны, но потребности развития превзошли клубную форму. Так что клубы вовсе не лидировали в период подъема демократии от апреля прошлого года и до партийной конференции.

— Изменилась ли эта тенденция сегодня? В чем, на ваш взгляд, характерные черты нынешнего этапа движения самодеятельных общественно-политических инициатив?

— Клубная форма сейчас вновь на подъеме, приобретает свое прежнее значение. Клуб вновь оказался зоной наиболее открытых и смелых дискуссий. В него вливаются серьезные ученые. Они пришли туда и подняли уровень клубных высказываний.

— В какой степени, по вашему мнению, предопределены нынешние конфликты между официальными и неформальными структурами?

— Самодеятельное движение образца 1987—1988 годов в массе своей было настроено на компромисс. Тот же клуб «Перестройка», который рождался на моих глазах. Знаете, что было их первым побуждением? Пойти в горком партии и получать там от Ельцина задания. Потом, конечно, подобные представления изменились.

— Борис Васильевич, а вам не кажется, что этому во многом способствует недостаток политической культуры участников самодеятельного движения и порой их нежелание прислушиваться к доводам здравого смысла, неприятие иных точек зрения?

— Но культуру политического действия может сформировать только социальная практика. А в этой практике членов клубов и объединений все время как раз и ограничивают. Причем нередко в такой форме, что это порождает у людей протест, ведет к ужесточению отношений.

— И тогда бюрократия получает аргументы для оправдания своей позиции. Смотрите, говорит она,— это же крикуны, экстремисты, злоумышленники. Создается атмосфера отторжения, в которой, скажем, комсомольскому работнику безопаснее сдать без боя двадцать сражений, чем участвовать хотя бы в одном.

— Но это иллюзия, что таким образом удастся сдержать рост общественной активности. Границы силового давления далеко не беспредельны. Ведь если активные сторонники перестройки не имеют возможности работать в официальных структурах, они создают структуры параллельные. Могут ли теперь, к примеру, власти не считаться с существованием Эстонского народного фронта? Партийным и комсомольским комитетам нужно как можно быстрее переучиваться. Я видел ПОРП вскоре после кризиса 1980—1981 годов — она разительно менялась, активно бралась за то, что есть самое главное для партии — политичвская работа в массах, борьба за людей.

— Уместно ли подобное сравнение? Мы все-таки далеки от того, что пережили поляки в начале восьмидесятых.

— Конечно. Но ведь смотрите — еще в феврале все считали, что в Армении относительно спокойно. И вдруг возникло мощное движение, из которого партийные комитеты извлекли немало горьких для себя уроков. А многие ли еще год назад предвидели создание народных фронтов в Прибалтике? Кто мог предположить, что выборы делегатов партийной конференции вызовут взрыв активности — пусть разный по силе в разных местах, но направленный однозначно — на демократизацию? Впереди у нас выборы депутатов и съезд Советов, с которыми люди связывают так много надежд. Уверен, они тоже станут ареной борьбы различных социальных сил. Да и не только они. События развиваются стремительно. Активность общества растет на глазах, но вместе с тем видно, что и бюрократия оправилась от растерянности, в которой пребывала еще год назад. И мне кажется, что мы вступаем в период, который требует от всех определить свои позиции, раскрыть максимальные возможности народной инициативы в революционном разрешении стоящих перед обществом проблем.

ТОТ, СТАРЫЙ ЖУРНАЛ

«Родина» начала издаваться ровно 110 лет тому назад — в 1879 году в Петербурге. Основателем и владельцем был журналист В. А. Захаров. Но уже через год журнал был продан А. Траншелю, а прежний владелец стал в нем редактором. Впрочем, владельцы и редакторы менялись в «Родине» достаточно часто. С 1883 года журнал стал еженедельником и в этом качестве перешел в руки Альвина Андреевича Каспари, человека делового и во многом оригинального.

Каспари был чистокровным немцем из Берлина. В те времена среди отечественных издателей вообще было порядочно лиц немецкого происхождения, и многие из них внесли значительный вклад в дело книгопечатания в нашей стране. Вспомним добрым словом хотя бы такие фамилии, как А. Маркс, М. Вольф, И. Ефрон, Г. Гоппе...

Двадцати одного года от роду приехал А. Каспари в Петербург и стал метранпажем в типографии своего соотечественника Вульфа. Молодой человек, судя по всему, имел хорошую голову на плечах, отличался честностью и здравым смыслом, поэтому вскоре стал управляющим типографии, а затем завел и собственное дело. Он-то в 1886 году и купил еженедельник «Родина», которым владел до конца своей жизни (умер в декабре 1912 года).

Заполучив в руки журнал, А. Каспари сделал из него что-то вроде периодического календаря. Причем выходили самые необычные издания под заголовком «Родина».

Скажем, подписался читатель на журнал «Родина», в положенный срок получает его. А потом вдруг приходит газета, которая тоже называется «Родина», а под заглавием написано: «Бесплатное приложение к журналу «Родина». В ней читатель находил рассказы о происшествиях, убийствах, скандалах... Затем подписчик получает, и опять же вроде бы бесплатно, «Всемирную панораму» — замечательные картинки с небольшими пояснениями. Здесь можно было увидеть и охоту в Африке на львов, и коронацию государя императора. Но и это еще не все. Существовало также бесплатное приложение «Развлечение». Четыре, а то и восемь страниц ребусов, кроссвордов и головоломок...

Одним словом, подписался на одно издание, а получил четыре! Конечно, лукавый издатель ничего такого бесплатного подписчикам не презентовал, стоимость всех этих приложений была четко скалькулирована.

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона есть заметка о журнале, который можно назвать нашим однофамильцем. «Родина»,— констатирует словарь,— после «Нивы» самый распространенный из русских иллюстрированных журналов».

Издатель недаром много лет прожил среди тех, кто делал и продавал в России газеты, журналы, книги. Он, думаю, мог бы много рассказать историй о прогоревших изданиях. Вот, например, «Огонек». Известнейший ныне журнал тоже имеет своего отдаленного предка, который, кстати, стал выходить в том же самом 1879 году и тоже в Петербурге. И владельцем-то его был тоже немец, известный издатель Герман Гоппе. Кстати, привлек он для работы в своем иллюстрированном журнале такие литературные силы, каких «Родина» никогда не имела. Сотрудничали в том, в старом «Огоньке» Вл. Соловьев, А. Майков, А. Островский, Я. Полонский, Г. Данилевский... И что же? Уже в 1883 году журнал приказал долго жить (с 1899 по 1918 год выходил другой журнал «Огонек»), а довольно слабая в литературном отношении «Родина» дожила до 1917 года, успела опубликовать и отречение от престола Николая II, и фотографии корниловского мятежа, и знаменитый снимок красногвардейского караула у дверей Смольного.

Ирония судьбы? Да просто Каспари ориентировался на среднего российского обывателя. Он издавал «журнал для семейного чтения», который помогал людям забыть острые углы и шипы повседневной жизни. Жуткие страсти, кипевшие на страницах повестей и романов, опубликованных в «Родине», работали как громоотвод от драм и трагедий повседневности. Даже в 1905-м, да и в 1917 году журнал умудрялся отделаться от бурлящей общественной жизни «официальными сообщениями» и продолжал печатать литературу для «семейного чтения». Таков был его стиль, его позиция.

Но давайте не будем спешить с оценками. Давайте-ка заглянем в наше время, в сегодняшний день. Посмотрим на себя критически и будем снисходительны к тем, кто издавал и кто читал тот, старый журнал. Разве мы не решаем кроссвордов? Разве не предпочитаем порой футбол или хоккей общению с серьезной книгой? Нет, не перевелись и еще долго не переведутся любители «легкого чтения». Да разве это так уж и плохо?

Выпускал А. Каспари и серьезную литературу. Например, «Библиотеку романа» или, что еще примечательнее, «Дешевую библиотеку русской классики». Просто не могу себе представить длину очереди у книжного магазина, если б вдруг Госкомиздат СССР решил выпустить такую серию. Словом, не будем забывать делового немца А. Каспари, для которого Россия действительно стала второй родиной и который, кроме многих издательских предприятий, был еще и основателем первой в нашей стране школы печатного дела при Императорском Русском техническом обществе.

Владимир ЛЕБЕДЕВ

ПОРТРЕТ БЕЗ РЕТУШИ

К концу XX столетия мы пришли без П. Чаадаева и В. Соловьева, М. Бакунина и П. Кропоткина и многих других философов, ученых, революционеров, труды которых, книги о которых могли бы помочь читателям узнать о различных мировоззрениях и социальных моделях, о далеко не ординарных жизненных путях их создателей.

П. А. Кропоткин. Фото двадцатых годов.

Наталья ПИРУМОВА

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Петр Алексеевич Кропоткин — ученый и революционер, широко известен в странах Западной Европы, Америки, в Индии, Китае, Японии и почти совсем не знаком нашему читателю.

Свои первые исследования в области геологии и географии начал Кропоткин в 60-х годах прошлого века в Восточной Сибири. Одну из основных своих работ в этой сфере наук, «Исследование о ледниковом периоде», он писал уже в Петропавловской крепости.

Революционное движение, казалось, его полностью захватило, но ученого-энциклопедиста влекло к теоретическому обоснованию законов общественного развития, к установлению их взаимосвязи с законами природы, к их глубокому исследованию. После побега из Петропавловской крепости он жил в 80-х годах в эмиграции (Швейцария, Англия, Франция), и снова тюрьма — теперь уже во Франции. Там он обратился к проблемам биологии, а спустя несколько лет на огромном материале естественных наук сформулировал свою теорию взаимной помощи и солидарности — как фактора эволюции человечества. По сути, она легла в основу его системы антиавторитарного, анархистского воззрения.

«Анархия, — считал Кропоткин,— есть миросозерцание... Ее метод исследования — метод естественных наук; этим методом должно быть проверено каждое научное положение. Ее тенденция — основать синтетическую философию, т. е. философию, которая охватывала бы все явления природы, включая сюда и жизнь человеческих обществ, и их экономические, политические и нравственные вопросы».

Социальная доктрина Кропоткина была обращена в будущее, которое он связывал с построением анархо-коммунистического общества, организованного на базе самоуправления всех видов ассоциаций, общества, не имеющего над собой диктата государства.

О Кропоткине, его жизни, его творческом наследии, его социальной доктрине можно писать и пишут исследования, популярные книги, статьи. Предлагаем читателю документальный рассказ о коротком периоде контактов Кропоткина с Лениным.

В 1917 году на склоне лет Петр Алексеевич Кропоткин получил наконец возможность вернуться из сорокалетней эмиграции. Поселившись в Дмитрове, под Москвой, он продолжал свои научные исследования и пристально следил за событиями политической и экономической жизни страны.

К концу лета 1918 года Советская республика оказалась в крайне тяжелом положении. Три четверти ее территории были захвачены белогвардейцами и интервентами. Противники Советской власти активизировались внутри страны: 20 июня был убит комиссар по делам печати, пропаганды и агитации М. М. Володарский, 30 августа жертвой террористического акта стал председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий. В тот же день выстрелом из революльвера был тяжело ранен В. И. Ленин. На все эти акции Советская власть ответила «красным террором». Кропоткина эти события чрезвычайно взволновали, и 17 сентября он обратился к Владимиру Ильичу с просьбой о встрече.

«Я просил у Вас свидания, чтобы поговорить об очень серьезном вопросе — о «красном терроре».

Я уверен, что Вы сами много об этом думали и не слегка на него решились, но тем не менее я решился высказать Вам, какое у меня, любящего Россию и революцию, сложилось отношение к террору, после всего пережитого и передуманного об этом.

Озлобление, вызванное в рядах Ваших товарищей после покушения на Вас и убийства Урицкого, вполне понятно...

Но что понятно для массы, то непростительно для «вожаков» Вашей партии. Их призывы к массовому красному террору; их приказы брать заложников; массовые расстрелы людей, которых держали в тюрьмах специально для этой цели — огульной мести... Это недостойно руководителей социальной революции...

Все политические правители, все вынесенные на гребень революционной волны, должны знать, что они ежедневно, постоянно рискуют пасть жертвой политического убийства — это такая же особенность их жизни, как риск машиниста на локомотиве. Вы жили за границей и знаете, конечно, как спокойно к этому относятся политические люди. В Америке, в минуты разгара страстей, так живут все крупные руководители партий.

...В 1794-м году, как Вам, конечно, известно, террористы Комитета Общественной Безопасности оказались могильщиками народной революции.

Не знаю, удалось ли Вам, среди тревог партийной жизни ознакомиться с новыми работами о Великой Французской Революции; но вот факты, как они представляются теперь. Силу народной революции, начавшейся 31 мая 1793 г., ...составляли Секции в больших городах и Народные Общества в провинциях — те же «Советы» — и их выразителями были Комитет Общественного Спасения и особенно Парижская Коммуна.

Но рядом с этой, революционной и отчасти уже строительной силой возникла другая — сила полицейская, в лице Комитета Общественной Безопасности и его полицейских отделов во всех секциях. И эта полицейская сила, страшно усилившаяся, когда начался террор, съела сперва Секции, затем Коммуну, а затем и Комитет Общественного Спасения. Она толкала Комитет на все крайности террора, на все зверства в провинции, она разложила Секции, обратив их из органов Революции в органы полновластной полиции, и наполнила их худшими элементами. И в июле 1794 года буржуазия, пользуясь тем, что народ, которому опротивела кровь, отвернулся от якобинцев, что Коммуна была разрушена террористами, а Секции наводнены дрянными элементами, сделала государственный переворот в пользу буржуазной партии жирондистов.

Не осознавая того, что они делают, Ваши товарищи... подготовляют то же самое в Советской республике.

В русском народе — большой запас творческих, построительных сил. И едва эти силы начали налаживать жизнь на новых, социалистических началах... как обязанности полицейского сыска, возложенные на них террором, начали свою разлагающую, тлетворную работу, парализуя всякое строительство и выдвигая совершенно неспособных к ней людей. Полиция не может быть строительницей новой жизни. А между тем она становится теперь верховною властью в каждом городе и деревушке.

Куда это ведет Россию? — К самой злостной реакции...»

Резкость критики Кропоткина, очевидно, удивит читателя, но она не показалась чрезмерной Владимиру Ильичу, он глубоко уважал своего оппонента и прислушивался к его мнению.

В ноябре 1918 года они встретились. Товарищ Петра Алексеевича — А. Атабекян записал по этому поводу: «Кропоткин пытался повлиять на Ленина в плане отмены смертных казней. Может быть, в связи с разговором Кропоткина с Лениным было отменено разрешение местным отделам ЧК производить самостоятельные расстрелы».

Сам Ленин, выступая 27 ноября 1918 года на собрании партийных работников Москвы, следующим образом объяснил изменение политики репрессий. «Возьмите всю интеллигенцию. Она жила буржуазной жизнью... Поскольку она колебалась в сторону чехословаков, нашим лозунгом была **беспощадная борьба — террор.** Ввиду того, что теперь... поворот в настроении мелкобуржуазных масс наступил, нашим лозунгом должно быть **соглашение,** установление добрососедских отношений».

Через некоторое время сотрудник Всероссийского Центрального Союза потребительских обществ С. Мильнер, по своей служебной деятельности часто встречавшийся с членами Советского правительства, 23 февраля 1919 года писал Кропоткину: «...Должен я Вам заметить, что отношение представителей Советской власти к Вам самое теплое. В. И. Ленин очень интересуется Вами, с глубоким вниманием и необыкновенным интересом относится к Вам и к Вашим словам. Его отношение к Вам так меня поразило, что еще сейчас нахожусь под этим впечатлением. А отношение — вполне искреннее, неподдельное. Такое же отношение к Вам и других советских деятелей. О Бонч-Бруевиче и говорить нечего: он просто с любовью слушает о Вас».

29 апреля того же года управделами СНК РСФСР Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич прислал Кропоткину следующее письмо: «Владимир Ильич, который шлет Вам привет, говорил мне, что он очень был бы рад с Вами повидаться».

Встреча состоялась 3 мая на квартире Бонч-Бруевича в Кремле. Она описана в воспоминаниях Владимира Дмитриевича.

«— Как я рад видеть Вас, Владимир Ильич,— воскликнул Кропоткин.— Мы с Вами стоим на разных точках зрения. По целому ряду вопросов и способы действия, и организацию мы признаем разные, но цели наши одинаковые, и то, что делаете Вы и Ваши товарищи во имя коммунизма, то очень близко и радостно для моего стареющего сердца. Но вот Вы преследуете кооперацию, а я за кооперацию!

— И мы — за! — громко воскликнул Владимир Ильич.— Но мы

против той кооперации, в которой скрываются кулаки, помещики, купцы и вообще частный капитал...»

Кооперация, широко распространенная в стране, «до сих пор,— писал Ленин в феврале 1920 года,— охватывала верхушки, давала преимущества тому, кто имеет средства вносить паевые взносы, не давала возможности пользоваться ее услугами трудящимся массам. С этой кооперацией мы решительно порвали, но не так, чтобы свести насмарку кооперацию вообще, а мы дали в марте и апреле 1918 года кооперации задачу охватить все население».

Кропоткин не понял политики Советской власти, направленной на переход к кооперации, действительно обслуживающей все население. Ему представлялось, что диктатура пролетариата не дает простора местному творчеству, «росткам общественности», пробивающимся в кооперации.

Но вернемся к разговору на квартире Бонч-Бруевича.

«— Мы хотим,— сказал Владимир Ильич,— только снять маску с лжекооперации и дать возможность широчайшим массам населения вступить в действительную кооперацию.

— Я против этого не спорю,— ответил Кропоткин,— и, конечно, там, где это есть, с этим нужно бороться изо всех сил, как со всякой ложью..., но вот в Дмитрове я вижу, что преследуют нередко кооператоров, ничего общего не имеющих с теми, о которых Вы сейчас говорили, и это потому, что местные власти, может быть, даже вчерашние революционеры, как и всякие другие власти, обюрократились, сейчас же превратились в чиновников, которые желают вить веревки из подчиненных им, а они думают, что все население подчинено им.

— Мы против чиновников всегда и везде,— сказал Владимир Ильич,— мы против бюрократов и бюрократизма, и это старье мы должны вырвать с корнями, но ведь Вы же прекрасно понимаете, Петр Алексеевич, что людей переделывать очень трудно, что ведь, как говорил Маркс, самая ужасная и самая неприступная крепость — это человеческий череп! Мы принимаем все и всяческие меры для успеха в этой борьбе, да и сама жизнь заставляет, конечно, многому учиться. Наша некультурность, наша безграмотность, наша отсталость, конечно, всюду и везде дают о себе знать, и никто не может приписывать нам, как партии, как государственной власти, то, что делается неправильного в аппаратах этой власти, тем более там, в глубине страны, в отдалении от центров.

— Но от этого, конечно, не легче всем тем, кто подвергается влиянию этой непросвещенной власти,— воскликнул П. А. Кропоткин...

— Но ничего не поделаешь,— прибавил Владимир Ильич,— в белых перчатках революцию не сделаешь. Мы прекрасно знаем, что мы сделали и сделаем очень много ошибок, очень много неправильностей, многие пострадали совершенно зря, но все, что можно исправить,— исправим, сознаемся в своих ошибках, часто в прямой глупости, но не делать ошибок во время революции — нельзя... А вот Вы помогите нам, сообщайте нам все те сведения, которые Вы имеете, о всех неправильностях и будьте уверены, что каждый из нас отнесется к ним самым внимательным образом».

Эти рисунки Кропоткина относятся к концу 50-х — началу 60-х годов XIX века.

Далее Владимир Ильич стал говорить о гражданской войне, о решающей силе «прямых действий масс».

«— Мне ужасно приятно слышать то, что Вы говорите,— заметил Кропоткин.— Если Вы и Ваши товарищи все так думают, если они не опьяняются властью и чувствуют себя застрахованными от порабощения государственностью, то они сделают много. Революция тогда действительно в надежных руках.

— Будем стараться,— добродушно ответил Владимир Ильич,— и «будем посмотреть»,— употребил он свое любимое словечко,— чтобы никто из нас не зазнался и не закомчванился. Это болезнь ужасная, но у нас есть прекрасное лечение: таких наших товарищей мы отправляем к станку, в массы.

— Вот это прекрасно, вот это правильно...— воскликнул Петр Алексеевич,— это всем полезно. Надо никогда не отрываться от рабочих масс, и надо знать, что только с массами, именно с рабочими массами, возможно достигнуть всего того, что намечается во всех наших самых передовых программах... Надо, чтобы рабочий элемент превалировал и чтобы они — не рабочие — лишь только помогали рабочей массе в деле просвещения, в деле усвоения тех или других знаний и были бы как бы служебным элементом в той или другой социалистической организации».

В этой же беседе Ленин затронул вопрос об издании многих работ Кропоткина, из которых особенно выделял «Историю Великой Французской Революции». В 1926 году Бонч-Бруевич вспоминал, что Владимир Ильич неоднократно высказывался об этой книге: «Он не раз говорил мне, что считает историю Французской Революции, написанную П. А. Кропоткиным, лучшей из всех историй Французской Революции, написанных до сего времени. Он неоднократно высказывал пожелание, чтобы она была напечатана по крайней мере в ста тысячах экземпляров и размещена нашим правительством во всех библиотеках нашего Союза, начиная с волостных изб-читален, при фабриках, заводах, во всех военных и морских библиотеках, одним словом, решительно везде в как можно большем количестве экземпляров. По просьбе Владимира Ильича мною была составлена смета на отпечатание этой работы П. А. Кропоткина в ста тысячах экземпляров «четким и ясным шрифтом, на хорошей бумаге, хорошо сшитых, в переплетах»,— как задал мне задачу Владимир Ильич. К сожалению, тогда, в 1919 г., по техническим соображениям эту задачу осуществить не удалось. Владимир Ильич опять вернулся к этой мысли при свидании его с П. А. Кропоткиным... Здесь Владимир Ильич предложил Петру Алексеевичу издать его работу, охарактеризовав ее в самых лучших выражениях и особенно подчеркнув, что роль рабочих и ремесленников автором работы выдвинута на первый план.

...К сожалению, это дело еще до сих пор не сделано, а его надо бы сделать по завету Владимира Ильича и подарить широчайшим рабочим, крестьянским массам, в честь и славу великого бунтаря П. А. Кропоткина, ту книгу, которую так высоко ценил скупой на похвалу и рекомендацию Владимир Ильич» [1].

Наряду с этой книгой Ленин предлагал издать тиражом 60 тыс. экземпляров другие книги Кропоткина — «Записки революционера», «Взаимная помощь как фактор эволюции», «Поля, фабрики и мастерские». По словам Бонч-Бруевича, Ленин говорил ему: «[Кропоткин] для нас ценен и дорог всем своим прекрасным прошлым и теми работами, которые он сделал».

Возвращаясь к приведенной выше беседе, напомним, что Ленин сам предложил Кропоткину сообщать о всех неправильностях и ошибках, которые нельзя «не делать во время революции».

Вскоре действительность уездного города подала Петру Алексеевичу новый повод обратиться к Ленину. 4 марта 1920 года он начал писать ему письмо о крайне тяжелом положении на местах почтово-телеграфных служащих, жалованье которых не обеспечивало их жизни. Он сообщал, к примеру, что жалованье служащих — две или три тысячи рублей, а цена одного пуда муки — девять тысяч рублей. Продовольствие же, которым должны снабжаться служащие по декрету от 15 августа 1918 года, два месяца не выдается. А в итоге в послании революционера содержалось широкое обобщение о советском строительстве.

«Живя в большом центре — в Москве, нельзя знать истинного положения страны. Нужно жить в провинции, в близком соприкосновении с повседневной жизнью, с ее нуждами и бедствиями, с голодающими — взрослыми и детьми,— с беготней по канцеляриям, чтобы получить разрешение на покупку грошовой керосиновой лампочки и т. д., чтобы узнать правду о теперешних переживаниях.

Вывод же из переживаемого нами теперь — один. Нужно торопиться с переходом к более нормальным условиям жизни. Долго так продолжаться не может и мы идем к кровавой катастрофе. Никакие паровозы союзников, никакие вывозы русского хлеба, пеньки, льна, кож и пр., что нам самим необходимо,— не помогут населению. Несомненно одно. Если б даже диктатура партии была подходящим средством, чтобы нанести удар капиталистическому строю (в чем я сильно сомневаюсь), то для создания нового социалистического строя она безусловно вредна. Нужно, необходимо местное строительство, местными силами, а его нет. Нет ни в чем. Вместо этого на каждом шагу людьми, никогда не знавшими действительной жизни, совершаются самые грубые ошибки, за которые приходится расплачиваться тысячами жизней и разорением целых округов.

...Без участия местных сил, без строительства снизу — самих крестьян и рабочих — постройка новой жизни невозможна.

Казалось бы, что именно такое строительство снизу должны были бы выполнять Советы. Но Россия уже стала Советской Республикой лишь по имени. Наплыв и верховодство людей «партии», т. е. преимущественно новорожденных коммунистов (идейные больше в центрах), уже уничтожили влияние и построительную силу этого много обещавшего учреждения — Советов. Теперь правят в России не Советы, а партийные комитеты. И их строительство страдает недостатками чиновничьего строительства.

...Чтобы выйти из теперешней разрухи, Россия вынуждена обратиться к творчеству местных сил, которые, я вижу это, могут стать фактором для создания новой жизни... И чем скорее будет понята необходимость этого исхода, тем лучше. Тем более будут склонны люди принять социальные формы жизни. Если же теперешнее положение продлится, то самое слово «социализм» обратится в проклятие. Как оно случилось во Франции с понятием равенства на сорок лет после правления якобинцев.

С товарищеским приветом

П. Кропоткин».

Идею Советов, принятую со времен первой русской революции, он считал великим завоеванием творческой революционной мысли. В местном советском строительстве и в кооперации он видел революционный путь дальнейшего развития не только России, но и других стран.

Посылая в 1920 году с Британской рабочей делегацией письмо западноевропейским рабочим, он писал: «Идея Советов, т. е. Советов рабочих и крестьян, впервые

[1] Книга Кропоткина была опубликована один раз издательством «Наука» в 1979 г. в серии «Исторические памятники» тиражом 43 тыс. экз.

провозглашенная при революционной попытке 1905 г. и осуществленная вслед за Февральской революцией 1917 г., тотчас же после ниспровержения царизма, эта идея Советов, контролирующая политическую и экономическую жизнь страны,— великая идея, тем более, что она неизбежно ведет к тому, что эти Советы должны состоять из всех тех, кто личным трудом принимает реальное участие в создании народного богатства».

В другом письме 1920 года, адресованном старому другу, он говорил о том, что «кооперативное движение — особенно русское крестьянское кооперативное движение — будет в последующие 50 лет служить творящим ядром коммунистической жизни». Но, предрекая великую роль кооперативному движению, приветствуя организацию жизни органами подлинно народной власти, Кропоткин в то же время предупреждал людей об опасности диктатуры, несовместимой, как он считал, со свободными формами власти Советов; говорил об опасности государственной централизации для судеб дальнейшего развития революции!

И в Обращении к западноевропейским рабочим он предупреждал: «До тех пор, пока страна управляется диктатурой партии, Советы рабочих и крестьянских депутатов не будут иметь значения. Они приобретают пассивную роль...

Рабочие Советы прекратили осуществлять свободное руководство тогда, когда прекратилась свобода печати,— мы очутились в таком положении около двух лет назад,— предлогом для таких мер было состояние войны. Более того, Советы... потеряли свое значение тогда, когда была прекращена свободная предвыборная агитация, и выборы стали проводиться под давлением партийной диктатуры. Конечно, оправданием этих мер, этого диктаторского курса была неизбежность таких в борьбе со старым режимом. Но подобный метод управления, вполне возможно, станет страшным препятствием тогда, когда революция перейдет к строительству нового общества на новой экономической основе».

Необходимость диктатуры в эпоху интервенции и гражданской войны явно недооценивалась Кропоткиным. Антиавторитаризм его был слишком прямолинейным, но нельзя не отдать должного его социальному прогнозу, его предвидению путей экономического и политического развития революции.

Теперь, когда мы возвращаемся к своим истокам, когда с новой надеждой смотрим на Советы, когда кооперация становится действенным компонентом народного хозяйства, вспомним и еще один завет старого революционера о том, что исход борьбы будет зависеть «от творческой силы, примененной к переустройству общества на новых началах. Исход будет зависеть в особенности от созидательных общественных сил, перед которыми на время откроется широкий простор, и от нравственного влияния преследуемых целей».

Следующий контакт Кропоткина с Лениным был связан с процессом по делу «Тактического центра» — подпольной организации, объединявшей силы борющихся против диктатуры пролетариата. Процесс над участниками этой организации проходил в Москве в августе 1920 года. В числе подсудимых оказался и С. П. Мельгунов — историк, публицист, член кадетской партии. 14 августа Кропоткин передал Ленину следующее небольшое письмо:

«Многоуважаемый
Владимир Ильич!

Мне очень нужно повидать Вас, по делу, которое теперь идет перед судом, о «Тактическом центре» и переговорить об этом деле. Больше четверти часа не отниму у Вас.— Знаю, до чего должно быть занято Ваше время.

Будьте так добры, известите, когда я могу быть у Вас. Я нездоров все время и специально по этому делу приехал в Москву и должен вернуться чем скорее, тем лучше в свою берлогу».

Владимир Ильич сразу же откликнулся на просьбу Кропоткина. Их встреча состоялась. Мельгунов был освобожден.

Больше Ленин не встречался с Кропоткиным. Последние отведенные ему судьбой месяцы Петр Алексеевич был слаб и болен. Осознавая свое положение, он стремился завершить многолетний труд — «Этику», систематизировать оставшиеся материалы, писал «Наставление о том, как распорядиться моими бумагами».

Но когда в «Правде» и «Известиях» появились сообщения о взятии заложников из эсеровских групп Б. Савинкова, В. Чернова и белогвардейцев и о решении «беспощадно истребить» их в случае покушения на вождей Советов, Кропоткин отложил все дела и взялся за перо, чтобы вновь призвать к милосердию, «чистоте революционного идеала, несовместимого с понятием заложничества». Обращаясь к Ленину, он писал:

«Неужели среди вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют возврат к худшим временам Средневековья и религиозных войн, и что они не достойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистич. началах; что на такие меры не может идти тот, кому дорого будущее коммунизма.

Неужели никто не объяснил, что такое заложник? Заложник посажен в тюрьму не как наказанный за какое-нибудь преступление. Его держат, чтобы угрожать его смертью своим противникам.

...Разве это не все равно, что выводить человека каждое утро на казнь и отводить назад в тюрьму, говоря: — «Погодите... не сегодня...». И неужели ваши товарищи не понимают, что это равносильно восстановлению пытки для заложников и их родных.

Надеюсь, никто не скажет мне, что людям, стоящим у власти, тоже не весело жить на свете: нынче даже среди королей есть такие, что смотрят на покушения на их жизнь как на «особенности их ремесла».

А революционеры — так поступила Луиза Мишель — берут на себя защиту перед судом покушавшегося на их жизнь. Или же отказываются преследовать его, как это сделали Малатеста и Вольтерина Де-Клэр.

Даже короли и папы отказались от таких варварских способов самозащиты, как заложничество. Как же могут проповедники новой жизни и строители новой общественности прибегать к такому орудию...

Не будет ли это сочтено признаком, что вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся, и спасаете уже не дорогое вам строительство жизни, а лишь самих себя.

Неужели ваши товарищи не сознают, что вы, коммунисты,— какие бы вы ни наделали ошибки,— работаете для будущего и что поэтому вы ни в каком случае не должны запятнать свое дело актами, так близкими к животному страху... Я верю, что лучшим из вас будущее Коммунизма дороже собственной жизни. И помыслы об этом будущем должны заставить вас отвергнуть такие меры.

Со всеми своими крупными недостатками — а я, как вы знаете, хорошо вижу их — Октябрьская революция произвела громадный сдвиг. Она доказала, что социальная революция не невозможна, как это начинали думать в Западной Европе. И, при всех своих недостатках, она производит сдвиг в сторону равенства, которого не вытравят попытки возврата к прежнему.

Зачем же толкать революцию на путь, который поведет ее к гибели, главным образом от недостатков, которые вовсе не свойственны Социализму и Коммунизму, а представляют пережиток старого строя и старых безобразий неограниченной, всепожирающей власти».

Письмо это датировано 21 декабря 1920 года. Жить Кропоткину оставалось один месяц и восемнадцать дней.

В начале января 1921 года Бонч-Бруевич сообщил Владимиру Ильичу о тяжелом состоянии здоровья старого революционера. Ленин распорядился собрать консилиум во главе с Н. А. Семашко, который немедленно отправился в Дмитров. Вместе с врачами поехал и Бонч-Бруевич. Консилиум нашел состояние больного «внушающим известные опасения». Прощаясь, Кропоткин сказал Владимиру Дмитриевичу: «Мужайтесь в вашей борьбе. Желаю вам полной победы, но никогда не забывайте справедливости, благородства и не будьте мстительны: пролетариат выше этого...»

Умер Кропоткин в Дмитрове 8 февраля. Доставленный специальным поездом в Москву гроб с его телом был установлен в Колонном зале Дома союзов.

10 февраля Ленин получил письмо от дочери Кропоткина. Она благодарила Владимира Ильича «за личное участие» во время болезни ее отца, «в деле его похорон» и просила освободить для участия в траурной процессии «тех товарищей анархистов, которые находятся в данный момент под арестом».

Известна записка Ленина:

«Т. Дзержинский. Посылаю Вам, согласно нашему телефонному разговору, письмо дочери Кропоткина. Надеюсь, удастся освободить тех, за кого она просит... Ваш Ленин».

О дальнейших событиях 13 февраля рассказывает начальник 1-го отделения Секретного отдела ВЧК М. В. Бренер: «Арестованные анархисты были освобождены из мест заключения для участия в похоронах Кропоткина на один день, под единственную гарантию — под честное слово. К 11 часам 40 минутам утра все они без конвоя прибыли в Колонный зал Дома союзов.

...Вынос гроба состоялся в 12 часов дня... Первыми за траурной колесницей следовали анархисты под своими черными знаменами. Следом за ними в траурной процессии под красными знаменами шли колонны трудящихся Москвы. Таково было указание МК РКП(б) и Московского Совета о порядке следования колонн по городу».

Траурная процессия шла по Моховой, Волхонке, Пречистенке. Перед домом Л. Н. Толстого шествие остановилось и хор пропел «Вечную память».

На Новодевичьем кладбище на митинге выступали представители ВЦИК, Моссовета, ЦК РКП(б), Исполкома III Интернационала, толстовских организаций, зарубежные и русские анархисты.

Через два дня после похорон, 15 февраля 1921 года Президиум Московского Совета постановил передать дом, в котором родился П. А. Кропоткин (Штатный пер., № 26), под устройство его музея. Для его создания был создан Всероссийский общественный комитет по увековечению памяти П. А. Кропоткина. Председательницей его стала Вера Николаевна Фигнер.

Музей Кропоткина был открыт 9 декабря 1923 года. Он стал центром по собиранию творческого наследия ученого и революционера. Вдова Кропоткина привезла из Англии его научную библиотеку. От ряда писателей и ученых, революционеров разных стран ей удалось получить письма, которые посылал им в разное время ее супруг. Переписка, рукописи (в том числе неопубликованные), коллекции различных революционных изданий входили в фонды музея, экспозиция представляла жизнь и деятельность Кропоткина.

В 1938 году музей сначала закрыли на «восстановительный ремонт», а в 1941 году экспонаты и фонды музея были переданы Музею Революции.

Приближается 150-летие со дня рождения Кропоткина (1992 год). Память о крупнейшем русском ученом, память о революционере, глубоко уважаемом В. И. Лениным, требует восстановления в Москве его дома-музея, издания его работ, о которых говорил Владимир Ильич еще в 1919 году.

Дом, в котором родился Кропоткин (бывший Штатный переулок, ныне — Кропоткинский переулок, 26).

Василий ПОЛИКАРПОВ,
доктор исторических наук

НЕ ТО, «ЧТО НАДО», А ТО, ЧТО БЫЛО

Еще никогда, пожалуй, за время Советской власти общественное внимание не было так приковано к истории нашей страны, и особенно к послеоктябрьским десятилетиям, как сейчас. Многих людей продолжают затрагивать, волновать давние драмы и трагедии, оставившие в душах незаживающие раны. Когда гласность после долгих умолчаний сделала первые шаги, когда со страниц газет и журналов скупо заговорила Правда, люди устремились к ее родникам.

В памяти старших поколений не изгладилась еще оттепель конца 50-х — начала 60-х годов. Тогда у многих тоже были и взлет интереса к истории, и жажда правды. Но общее оздоровление духовной атмосферы, вызванное решениями XX и XXII съездов, проходило негладко. Осудив культ Сталина, общественная мысль не углубилась тогда в изучение его природы, истоков и наследия, всего того, что порождено им в сознании и душах людей. Оттепель уступила место глубокому, всеохватывающему застою.

Сегодня у исторической науки люди ищут ответы на новые, жгучие вопросы, каких раньше не возникало: каким образом захлебнулась прошлая перестройка, исчезли ли из нашей жизни причины, помешавшие ей тогда, не повторится ли худшее? Почему так живучи недобрые последствия прошлых, особенно сталинских, времен, где их корни и как эти корни в конце концов выкорчевать? Отделываться банальностями вроде ссылок на пережитки капитализма стало негоже, тем более что начали обнаруживаться и осмысливаться не принимавшиеся раньше в расчет пережитки средневековья — к ним, между прочим, относится и обожествление верховной власти, для убавления стыда (ведь мы же атеисты!) залатинизированное под «культ личности».

Известен закон: революция порождает сплоченную и крепкую контрреволюцию. Если перестройка действительно революционная, то она должна породить (уже породила) силы противодействия. Естественно, что и в среде историков идеи перестройки встретили не единодушное отношение. Вот профессор В. М. Иванов забеспокоился, что в ряде изданий «ставятся под сомнение или опровергаются многие выводы и оценки, ставшие в последние годы привычными для историков КПСС», тогда как, по его мнению, «для пересмотра утвердившихся в нашей науке оценок... нет каких-либо общественно значимых научных оснований». Профессор В. М. Ваганов еще более решителен в суждениях. «Ответы на эти вопросы истории нашей партии,— утверждал он на дискуссии в ИМЛ в апреле 1987 года,— наукой даны. И никому не удастся пошатать эту действительность, и переписывать эту историю не надо... Ведь все это написано... Опять начинать снова, что ли?»

Упорство этих историков можно понять: ведь и Ваганов, и Иванов именно «специализировались» в насаждении и закреплении сталинистских оценок, они пытаются удержать едва ли не последний рубеж в своей неправой борьбе. Но вот другие ученые, также «специализировавшиеся» в истории КПСС (например, В. Русаков или П. Родионов), считают, что историко-партийной науке нужно сбросить с себя мертвящие путы сталинского наследия. Да и как не «пошатать» эту историю, как не переписать важнейшие ее страницы, если в ожидании очищенных от неправды и клеветы учебников правительство вынуждено было пойти на прямо-таки отчаянную меру: отменить в средних школах выпускные экзамены по истории? А ведь на лжи воспитывалось не одно поколение советских граждан...

В условиях демократизации общественной жизни, поставленной на повестку дня апрельским Пленумом ЦК, а затем XXVII съездом партии, произошел форменный взрыв в раскрытии преступной практики сталинского режима и в осмыслении последствий сталинизма. Взрыв этот был делом естественным — страна стояла на пороге кризиса. И все же новый подход к изучению прошлого оказался неожиданным для многих слоев нашего общества и в большой мере для молодежи, которая воспитывалась на извращенных представлениях о прошлом и о путях дальнейшего развития страны. Сознательные противники перестройки всячески стремятся привлечь эти слои на свою сторону, облекая обывательские представления в демагогические штампы, пугая общественность тем, что будто бы правдивая оценка прошлого разоружает молодежь, размывая «принципы» и «идеалы», что гласность перехлестывает «разумные» пределы, травмирует людей напоминанием о репрессиях и трагических просчетах, парализует их трудовой энтузиазм.

Однако сейчас попытки приглушить гласность лукавыми сентенциями (мол, хватит копаться в прошлом, надо думать о завтрашнем дне) звучат анахронизмом. Нельзя познать во всей реальности общество, в котором мы живем, если не относиться внимательно к прошлому, не изучать его. А эту работу, как уже признано во всеуслышание, мы еще только развернули по-настоящему. Она выведет нас на очень важные открытия, исследования. Это будет нас вооружать, делать более сильными при решении новых задач, которые выдвинула перестройка. И в этом едва ли не важнейший фактор успеха перестройки.

ПОЛВЕКА НАЗАД ПУЛЯ ОБОРВАЛА ЖИЗНЬ СЕРГЕЯ МИРОНОВИЧА КИРОВА, И ДО СИХ ПОР НЕТ ОТВЕТА: КТО ЖЕ НАПРАВЛЯЛ РУКУ УБИЙЦЫ?

Рисунок школьницы Рябовой. Декабрь 1934 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

«1 декабря, в 16 часов 30 минут, в городе Ленинграде в здании Ленинградского Совета (бывший Смольный), от рук убийцы, подосланного врагами рабочего класса, погиб Секретарь Центрального и Ленинградского Комитетов ВКП (большевиков) и член Президиума ЦИК СССР товарищ Сергей Миронович КИРОВ. Стрелявший задержан. Личность его выясняется».

(«Правда», 2 декабря 1934 г.)

ВЫСТРЕЛЫ В СМОЛЬНОМ

**Алла КИРИЛИНА,
старший научный сотрудник
Института истории партии
Ленинградского обкома КПСС**

1 декабря 1934 года. Встреча с партактивом во Дворце Урицкого (нынв Таврический) назначена на шесть вечера. Заезжать в Смольный Киров не рассчитывал и утром даже несколько раз звонил туда, просил подвезти домой готовящиеся материалы для его выступления. Наконец доклад готов. 16.00. Время еще всть. Сергей Миронович пвшком прошел несколько кварталов. Не доходя моста Равенства (ныне Кировский), сел в машину и почему-то распорядился вхать в Смольный. Через главный подъезд поднялся на третий этаж, направо — по длинному коридору, затем завернул за угол к своему кабинету.

У М. С. Чудова — второго секретаря обкома ВКП(б) шло совещание. Заметил ли Сергей Миронович, что из приемной секретаря обкома Угарова кто-то вышел и направился следом? А через несколько секунд тишину вспорол сухой выстрел, за ним последовал второй. Киров упал навзничь за несколько десятков шагов от своего кабинета. Заключение врачей гласило: смерть наступила мгновенно от поражения жизненно важных центров нервной систвмы.

Первыми к Кирову подбежали Росляков, Кодацкий, Боген, Фридман. На совещании у Чудова они сидели у самого выхода и сразу же выскочили на звук выстрелов. Очевидцы показали следствию: **«В двух-трех шагах от**

(Продолжение на 70-й стр.)

УРОК, ЗАУЧЕННЫЙ СЕРДЦЕМ

«Я убит подо Ржевом...» От имени скольких тысяч бойцов написал эти строки Александр Твардовский! И уже больше сорока лет едут, идут сюда, на волжскую землю, дети, внуки и правнуки павших, их однополчане. Низкий, глухой стон пронесется над селом, собирая людей,— тревожно всплеснется сердце. Далеко окрест плывет горестный гул. Так звучит голос «колокола» — обезвреженной, чудом не взорвавшейся авиабомбы. С конца войны — и навечно — висит она на березе, как эхо недоброго времени.

Тамара КАРЯКИНА

...Мала деревенька Полунино — и сегодня-то в ней десятка два дворов, а тогда — развороченное человеческое жилье, груды исковерканного железа и рваного хлама, земля в глубоких болячках от фугасов. Такую картину застала приехавшая сюда летом 1946 года молодая учительница Настя Калошина. Воронки от взрывов уцелевшие жители приспособили под землянки, ящики от снарядов — под столы и лежаки. А в центре временного пристанища увидела она могильный холм с наспех вбитой дощечкой: «Танкисты». Ни имён, ни фамилий воинов.

Село начиналось с двух первоочередных забот: возвести школу и обустроить захоронение павших. Так и случилось, что история школы, судьба ее первой учительницы тесно сплелись с историей и судьбой бойцов, что полегли на этой земле. Все находки, будь то найденный в земле солдатский медальон или полуистлевший документ, сельчане несли учительнице.

Молодые глаза быстрые, Настя легко разбирала неровный почерк, списывала даты, фамилии, а сведения отправляла в военкомат. И одно за другим стали появляться над холмом братской могилы имена. А в далекие дома Украины, Сибири, Кавказа полетели написанные рукой Калошиной и ее учеников весточки: ваш муж, отец, брат, сын не пропал без вести. Он здесь, подо Ржевом.

Низкое солнце первым сквозным лучом высветило женское лицо, склоненное над письмом: «Август 42-го. Вечером, после боя, шла наша рота через местечко, что на штабной карте значилось как деревня Полунино. Начисто все сметено — ни одной крыши, ни огонька. И вдруг в одной из рытвин около меня что-то шевельнулось: мальчонка! Лет пяти-шести... Жив ли тот мальчишка, помнит ли то, о чем не в силах забыть я?

А. А. Селезов».

Старые глаза — усталые, неспешно считывает Анастасия Михайловна далекое послание. Не на

год — на десятилетия растянулась ее подвижническая работа. Восстановила, сберегла, подарила она тысячам семей память об их родных.

Хотя Анастасия Михайловна не воевала, ей выдано удостоверение ветерана 16-й орденов Ленина и Суворова Гвардейской Краснознаменной дивизии — это признание ее поистине героического труда во имя Памяти. Фронтовики добились, чтобы фамилия Калошиной стояла в одном ряду с их именами.

Невелика деревенька Полунино, а видна даже с космической высоты. Пролетая в корабле над Калининской областью, космонавт Александр Иванченков послал приветственную радиограмму — под Полунином погиб его отец, командир стрелкового взвода. Но сколько неизвестных ратников полегло здесь в первых боях на Волге, закрывая путь на Москву! Не счесть солдатских могил. Именно не счесть: по все еще неточным данным, свыше 200 000 воинов остались в тверской земле. Из них чуть больше ста шестидесяти тысяч известны поименно. На мемориальных же досках увековечено только 26 тысяч бойцов.

Усталая улыбка освещает лицо сельской учительницы:

— Сколько поколений моих учеников свой первый сентябрьский урок проходили под сенью берез у братской могилы! Это были уроки Родины, которые заучивают-ся сердцем на всю жизнь...

Поклонимся Анастасии Михайловне за ее чуткое сердце, поклонимся до самой земли за детей наших. Только вот печальная нота пробралась в наш рассказ: учительница, создавшая при начальной школе музей Памяти 16-й Гвардейской дивизии, сегодня не у дел. Хоть и не устала вовсе от работы — просто ее заменили в музее другим человеком, не спросив, хочет ли, легко ли ей расстаться с делом всей жизни. А ветераны дивизии едут в День Победы по-прежнему в маленький гостеприимный дом, к его хозяйке, хранительнице Памяти.

«Я убит подо Ржевом...» Святая земля, что проросла обелисками, лежит в самом сердце России. И пока живут на ней такие люди, как Анастасия Михайловна Калошина, не иссякнет память народная.

Фото рядового 178-й Сибирской дивизии Виктора Кондратьева.

Время затянуло многие шрамы войны, но оно не имеет власти над величием былого. Сколько же двно солдатскому сердцу, измотанному и обездоленному боями, потерями товарищей, чтобы запомнить и эту одинокую могилку с обелиском, незаметную на просторе и покойную под высоким небом, каких тысячи и тысячи на нашей землв.

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

Гавриил ПОПОВ,
доктор экономических наук

КАК ПИСАРЬ В РОССИИ ВЕЛИКУЮ СИЛУ ВЗЯЛ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Я не историк. Заняться изучением материалов, связанных с крупнейшей реформой XIX века в России — отменой в 1861 году крепостного права,— меня побудила моя собственная специальность. Наблюдая за подготовкой и ходом реформы 1965 года, а затем за событиями нашей перестройки, я все больше убеждаюсь в том, что история попытки мирного перехода России от феодализма к капитализму, вообще история опыта реформ в прошлом дает много материала для размышлений о наших проблемах. Очевидная польза от изучения истории связана именно с тем, что история будит мысль, раскрепощает сознание.

Экономическая реформа 1861 года не была изолированной перестройкой только экономических отношений. Она сопровождалась реформами и в области политической системы. Центральной проблемой был вопрос о власти.

Создание чисто буржуазных, демократических выборных местных органов резко ослабило бы центральную власть, и могла возникнуть опасность, что перевес в этих органах получит самое многочисленное сословие — крестьянство.

Взять местную власть целиком на себя правительство тоже не могло: даже для гигантской бюрократической машины Российской империи то была непосильная задача ввиду масштабов государства и всем известной склонности местных правительственных чиновников смотреть в первую очередь не на закон, а на взятку.

Оставалось комбинировать. Экономическую реформу дополнили политические реформы, главные из которых были осуществлены в 1864 году. Схема выглядела так: новый аппарат центрального правительства на местах плюс местное самоуправление. Но в местном самоуправлении сохранятся, как особые, и местное крестьянское самоуправление, и местное дворянское и городское самоуправление, самоуправление сословий. А объединить их должно земство.

Рассмотрим все эти линии.

КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Исходными при отмене крепостничества были три идеи. Во-первых, основные обязанности по соблюдению законов и порядка в селе возложить на самих крестьян в лице общины. Во-вторых, поручить опекать это самоуправление правительственным органам на местах. В-третьих, привлечь к опеке над крестьянским самоуправлением местных помещиков по линии земств.

За основу взяли систему, имевшуюся раньше для государственных крестьян. Она включала сельский сход, который избирал старосту и десятских. Волостной сход избирал волостного старосту и волостную расправу — суд. Эту систему декларировал еще Павел I. А на практике такое самоуправление, которое ввел граф Киселев, показало, как можно сочетать крестьянское самоуправление с полным контролем правительственных чиновников.

Новая система, введенная после освобождения крестьян, выглядела так.

Сельский сход избирал сельского старосту — для управления общиной, а также других должностных лиц общины: сборщика податей, сотских, десятских. Он же ведал переделами земли, раскладкой налогов, решал мелкие споры.

Волостной сход образовывали сельские старосты и десятские. В функции схода входило избрание правления, старосты и суда, а также представителей на уездный съезд, который затем избирал гласных в уездное земское собрание.

Формально волостное правление включало участие многих, реальная власть концентрировалась в руках волостного старосты и писаря.

Волостной староста и сельский староста пользовались полицейской и другой властью. Но если староста села мог, например, арестовать до 2 дней, штрафовать до 1 рубля, отправлять на общественные работы на срок до двух дней и т. д., то волостной староста мог наказать на срок до 7 дней, оштрафовать до трех рублей (а это 1/3 годового оброка), присудить до 20 ударов розгами, отправить на работу до шести дней. Правда, если руководитель волостного самоуправления мог просто сечь своих избирателей, то сельские старосты, как члены правления, освобождались от телесных наказаний. Но все несогласные со своим волостным главой могли тут же очутиться в холодной...

Впрочем, и сам волостной староста по положению 1864 года был обязан «беспрекословно исполнять законные требования» всех начальников правительственной земской власти на местах. Беспрекословно — это ясно. А вот что такое «законные», оставалось далеко не ясным. Ведь правительственный чиновник имел право — правда, через мирового посредника — высечь волостного старосту, посадить его в холодную, где тот получал свободу быстро уяснить себе, какие требования с их стороны законные...

Волостной староста не был обязан собирать правление: он советовался с ним, когда хотел или когда почему-то считал необходимым прикрыть свое решение мнением членов правления.

Было еще одно учреждение крестьянского самоуправления — волостной суд. Он избирал до 12 судей, причем из подчиненных старосте лиц. Они по очереди, не менее трех сразу в одном заседании, собирались раз в две недели и могли решать дела на сумму только до ста рублей.

Но правительственный чиновник мог вмешиваться в действия суда, вникать в любые мелочи, благо формулировки многих законов без истолкований понять было трудно.

При почти полной безграмотности крестьян в волости надо было обязательно иметь грамотного сотрудника. Им и стал писарь волостного управления, он же секретарь волостного суда. Реально все бумаги находились у него. Он показывал членам правления, куда ставить им подписи. А порой и сам вместо них подписывал эти документы. Члены правления не очень-то и сопротивлялись, сознавая свою беспомощность в этом механизме инструкций, приказов, параграфов и т. д.

В итоге секретарь правления, а попросту писарь, при попустительстве волостного старшины стал не просто ответственным за канцелярию, а гигантской фигурой во всем самоуправлении, из ведущего протокол он фактически превратился в начальника. Он уже не хотел писать сам и заводил писцов. У него появился свой аппарат до десяти человек, который существовал за счет крестьян: получал жалованье и «гонорар» от всех обращавшихся к нему.

Якобы для борьбы со злоупотреблением вводились сложные системы бумажного делопроизводства. В 1861 году было 4 книги учета, а в начале 80-х годов — уже 38 книг.

Писарь зачитывал законы, истолковывал их, выдавал паспорта, вел учет всех сборов. В книге Н. М. Астырова «В волостных писарях» отмечалось, что волостной писарь — это «тип мелкого общественного деятеля или, вернее, «дельца» с большим запасом технической и профессиональной сноровки, ловкости и многообразных рутинных знаний, но в сущности довольно невежественного в общекультурном смысле и обыкновенно малоопрятного в нравственном отношении, чаще всего руководствующегося исключительно корыстными инстинктами».

Крестьяне быстро уразумели суть предоставленного им самоуправления: надо за свои деньги содержать тех, кто тебя может сечь... По форме вроде бы выбирались органы самоуправления. На деле — низшие агенты правительства.

ЗЕМСТВО

В соответствии с реформой 1864 года сословные органы самоуправления: дворянские, городские (купцы и мещане) и крестьянские — на уровне волости — объединялись в новый всесословный орган — земство.

Само слово «земство» возникло еще при Иване Грозном в противоположность «опричнине» для обозначения отличных от центра местных органов.

При крепостном праве дворяне избирали предводителей, и этого им было достаточно. От мещан в местные органы входили депутаты в заседатели. Депутаты нигде и никогда не заседали и ничего не обсуждали. Им разрешалось лишь подписывать документы либо ставить крест, ежели не были обучены грамоте. В ожидании права «одобрить» подготовленное местной властью решение они часами выстаивали в прихожих присутственных мест. Депутатство стало своего рода наказанием: будешь депутатом или получишь на постой солдат!

По реформе 1864 года земству было поручено строительство больниц, школ, благотворительных заведений, продовольственное дело, пропаганда агрономических знаний, организация статистики и т. д.

Распорядительный орган земства — земское собрание избиралось раз в три года. Его формировали три съезда: съезд землевладельцев (ценз депутата от 200 до 800 десятин), городской съезд (ценз депутата — оборот 6000 рублей или недвижимая собственность от 500 рублей, в столицах он был выше) и крестьянский съезд.

Депутаты — земские гласные — избирались на уездном съезде, а депутаты самого уездного съезда — на волостных сходах.

Представительство в земском уездном собрании от трех съездов было неравным. Квоты устраивало по поручению правительства Министерство внутренних дел.

На ежегодных сессиях уездного земского собрания избирали уездную земскую управу, а также гласных в губернское земское собрание, которое выбирало губернское земское правление.

Земская управа как исполнительный орган имела канцелярию с отделами. Но для исполнения своих решений земства обращались с просьбами в органы правительственной администрации на местах и прежде всего в полицию. Без помощи полиции, подчиненной центру, местное самоуправление было как без рук. Только «руки» — от другой системы.

Ограничение прав земств началось уже в 1866 году и продолжалось непрерывно почти полвека.

Земство как политический орган было наиболее несовместимо с сословной бюрократической машиной абсолютизма. «Своя» статистика земства раздражала и пугала чиновников, привыкших составлять отчеты не в соответствии с фактами, а в соответствии с пожеланиями и директивами вышестоящих органов: то ли учинить в отчетах процветание, то ли «подать» недород...

По словам Ленина, «земская реформа была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска», а «земство — кусочек

«Земство обедает». Художник Г. Мясоедов. 1872 г.

конституции... посредством которого русское общество отманивали от конституции». Это «орудие привлечения к самодержавию известной части либерального общества»,— подчеркивал Ленин,— но при «самодержавии всякое земство, хотя и «распренаи-«властное» — неизбежно будет уродиком, не способным к развитию».

Государство стремилось переложить на органы земского самоуправления свои заботы. И хотя в законе 1864 года говорилось ясно: «земские учреждения действуют самостоятельно»,— это положение всячески ограничивалось. Дело впоследствии дошло до того, что губернатор и другие администраторы получили право отменять решения земских собраний, если они «противоречат интересам местного населения». Но как эти решения могли противоречить интересам его избирателей? Скорее, они противоречили представлениям местного начальства о том, что полезно или вредно населению.

Чтобы ослабить столь чуждое самодержавию инородное тело, как земство, правительство впоследствии придумало возводить чиновников земских органов в ранг государственных чиновников. И опять только в их же интересах: они, мол, тогда получат льготы, право получать по прошествии определенного числа лет новый чин, орден и в конце пенсию. А на деле земские чиновники попали в зависимость от своих благодетелей.

В 1900 году неутомимая центральная власть решила фиксировать, куда и как земства тратят свои деньги. Теперь их бюджет во многом административно распределяло правительство. Оно и раньше это делало, но с 1900 года практика стала законом.

Земства хотели расходовать ресурсы на врачей, школы... А правительство требовало тратить их на телеграф, дороги. Видимо, чтобы с помощью телеграфа быстрее узнавать интересы местного населения и по построенной на его деньги дороге присылать на места «помощь» в виде солдат. Речь шла о том, чтобы переложить на плечи самоуправления создание инфраструктуры бюрократического централизма: вместо удовлетворения местных потребностей попытка навязать выполнение местных повинностей. Так самоуправление становилось инструментом облегчения функций правительственных представителей на местах.

Земства сопротивлялись как могли. И хотя они могли только одну треть денег тратить на больницы и только треть — на врачей, в итоге через полвека один врач приходился на 30—40 верст и одна школа на 10 верст. Сельский земский учитель и сельский земский врач стали эталонами российского интеллигента.

Земская школа была антиподом школы церковноприходской. Первая была школой знаний, вторая — школой воспитания и свою цель видела не в образовании, а в духовно-нравственном развитии. Суть такого «развития» сводилась к воспитанию послушного начальству и дворянам безропотного работника и солдата.

Попытки церкви подчинить себе земские школы не удались, и в 1867 году их передали Министерству народного просвещения (кроме тех, что уже были у духовного ведомства). Тут возникла старая болезнь: чиновничий аппарат. к тому же находящийся в основном в Петербурге, ревностно за школами не следил. Чисто бюрократический централистский вариант не проходил; школы остались без попечительства. Не случайно Министерство народного просвещения в свое время Карамзин назвал министерством народного затмения.

Так закончилось одно из наиболее благородных начинаний земства.

В то же время земство практически ничего не сделало для развития собственной местной экономики. Сказался преобладающий дворянский состав земства: благотворительность дворяне себе хорошо представляли, а вот организация современного производства большинству из них была чужда.

Крестьянство для земства оставалось **объектом** забот, а не **участником** самоуправления. И в этом смысле **никогда** полного самоуправления **всего населения** земство **не обеспечивало.**

В глазах крестьян земство ассоциировалось с административной властью, было чем-то особым и чуждым. Избранные в гласные крестьяне считали свои обязанности новой повинностью, посему не раз в гласные общины выдвигали недоимщиков — в наказание. Такое депутатство продолжало древнюю российскую традицию, когда быть ходатаем по общим делам означало реальную возможность быть высеченным, остаться без ноздрей, оказаться в Сибири.

При избрании гласных крестьяне твердо знали, что большинство всегда будет у господ. Голосование было явно бесполезным. И поэтому всегда было стопроцентное «за». В земских собраниях гласные из крестьян обычно сидели, послушные жесту того начальника, который составил и привел их делегацию в земское собрание.

(Окончание в следующем номере.)

Москва,
Генеральному прокурору СССР
тов. ВЫШИНСКОМУ,
копия Генеральному секретарю
ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ,
наркому НКВД СССР тов. БЕРИИ.

От заключенного Никопольским горотделом НКВД, находящегося в тюремном горотделе г. Никополя Днепропетровской области, ШЕРЕМЕТА Василия Феофиловича

ЗАЯВЛЕНИЕ

С 3-го июня 1938 года я арестован Никопольским горотделом НКВД и нахожусь под «следствием». За эти семь с лишним месяцев я пережил неимоверные моральные и физические муки, которым был подвергнут отдельными сотрудниками НКВД и условиями тюремного заключения. С 26 августа и по 12 сентября 1938 года я лежал в больнице при Днепропетровской тюрьме с температурой, доходящей до 40, с опухшими ногами и животом, с болью головы, доходящей до ослепления глаз, до бредового состояния.

Я видел людей, потерявших речь, парализованных, сошедших с ума в результате издевательств во время допросов. Я был также невольным свидетелем избиения людей до обморочного состояния, до кровоизлияния, производимого т. н. следователями НКВД. Слышал стоны, переходящие в нечеловеческий рев людей, которых пытали. В таких условиях я подписал первые протоколы «предварительного» следствия о том, что я являюсь членом украинской повстанческой контрреволюционной (далее сокращенно «к. р.».— Прим. ред.) организации, организатором ее по Никопольскому району.

Больше того, я не только подписал протоколы, я собственной рукой написал жуткое заявление об этом же. Это в то время, когда я не только не состою и не состоял в такой к. р. организации, но даже до ареста не слыхал о ней. С 1926 г. по 1928 г. я был кандидатом в члены ВКП(б), с 14-го июня 1928 г. и по день ареста, т. е. по 3-е июня 1938 г., я был членом ВКП(б). Здесь я оформился как человек с коммунистическим мировоззрением. Сейчас мне 36 лет; до вступления в ряды ВКП(б) я не был ни в каких партиях, ни в каких армиях, ни с какими противоположными идеями не был знаком. Сын крестьянина-середняка с. Софиевки, того же района Днепропетровской области. Я начал учиться только с 1921 года и в 1926 году окончил педтехникум. До этого времени, т. е. с 1903 г. (год рождения) и по 1921 год (год вступления на подготовительный курс высших Криворожских педкурсов), я не ездил на поезде, не выезжал больше чем на 25—30 км из села. Вот почему, попав на учебу, ознакомившись там с идеями коммунизма через сочинения В. И. Ленина, Маркса, Энгельса, я ринулся с головой в эти идеи, в учебу и поставил заветной мечтой — быть коммунистом. Эта мечта стала действительностью 14-го июня 1926 г.

Подходил конец моей учебы, я выходил из училища народным учителем и вступил в кандидаты ВКП(б).

С этого момента я беспрерывно и без устали работал... Все время работал там, куда посылала меня партия большевиков, органы Советской власти.

Я кипел в работе, любил и люблю свою партию, советский народ и работу для него. Они мне отвечали взаимностью, доверием: избирали меня своим руководителем, на съезды, на конференции, на слеты ударников, стахановцев, на совещания...

И вдруг наступает роковая ночь 3-го июня 1938 года...

Представители НКВД приходят на квартиру, арестовывают, забирают партбилет, мандат члена горсовета, грамоты ударника, отличника и другие украшения моей жизни. Я оставляю 4 детей-малюток, жену и оказываюсь в клетке. Оборвалась жизнь, оборвалась работа для великой, советской социалистической моей Родины, которой я готов был отдать себя без остатка.

Настал кошмар...

Оказывался первые четыре-пять месяцев будущим повстанцем и руководителем к. р. повстанческой украинской организации, пропагандистом к. р. идей отделения УССР от СССР, террористом и т. д., и т. д.

С 7-го декабря 1938 года по сегодняшний день проведена переквалификация (по 24 января 1939 года). Я уже оказываюсь не «террорист и не повстанец» — это как будто не доказано. Поэтому из ст. 54 пункты 2 и 8, подписанные мною раньше, изъяты, но остались т. п. 10 часть и п. 11.

«Дело пошло,— объявил мне начальник отделения УГБ Никопольского горотдела НКВД,— к прокурору на рассмотрение». Причем теперь дали уже и «свидетелей», и очные ставки с ними, подтверждающие как будто бы мою к. р. деятельность и агитацию. Какой ужас! Какое развращение людей...

Мне никогда и в мысль не приходили к. р. идеи, а не то чтобы я проводил к. р. агитацию и к. р. действия.

Контрреволюция мне была и есть ненавистна до смерти, а «следствие» и «свидетели» утверждают, что это так, и на мои категорические возражения и протесты представители облотдела НКВД, приезжающие в Никополь, обещают: «побить морду», «посадить в карцер», «держать в тюрьме, пока я голову разобью о стенку», щедро осыпают меня такими «эпитетами», как «проститутка», «провокатор», «жвачное животное», «мистер», «господин», густо покрывают меня «матом» и другими выражениями, которых писать я Вам не в состоянии.

В своей сознательной жизни я имел ошибки: допущение нарушения революционной законности на селе в 1933 г., за что исключался из партии, но по апелляции был восстановлен, и теоретическую ошибку на семинаре парторгов за неправильное объяснение причин роспуска комбедов, за что получил выговор с записью в личную карточку в 1938 г.

Я прошу Вас убедительно, расследуйте мое «дело», причины моего ареста и сделайте законные выводы.

24.I.39 г. (В. ШЕРЕМЕТ).

ВЫПИСКА ИЗ РЕШЕНИЯ
Именем Украинской Советской Социалистической Республики
Верховный суд

Судебная коллегия в уголовных делах **5 октября 1939 года** в составе:
председатель: т. Ройфе
члены: тт. Сахарова и Андрущенко
с участием прокурора т. Лебедева
адвокат Лукьяненко

Рассмотрев в кассационном порядке дело с приговором Днепропетровского облсуда от 25 апреля 1939 года о Шеремете Василии Феофиловиче, 35 лет, учитель, из крестьян-середняков, исключенного из рядов ВКП(б), несудимого, осужденного по ст. 54—10 ч. 2 и 54—11 УК к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях Шеремета на десять (10) лет и лишению прав на пять (5) лет Шеремета,

РЕШИЛ:

Кассационную жалобу удовлетворить, приговор суда отменить и дело согласно ст. 302 п. 1 УК закрыть.

Шеремета Василия Феофиловича из-под стражи освободить.

Решение окончательное.

Председатель — подпись
Секретарь — подпись

СПРАВКА

15.02.1940 г. № 1032

Выдана гражданке НАЧЕСЕ К. А. в том, что ее муж — Шеремет Василий Феофилович находился под стражей в Днепропетровской тюрьме, где и умер **в сентябре месяце 1939 г.**

Начальник Никопольского НКВД
ст. лейтенант Госбезопасности — подпись
Секретарь — подпись

Публикация С. В. ШЕРЕМЕТА

АРМЕНИЯ: декабрь 1988

Перед лицом немилосердной судьбы
где ты берешь силы,
если выплаканы все слезы,
если ложишься и встаешь,
с теми же недремными глазами,
если закаты и восходы
спеклись в одну негаснущую зарю,
если обуглилась кожа
на сожженных работой ладонях,
где ты берешь силы, Армения?

Ты берешь силы в своей древнейшей земле,
где каждый лоскуток хлебородной пашни
давался надсадой не одного поколения,
ты берешь их в духе единения
всего нашего братства народов,
в неизбывной вере, что обезображенным ныне
городам и селам вернется
еще более цветущий вид,
и в них снова зазвучит радостный смех детей!

Фото
Александра
ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Имеет ли смысл предпосылать свиданию зрителя с художником какие-то слова о нем?

На этот вопрос, вероятно, можно дать разные и взаимоисключающие ответы. Они будут зависеть и от взглядов на природу пластического диалога, и от представлений о том, как сделать «непонятное» доступным. Но я не собираюсь затрагивать эти вечные сюжеты в защиту своего права на предварительное высказывание. Мною руководит иное желание. Я бы хотел, минуя сенсацию, сказать о том, что все равно будет сказано.

Михаил ГЕФТЕР

...СТРАСТНОЕ МОЛЧАНИЕ

Раздумья о человеке в художнике

Московский художник Юрий Ларин, которому, когда писались эти строки (1980), исполнилось сорок четыре года,— сутуловатый, с застенчивой улыбкой и характерным покашливанием человека, пережившего туберкулезную атаку,— сын Николая Ивановича Бухарина. Правда, людям зарубежья (особенно после открытого письма, с каким обратился он к лидеру итальянских коммунистов) родословная Юрия Ларина известна лучше, чем соотечественникам, по той простой причине, в силу которой мы знаем либо понаслышке, либо, что чаще, вовсе не знаем о множестве малых и больших бед, частных и всеобщих событий в нашем доме. И по той непростой причине, которая ставит нас в удивительное отношение к собственному прошлому: не то это отношение инопланетян, населивших давно опустевшее, брошенное, обесчеловеченное пространство, не то отношение завоевателей, стремящихся истребить вчерашний смысл аборигенов, дабы окончательно сломить их волю к жизни. Так это или иначе, но для подавляющего большинства нынешних жителей СССР имя отца Юрия Ларина — в лучшем случае далекий отзвук, тройное эхо событий, отграниченных от современности той особой распаханной полосой, вступить на которую равносильно тому, чтобы заявить себя изгоем. Чужим — с «ортодоксальной» точки зрения, чужим — с противоположной.

Историку заметнее старина в новизне: сходство с предыдущим столетием, отчасти — тогдашних шестидесятых с нашими, а отчасти, и сходство в продолжении. В XIX в порыве и спазме раскрепощения Россия раскололась на детей и отцов. Дети рвались к независимости — не только от старых взглядов и установлений, но и к независимости самой по себе. К полной свободе от прецедента, к своему началу! Затем происходит своего рода выравнивание. Межа уже не столько между живыми предками и их потомками, сколько внутри последних, и самые непримиримые из семидесятников — выходцы из семей, где царили если не взаимное согласие, то по крайней мере непрерывающаяся духовная связь, чувство сращенности судеб. Не к тому ли движемся теперь? У сегодняшних «новых новых» меньше экзальтации, сильнее тяга узнать и понять, обернувшись назад. Хочется верить, что непеременность диалога между равно-разными из живых сделает для приходящих поколений столь же непеременным и их солидарный диалог с разноравными мертвыми...

Юрий Ларин портретно схож с отцом, хотя, разумеется, и тут нет дословности. Он выше ростом. Он, вероятно, мягче и задумчивей. Он, кажется, лишен той ребячливой задорности, той жизнелюбивой неугомонности, которая, по воспоминаниям, отличала его отца в лучшие и даже в худшие годы. К тому же он не только сын своего отца, но и сын своей матери, прошедшей кругами не снившегося Данте ада. Его характер вспоен горькими травами. Однако это также не надо понимать в расхожем смысле, легко заменяющем терние на нимб. И между житием и трагедией разница не в жанре, поскольку трагический герой не только не безгрешен, он еще и обречен на то, чтобы нарушать равновесие, бросить вызов «порядку», расплачиваясь за это жизнью (но и расплата не в одиночку). Видно, потому столь трудно дается нам встреча с былым, что мы, сегодняшние, уже за пределами трагедии, и хотя это не означает благополучия ни в делах, ни в душах, оно тем не менее делает нас исподволь другими. Даже вторящему не удается быть столь же естественным в порывах и заблуждениях, как тем, кто позади; а разве повторимы муки бессилия людей, с юности отдавшихся потоку истории и разбившихся о ее пороги?!

Думаю, Юрию Ларину этот образ говорит многое. Но в отношении самого себя он решительно отверг бы присвоение ему роли героя современной трагедии. Он сказал как-то: в моем детстве и отрочестве не было ужасов. Просто — одиссея перемещений из одних любящих родственных рук в другие, которые — одни за другими — отнимало у него сталинское «правосудие». И просто — детдом, в котором (за неуспехом бегства) пришлось жить и в котором можно было жить обыкновенной жизнью среди таких же мальчиков и девочек, обделенных родительским кровом. Он уже был студентом-строителем, тощим, долговязым, хворым, когда снова увидел мать и от нее узнал, кто был его отцом. Да и узнал не сразу: мать не торопилась открыть тайну, страшась реакции еще неизвестного ей юноши, воспитанного на государственной «воле».

Потрясение, пережитое Юрием Лариным, все же было иного свойства, чем у его сверстников — товарищей по судьбе. Хрущевская оттепель не коснулась его в самом кровном. Память об отце оставалась по-прежнему под запретом. (Страх власти и властителей перед призраками прошлого обладает какой-то особенной логикой — чем безрассуднее этот страх, тем крепче держатся одержимые им за обломки тайны, за рудименты принудительного беспамятства.) Новая жизнь Юрия Ларина оказалась едва ли не более тяжелой, чем все, что было с ним раньше. Будь у него другой характер, он бы ушел в политику. Тоска могла разрушить его изнутри. Его спасло искусство. В нем проснулся художник.

Где-то я прочел слова, которые приписываются учителю знаменитого Матисса: «Смотрите на живопись, как на страстное молчание». Мне кажется, эти слова вполне применимы к Юрию Ларину — и к его пейзажам, и к его натюрмортам, которые надо смотреть не один раз и не врозь, а вместе, чтобы в их разрастающейся глубине, как и в их странности, чуждой всякому эпатажу и зазыванию (смотрите, на что я способен!), ощутить грустное недоумение человека перед совершенством столь несовершенного мира, как тот, в котором мы пребываем от рождения до смерти. Его Колыма в этом смысле столь же непреднамеренна и столь же неслучайна, как и его горский Кавказ, как и его Подмосковье,— все, что запоминает его глаз, чтобы затем воспроизвести воображением, сообразуя ритм увиденного и узнанного с ритмом нестихающей жизни духа.

Я далек от мысли соединять напрямую биографию с холстом. Но дело в том, что я узнал Юрия Ларина сначала не в качестве художника. Я познакомился с ним, когда он, до того не знавший английского языка, упорно, строчку за строчкой, осваивал книгу американца Стивена Коэна — политическую биографию Н. И. Бухарина. Он читал ее, чтобы понять, кем же в действительности был его отец. Не взгляды как таковые его занимали, а человеческий смысл этих взглядов. Он доискивался этого смысла, не только вчитываясь, но и вслушиваясь, как бы проверяя ухом чистоту ушедших навсегда слов. Но, вероятно, прежде всего он хотел испытать соприкосновением с фактами жгучую потребность в справедливости, для какой «реабилитация» не самоцель, а лишь неизбежный компромисс с жизнью, которую почти всю вогнали, втеснили в казенные рамки. Почти — потому что есть еще воздух, небо, цвет, образ, противостоящие не человеку, а лишь тому в нем, что олицетворяет пробравшуюся в будни не-жизнь.

Свое нашумевшее письмо, адресованное Энрико Берлингуэру (а в его лице всем, для кого коммунизм не хоругвь, не этикетка), письмо-призыв: восстановить честь отца и принадлежащее ему место в истории,— это письмо Юрий Ларин написал на одном дыхании. Надеялся ли он на практический результат? Может, и надеялся, а может, и нет. Но сделав этот шаг, ему стало легче дышать, и он вернулся к холсту.

Одна из его работ висит на стене у меня дома. Я не берусь ее описывать. Она очень разная — утром и вечером, при свете солнца и в сумерках. Мне кажется, что я много раз видел и эти деревья, и этот обрезанный край земли, и это остановившееся в движении облако,— когда-то в детстве или позднее, во время войны,— под разбомбленным Торжком или еще позднее, где-то, где именно не припомню, а, может быть, нигде и никогда. Порой я забываю об этой картине, погруженный в будни, в бумаги и книги, но когда кошки скребут на душе, а это бывает много чаще, чем хотелось бы, она всегда тут, сама возникает перед глазами, говоря мне: жизнь не переспоришь, она все равно возьмет верх, с тобой ли, при тебе ли, без тебя ли...

P. S. Этому тексту уже восемь лет. Иные строки в нем выговорились бы сегодня другими словами. Но мне не хочется менять их, ибо слова, как и поступки,— приметы своего времени. И постскриптум этот имеет другое назначение. Я пишу его с тем, чтобы назвать нескольких людей, без которых Юрию Ларину трудно было бы найти себя наедине с собою. Естественно произнести сначала имена ушедших. Нет уже того итальянца с неуходящей печалью в лице, к которому воззвал Юрий Ларин и который откликнулся на этот зов пониманием и заочной поддержкой. Ушел из жизни Евгений Александрович Гнедин — человек, прошедший той же дорогою, что и Анна Михайловна Ларина, и не только выживший, но и сумевший прожить вторую жизнь, едва ли не более богатую смыслом и духом, чем первая. Он был другом, советчиком и опекуном многих людей, к которым не приклеишь ярлык «застоя» (подошел бы скорей «антизастой»). Мне кажется, что Юрия Ларина он опекал и любил как-то особенно, относясь с нежной бережливостью к не покидавшим того душевным страданиям. Они вместе переводи-

ли книгу Козна, многие месяцы — в каждый четверг (оттого и на титуле первого русского издания этой книги стоят псевдонимы переводчиков: Е. и Ю. Четверговы).*

Низко склонив голову, я называю следующее, главное имя — Инги Баллод. Их с Юрой свела вместе сначала общая напасть — чахотка, а затем и любовь. Отчаянное жизнелюбие Инги спасло ее тогда от смерти, и оно же засветилось в Юрином тоннеле. «Когда я познакомилась с этим прорабом,— смеясь говорила она,— я сразу поняла, что художник это он, а не я... и бросила учиться рисунку». А Юра на похоронах ее произнес с раздумьем, медленно выговаривая слова: она поверила в меня и сделала художником.

И еще три имени — живых людей — полагаю своим долгом назвать здесь. Имя друга Юры, его союзника в искусстве — художника Валерия Волкова я ставлю в ряд с нехудожниками: Юриной сестрой и Юриным братом, Надеждой и Михаилом Фадеевыми. Отец их укоротил свою жизнь, рискнув в Зоне полюбить вдову Бухарина, так что Надя и Миша не только кровью матери, но и судьбой породнены и с отцом Юрия. Не зря же маленькую Надю в ссыльном поселке

дразнили сверстники: «бухаркина-шпиёнка»; не станем осуждать детей, они ведь подражатели — до поры, до времени... И Миша и Надя также уверовали в Юрино призвание, и в самые тяжелые минуты он знал, что у него есть родная «ниша».

На этом можно бы и окончить, если бы еще не одно обстоятельство, о котором я считаю вправе написать, не испросивши Юриного согласия. Без малого три года назад он перенес тяжелую операцию. Восемь часов кряду замечательный нейрохирург Александр Николаевич Коновалов освобождал Юрия Ларина от сдавившей его мозг опухоли. Жизнь была спасена — ценой утраты сил и сноровки в правой руке. Горько было смотреть, какие усилия требуются ему, чтобы удержать в ней ложку. И тогда произошло чудо: вызволение искусством. Позапрошлым летом в Доме творчества на станции Челюскинская мы увидели, как и в былые годы, поставленные у стены только что сделанные Юрой работы. Он вернулся к тому, с чего начинал и в чем достиг вершин,—к акварели. Я не верил глазам своим. Это был не только прежний Юрий Ларин, но и в чем-то неуловимо важном превзошедший прежнего. Да простят мне искусствоведы мой дилетантизм в суждениях о виденном, но мне показалось, что новые работы менее «организованы», чем прежние,— и это не только след неокрепшей руки, но и шаг вперед творящего духа. В челюскинских акварелях было не только больше внутреннего простора, в них еще явственнее, чем в прошлых работах Юры, присутствовала тишина, иное имя которой — справедливость. Как часто мы повторяем: раньше или позже справедливость восторжествует. Может быть, в уже ушедшем Мире эти слова укрепляли надежду, но сейчас они отвращают: и своим «раньше или позже», между которыми невозвратимые жизни, и, может, еще больше — своим «восторжествует», ибо справедливость сторонится и котурнов, и фанфар, громкоговорящих излияний и провидцев задним числом. Ее стихия — сосредоточенная, поверяющая человека тишина. Что ж удивительного, что исстрадавшийся по справедливости художник увидел воочию и воссоздал эту тишину?!

Чудо же... Оно, конечно, имеет свои «уровни», свою разновеликость. Но если оно чудо, то оно уравнивает тех, кого избрало. Тогда, в Доме творчества, у меня невольно возник отзвук увиденного. Я вспомнил пальцы-подушки старого Горовица, извлекающие из клавишей музыку-«тишину», слышимую, вероятно, не только человеком, но и небом. Если бы мне довелось быть в устроителях предстоящей выставки Юриных работ, я сопроводил бы ее этой музыкой.

Художник Юрий Ларин заслужил это.

* В настоящее время эта книга выходит в СССР, в издательстве «Прогресс».

— Мама, а мы богатые или бедные? — огорошила таким неожиданным вопросом знакомую женщину-инженера ее дочь-шестилетка, приобретшая столь глубокие познания социальных проблем всего через неделю после первого в ее жизни Дня знаний.

ОБСУДИМ?

БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ

Михаил АНТОНОВ

Да, на семьдесят втором году Советской власти, за которую наши отцы и деды воевали, чтобы не было у нас ни бедных, ни богатых, такое разделение общества стало вновь свершившимся фактом. В наши дни сосуществуют одновременно миллионеры и нищие, в равной мере являющиеся гражданами своей страны, а нередко — и членами одной Коммунистической партии. Налицо социальное неравенство, и дети, гораздо больше, чем взрослые, чуткие ко всякой фальши, ощущают это особенно остро.

Помнится, мне рассказали нелепую историю, случившуюся в одном академгородке. Покончил самоубийством талантливый научный работник, и довела его до этого своими нескончаемыми попреками жена. Дело в том, что в городке все дефицитные блага тогда распределялись по рангам: академику с семьей полагается коттедж, члену-корреспонденту — половина коттеджа, доктору наук — полноценная квартира по формуле (как когда-то обещано было всем нам) «п + 1», то есть каждому члену семьи комната плюс одна общая, кандидату наук — поменьше и т. п. С продуктовыми заказами — так же: одним можно заказать и черную, и красную икру, другим — только красную... Ученый, о котором идет речь, никак не мог собраться и защитить диссертацию: он был предан науке, разрабатывал интереснейшую для него идею и не хотел отвлекаться на то, что считал пустой формальностью. А следовательно, и жильем, и заказами, и прочими благами был обеспечен не по высшему рангу, что и вызывало постоянное недовольство жены. Конечно, она не голодала, но ее бесило высокомерие, с которым относились к ней соседки по подъезду — жены докторов наук.

Это, конечно, частность, лишь свет на проблему богатых и бедных с несколько неожиданной, хотя и сугубо бытовой, но существенной стороны. Проблема в целом старая как мир, хотя для нашей страны и «новая», в научной литературе, во всяком случае, совершенно не освещенная.

Когда редакция журнала предложила мне поделиться своими соображениями на эту тему, меня спросили, какие данные статистики доходов я хотел бы получить, с кем из выявленных сверхбогатых людей желал бы встретиться, какие районы, известные особо высокими доходами их жителей, намереваюсь посетить. За всем этим, как мне показалось, проглядывало желание удивить читателей какими-то сенсационными фактами, поразить воображение сногсшибательными цифрами доходов, стоимости имущества. Скажу откровенно, что мне все это было как-то не по душе. Сам в жизни я много бедствовал, в военные и первые послевоенные годы подолгу попросту голодал, до пятидесяти пяти лет жил в коммуналке и сейчас, в общем, вынужден довольствоваться уровнем материальной обеспеченности, предлагаемой государством рядовому пенсионеру.

«БОГАТСТВО» И «БЕДНОСТЬ»

Недавно довелось мне присутствовать на совещании, где один из ответственных работников Мосгорисполкома выступил с докладом о состоянии городского хозяйства и уровне коммунально-бытового обслуживания жителей столицы. Он привел, в частности, удручающие цифры, характеризующие высокий уровень детской смертности в Москве (в этом отношении она оказалась самым неблагополучным из асех крупных городов мира), слабую обеспеченность современным медицинским оборудованием и лекарствами, учреждениями торговли, общественного питания и культуры, средствами городского транспорта. По его словам, в Москве высок удельный вес лиц с доходами ниже прожиточного минимума — пенсионеров, стипендиатов и тех, кто получает меньше 140 рублей в месяц, а в целом по стране положение еще более печально. В этом месте доклада женщина, сидевшая в зале рядом со мной, тихо проговорила: «Город нищих!» А ее сосед (с другой от меня стороны) так же тихо откликнулся: «Нищая страна!»

Но мы же знаем, что наша держава — одна из богатейших стран мира, обладательница двух третей черноземов планеты и неисчислимых (хотя в последние годы и порядком истощенных) природных ресурсов. Нет ли здесь какого-то противоречия?

Наверно, нет. Так уж повелось с давних пор. К. Маркс в первом томе «Капитала» приводит слова французского политика-эконома, «холодного буржуазного доктринера» Дестюта де Траси: «Бедные нации суть те, где народу хорошо живется, а богатые нации суть те, где народ обыкновенно беден».

Вообще «богатство», «бедность» — понятия исторические и в большой мере относительные. Любой современный житель цивилизованной страны, имеющий хотя бы телевизор, магнитофон, холодильник и мотоцикл, богаче в этом отношении не только вождя первобытного племени, главная привилегия которого заключалась в том, что ему в знак всвобщего уважения отдавали в пищу самую лакомую долю — желудок убитого на охоте оленя, но и «короля-солнца» Людовика XIV. Мое детство, отрочество и юность прошли в общежитии, где в страшной скученности обитали рабочие и работницы прославленного комбината «Трехгорная мануфактура». Большинству семей не хватало заработка на то, чтобы очень скромно прожить от получки до получки, и нам, детям, казалась очень богатой женщина, у которой в комнате стояло трюмо и которая могла кому-то одолжить некоторую сумму денег. Когда я смотрел кинофильм «Антон Иванович сердится», где показана была жизнь профессорской семьи — отдельная комната для каждого ее члена, фортепиано, красивая мебель, мне даже не приходило в голову воспринимать ее как богатую, это было чем-то вроде картины внеземной цивилизации.

Наши предки совершили Октябрьскую революцию и вели гражданскую войну ради того, чтобы свергнуть

«Каждый десятый житель страны «не дотягивает» от зарплаты до зарплаты. Четверть населения не может отложить ни рубля, тратит заработок на самое необходимое».

«Социалистическая индустрия», 1.06.1988 г.

власть богатых и устранить бедность. В деревне были созданы комитеты бедноты, призванные ликвидировать богатеев. Потом прошла коллективизация с ликвидацией кулачества. Всем известно, чем это обернулось на деле. Деление на богатых и бедных было когда-то для многих, как видим, очевидным, хотя в любом реальном обществе грань эта довольно зыбкая. Всегда большинство населения составляли те, кто был богаче еще более бедных, но беднее еще более богатых. Как же тогда определить, кто действительно богат и кто беден?

К. Маркс в самом начале первого тома «Капитала» определил сущность буржуазного понимания богатства. По его словам, богатство буржуазного общества представляет собой огромное скопление товаров, и это правильно. Но огромное скопление товаров не есть просто гигантское собрание вещей, ибо товар не просто продукт труда, но и определенное общественное отношение. С гениальной силой эту сущность богатства выразил в своем «Скупом рыцаре» А. С. Пушкин. Его Барон, стоя перед сундуками с золотом, восклицает:

Что не подвластно мне?
Как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу —
воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
. . . .
Мне все послушно,
я же — ничему...

Пушкиновед Д. С. Дарский показал, что сущность Скупого рыцаря — не в скупости, а в его идее господства над всем миром.

Впрочем, во все времена были свободные люди, ставящие свое человеческое достоинство выше тленного богатства. Это чувство независимости от богатства, может быть, лучше всего выражено в стихотворении М. Цветаевой:

Если душа родилась крылатой,
Что ей хоромы и что ей хаты!
Что Чингисхан ей — и что — Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно слитых:
Голод голодных и сытость сытых!

Из всех историй об отношении к богатству, мною когда-либо слышанных или читанных, меня больше всего поразила следующая. В прошлом веке богатейшая женщина России графиня Орлова-Чесменская, восхищенная мудростью советов своего духовного отца, предложила ему миллион рублей (не знаю, как перевести эту сумму на наши современные деньги, если тогда корова стоила не более двух-трех рублей). Тот с удивлением посмотрел на нее и проговорил:

— К чему мне этот навоз?

А ведь ради этого «навоза» (в куда меньших количествах) многие люди готовы были (да и сейчас готовы) на что угодно, вплоть до самых тяжких преступлений...

Но вернемся к вопросу о том, кого же в наших условиях, в наши дни надо считать богатыми людьми.

Сумма вкладов в Сберегательный банк в нашей стране на 1 июля 1988 года достигла огромных размеров — 280 миллиардов рублей. При этом в среднем на один вклад приходилось 1425 рублей. Правда, средние цифры часто скрывают распределение общего богатства между конкретными лицами (которое Сбербанк вообще не анализирует). Но известно, что сберкнижек, содержащих свыше 50 тысяч рублей, в стране имеется всего около двух тысяч («Социалистическая индустрия» от 14 сентября 1988 г.). Опять-таки и в этой группе вкладов распределение общей суммы неравномерное, к тому же один вкладчик может иметь несколько сберкнижек. И хотя давно известно, что среди вкладчиков Сбербанка есть миллионеры, из приведенных выше цифр явствует, что их не может быть много.

Кто эти «законные советские миллионеры»? Могут ли стать ими рабочие или рядовые интеллигенты, живущие на зарплату, колхозники?

Среднемесячная зарплата рабочих и служащих в народном хозяйстве сейчас около 200 рублей, а в угольной, нефтяной и газовой промышленности — около 300—350 рублей («Аргументы и факты» от 24 января 1987 г.). Отдельные рабочие могут зарабатывать раза в полтора-два больше среднего. Так, знаменитый токарь-умелец Б. М. Батраханов зарабатывал около 700 рублей. Даже если откладывать на сберкнижку половину заработка ежемесячно, такому рабочему удастся накопить за год чуть более 4 тысяч рублей. Значит, чтобы стать миллионером, ему пришлось бы трудиться 250—300 лет, что, очевидно, физически невозможно.

Но раз есть заработки выше средних, значит, есть и ниже их,— таково уж неустранимое свойство средней величины. «Малообеспеченными в нашей стране считаются те семьи,— пишет в корреспонденции из Великих Лук Н. Бояркина,— где среднедушевой доход менее 75 рублей в месяц. В многодетных семьях в среднем доходы составляют на человека 40 и менее рублей (с учетом пособий). Горько признавать, но большинство городских многодетных семей живет на грани бедности». Но разве это относится только к многодетным семьям? А пенсионеры? А студенты?

Положение усугубляется тем, что именно среди малообеспеченных особенно остра жилищная нужда. Молодежь, подрастающая в небольших городах и селах, а также в трудоизбыточных районах Средней Азии, сталкивается с нехваткой в магазинах государственной торговли полноценных продуктов питания, не может на месте устроиться на приличную (а часто и вообще на какую бы то ни было) работу или получить высшее образование, почти лишена возможности приобщения к подлинной культуре. Неустроенная, неприкаянная, малокультурная, она представляет собой благоприятную почву для преступности и горючий материал, готовый вспыхнуть от любой искры, какой может послужить, например, недостаточно продуманное решение властей, затрагивающее интересы широких масс.

В последние годы, особенно в связи с открывшейся возможностью создавать кооперативы, некоторые рабочие и служащие стали зарабатывать много больше, чем прежде. Но даже члены процветающих кооперативов вряд ли успели на сегодняшний день стать миллионерами.

Словом, предположение о том, что рабочий или рядовой служащий, инженер, врач, учитель, откладывая на сберкнижку часть своей зарплаты, может стать богатеем, приходится признать несостоятельным.

Заработок колхозников в среднем по стране ненамного отличается от зарплаты рабочего или служащего, у наиболее высокооплачиваемых доярок и механизаторов он может достигать 300—350 рублей в месяц. Доходы от личного хозяйства могут значительно превысить сумму заработка, пожалуй, лишь у некоторых жителей субтропических районов, где можно выращивать особо дефицитные и дорогостоящие фрукты, к тому же при условии продажи их на рынках с самыми высокими ценами (например, на Крайнем Севере). Если не прибегать к перекупке, то и колхознику опасность стать миллионером, кажется, не грозит.

Тогда, может быть, ряды миллионеров пополняют руководящие работники разных рангов? Тоже вряд ли. По словам первого секретаря Целиноградского обкома КПСС А. Г. Брауна, его оклад — 550 рублей в месяц («Литературная газета» от 7 сентября 1988 г.). Я беседовал с генеральным директором крупного научно-производственного объединения, дважды Героем Социалистического Труда, у которого персональный оклад с премиями — около 1000 рублей. У секретаря ЦК Компартии союзной республики оклад 750 рублей. И этой категории работников, если они живут только на зарплату, нелегко попасть в число миллионеров.

Тогда, видимо, купаются в золоте звезды эстрады и спорта, ученые, писатели и художники? Если говорить не об уже состоявшихся, а о будущих звездах, то хорошее представление об их имущественном положении дает беседа с молодыми эстрадными певцами и певицами корреспондента телепрограммы «Взгляд», переданной 16 сентября 1988

года. На вопрос корреспондента, хотели ли бы они иметь «мерседес», дачу и яхту, одна певица ответила: «Мне бы хоть квартиру». Известная артистка, которая вела передачу, сказала, что ей платят за съемочный день 28 рублей.

О том, что большинство писателей живет более чем скромно, не раз говорил первый секретарь СП СССР В. Карпов, да и сам я могу это засвидетельствовать на основе личных впечатлений от образа жизни знакомых мне литераторов. Режиссер в театре получает примерно 250 рублей, а артисты — 90—120 рублей в месяц. Оклад заведующего сектором научно-исследовательского института первой (высшей) категории, кандидата наук, не выше 400 рублей, доктора наук — 500 рублей.

Нет, рядовые деятели науки, искусства и культуры попасть в миллионеры шансов не имеют.

И все же именно среди этой категории наших граждан, видимо, наибольшее число «законных» миллионеров. Есть писатели, книги которых постоянно переиздаются. Академик, занимающий несколько высоких постов и не раз получавший Государственные премии, публикующий монографию за монографией, тоже не бедствует. Приличный гонорар может получить чемпион мира по шахматам или иной выдающийся спортсмен. Впрочем, таких звезд наберется не так уж много.

Кроме законных заработков, у некоторых людей есть, так сказать, полузаконные. Капитан ледокола Г. Антохин глубоко убежден: «В море сегодня многие моряки работают потому, что здесь есть реальная возможность побывать за границей и приобрести за валюту приличные и престижные вещи. Без этой перспективы за нашу зарплату бороздить моря, особенно северные, удовольствие небольшое» («Комсомольская правда» от 2 сентября 1988 г.). А накупив за рубежом таких вещей, можно по возвращении из рейса сдать их в комиссионный магазин или «уступить» их знакомым по повышенной цене (а то и спекульнуть на «черном рынке»).

Но даже и самому богатому «законному» или «полузаконному» миллионеру не снилось такое богатство, каким обладают подпольные миллионеры.

«Этап первоначального накопления капитала» в сфере подпольного бизнеса открылся тогда, когда к традиционным, веками отработанным способам хищения имущества государства и граждан добавилась организация «теневых производств». Механизм ее в крупных масштабах был показан при разборе «рыбного дела». Один из последних сравнительно мелких, можно сказать, рядовых случаев описан в «Социалистической индустрии» от 30 августа 1988 года: группа проходимцев под эгидой предприятия Орловского областного управления бытового обслуживания наладила производство «фирменных» сумок из полиэтиленовой пленки, украденной на предприятиях города.

Обычно в подобных случаях недостаточно создать лишь «теневое производство» товаров, надо еще наладить надежную сеть их реализации. «Левый» товар поступает неучтенным в магазин, где другая преступная группа готова продать его, не фиксируя выручки в кассовых отчетах. А так как у нас все сферы жизни (казалось бы) тщательно контролируются различными инстанциями, надо в успехе дела заинтересовать и соответствующих контролеров. Словом, наличие «теневого производства» возможно лишь в условиях разветвленной преступной сети.

Слухи о сверхвысоких доходах магнатов «теневого производства» доходят до преступников других профессий, также жаждущих грести бешеные деньги. Рэкетеры стали трясти подпольных миллионеров, и последним пришлось принимать их «в долю» (например, платить десять процентов чистого дохода), а кое-где нашли лучшее решение — создавать из них личную охрану и даже банды наемных убийц.

Разумеется, многообразные способы получения преступными дельцами доходов не могут оставаться тайной для руководителей разных рангов и работников правоохранительных органов, и тем не менее подпольный бизнес процветает уже не одно десятилетие. Значит, либо власть бессильна пресечь его полностью, либо отдельные ее представители считают более выгодным для себя участвовать в дележе награбленного, чем пресекать разворовывание народного добра. Что делать, человек слаб, а искушение богатством слишком сильно. Еще Н. В. Гоголь напоминал древнюю истину: поставить контролера подчас значит вместо одного вора иметь двух. К тому же использование должности, служебного положения в личных целях может начаться незаметно и принимать внешне вполне благопристойные формы. Скажем, в условиях дефицита тех или иных ресурсов работник государственного аппарата, занимающийся их распределением, выделит требуемое скорее тому, кто отблагодарит, чем «неблагодарному». Получается так, что взятки приходится давать как раз «в интересах дела». Именно этим оправдывали себя руководящие работники (самого высокого ранга) в Узбекистане. Они уверяли, что при существующей системе руководителю невозможно не давать и не брать взяток, такой руководитель будет непременно исторгнут системой.

Так создавались условия для сращивания части работников партийного и государственного аппарата, правоохранительных органов с дельцами подпольного бизнеса. Зачаточные формы такого сращивания существовали издавна. Трудно допустить, чтобы поступившую в район дефицитную вещь заведующая райторгом продала первому попавшемуся покупателю, а не предложила районному руководителю, жене которого тоже ведь хочется одеться-обуться поприличнее. Но и руководитель, благодарный за оказанную услугу, поддержит в случае чего заботливую заврайторгом. Стиль человеческих взаимоотношений «услуга за услугу», рождающий «серый рынок» с его принципом «ты — мне, я — тебе», стал, можно сказать, стилем жизни.

БОГАТСТВО И ЖИЗНЕУСТОЙЧИВОСТЬ ОБЩЕСТВА

Большинство ученых-экономистов (да и ученых других специальностей), хозяйственных руководителей и публицистов, пишущих на экономические темы, видят выход из кризисного положения страны в отказе от уравниловки, большей свободе личного почина, расширении возможностей хорошо зарабатывать благодаря высокопроизводительному труду.

Но вот что интересно. Стоило только в нашей жизни появиться таким энтузиастам личного обогащения, как они столкнулись с явно недоброжелательным к себе отношением значительной части окружающих. Например, в колхозе бригада крепких мужиков берет в аренду технику, а кто-то ночью эту технику умышленно выводит из строя.

— Ну что ж, зависть — обычное явление, выплеск низменных человеческих страстей,— объясняют подобные настроения ученые.

Да, зависть. С ней еще в прошлом веке столкнулся А. Н. Энгельгардт, автор прозвучавших на всю Россию писем «Из деревни». Но он расценил ее не только как проявление низменных сторон человеческой природы.

Кто стал бы возражать против того, что страна, народ становятся богаче? Ведь для того и живем, во имя этого и трудимся. Но жизнь наша пока устроена так, что увеличение общественного богатства отнюдь не обогащает всех и каждого, а ведет к усилению имущественного расслоения в народе, причем нередко так, что богатые становятся еще богаче, а бедные — беднее. А это уже влечет за собой непредвиденные и непредсказуемые последствия.

Первое следствие усиливающегося имущественного неравенства — это те самые зависть и недоброжелательство, о которых уже говорилось. В недавно появившейся рецензии на фильм «Маленькая Вера» и другие ленты о современной молодежи отмечается контраст между убогой обстановкой, в которой живут их герои, и несущейся мимо, светящейся за окнами поездов или стеклами автомобилей чужой, неведомой, недостижимо прекрасной жизнью. Очевидно, отнюдь не добрые чувства пробуждаются в душе старшеклассницы из

«Оборот «теневой» сферы услуг оценивается некоторыми экономистами в 16—18 млрд. рублей».

«Социологические исследования» № 5, 1987 г.

Рисунки Александра АРХУТИКА

В стране насчитывается более 70 миллионов семей. Из них, по примерным расчетам, 3 млн. имеют денежные сбережения для строительства, покупки и ремонта жилых домов, 0,7 млн. семей — средства для вступления в жилищно-строительные кооперативы, 5,1 млн. семей — на покупку мебели, 2,1 млн.— для приобретения автомобиля, 5,1 млн.— одежды, 3,2 млн. семей — для организации отдыха.

По данным Госкомстата СССР, 1988 г.

бедной семьи, когда она видит драгоценности и супермодные туалеты сидящей на одной парте с ней ученицы, которая чувствует свою принадлежность к кругу «хозяев жизни», так что ей доступны закрытые бассейны с саунами, видеопросмотры, машины с личными шоферами. На глазах зрителя у кого-то из обездоленных персонажей фильмов рождается зависть, переходящая в злобу, и вот уже «группа юных крепышей со стальными мышцами ездит в близлежащий город, кажется, с одной только целью — избивать всех, кто имеет то, чего нет у них, и живет не так, как живут они» («Советская культура», 25 августа 1988 г.). Так первое следствие расслоения — зависть — создает условия для другого, более опасного следствия — роста преступности.

В любом обществе, где есть резко выраженное деление на богатых и бедных, неизбежно расцветает преступность. Я еще застал в деревнях русского Севера простоту нравов, когда избы не знали замка, люди, уходя из дому, запирали дверь палочкой, чтобы не могла забраться скотина, и кражи имущества были неслыханным делом. Тогда я объяснял такой строй жизни высокой нравственностью деревенских жителей, теперь же думаю, что, кроме того, немалую роль здесь играло примерное их имущественное равенство. Что можно было украсть у соседа? Такие же чугуны и ведра, какие есть у самого?

Совсем иное дело, когда у одного в доме — только чугуны и ведра, а у другого — японский магнитофон, соболя и бриллианты. Можно ли убедить человека, что такое различие в уровне благосостояния есть следствие разного вклада людей в общее дело, различия в количестве и качестве труда, если для него очевидно, что в действительности соседу повезло — послали на работу за границу, а сам он обречен вкалывать у себя дома? Если еще вдобавок послали за границу вовсе не лучшего, а сумевшего устроиться, подхалимничая или используя родственные и приятельские связи? Такое имущественное неравенство многие воспринимают как несправедливость и не хотят с ним мириться.

Старые нормы нравственности, основанные на религиозных заповедях, были существенно обесценены еще в начале века, а после революции вообще были отменены, а новых, способных стать их полноценной заменой, наше обществоведение так и не выработало. Прежние заповеди покоились на несокрушимом для верующего человека основании: не ты, а бог дал жизнь другому человеку, не тебе ее и отнимать; красть нельзя не потому, что можешь попасться, а потому, что от всевидящего бога не укроешься...

Разумеется, и тогда, когда эти заповеди были вроде бы общеприняты, многие их преступали, но, как говорил Достоевский, они грешили, сознавая, что грешат. А когда таких заповедей нет, вопрос «совершать или не совершать преступление?» решается сопоставлением возможных выгод и потерь. По терминологии социолога В. Шубкина, на смену человеку нравственному приходит человек «компьютерный», этика абсолютная уступает место этике ситуационной.

Поэтому при усилении имущественного расслоения многие из тех, кто оказался в числе обездоленных, считают вполне допустимым исправить несправедливость, скажем, путем воровства. Росту преступности способствуют и грубость нравов, жестокость, широко распространенные в обществе.

Мы очень хорошо понимаем корни преступности, когда рассказываем о жизни в капиталистических странах. Водитель Фред Хэррис из Чикаго объясняет корреспонденту «Литературной газеты»: «А откуда эта преступность? Потому что у одних — все, у других — ничего». А ведь следствия одних и тех же причин проявляются у них и у нас примерно одинаково. Не просто воровство, проституция, разбои и грабежи, чем вряд ли кого удивишь, но, увы, и похищение детей, и шантаж, и пытки, и, наконец, самый настоящий терроризм.

Часто приводят высказывания В. И. Ленина, когда хотят подкрепить его авторитетом взятый курс на усиление материальной заинтересованности. И в этом нет никакой натяжки. Да, В. И. Ленин говорил, что в условиях разрухи, наступившей после гражданской войны, мелкий земледелец должен иметь материальный стимул к росту производства, буржуазных специалистов надо «покупать» высокими окладами, да и в пролетарской среде поощрять ударную работу премиями. Но он хорошо понимал и опасности, сопряженные с чрезмерным имущественным неравенством, а потому и установил партмаксимум зарплаты большевикам.

Дело все больше идет к тому, что в нашем обществе образуются высший и низший уровни благосостояния, которые, будто желток и белок в яйце, сосуществуют не смешиваясь. Высший уровень при этом показывает явную тенденцию к увековечению своего положения, к тому, чтобы передать своим детям по наследству не только деньги и имущество как таковые, но и в целом привилегированное положение в обществе, в частности, через элитарную систему образования. Поскольку, говорят иногда, для вывода всех школ страны на мировой уровень средств нет, остается единственный путь: создать сеть элитарных школ-лицеев с высокой платой за обучение. Но кого в них принимать? Отбирать наиболее способных? Увы, в существующих условиях будет действовать лишь соревнование родительских «кресел» да кошельков.

Хотим ли мы создать общество с резким разграничением на богатых и бедных и закреплением этого деления средствами насилия, согласны ли столкнуться с ростом социальной напряженности и антагонизмов? Как нам выходить из этого трудного, по сути кризисного положения, отнюдь не вяжущегося с идеалами социализма? Ответ на этот вопрос волнует не только советских людей, ибо расслоение общества — это явление, наблюдаемое и в СССР, и в Венгрии, и в Польше, и в Югославии, и в Китае.

БОГАТСТВО И ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ

Недавно я прочитал в одной из газет письмо читателя о привилегиях руководителям. Автор письма предлагает установить руководящим работникам повышенные оклады и ряд других привилегий именно для того, чтобы они не поддавались на подкуп со стороны мафии. При этом он, кажется, и сам не замечает, что перевел решение вопроса о допустимости сотрудничества руководящих работников с преступными элементами в плоскость сопоставления выгодности предложений: кто больше даст — государство или мафия? Но при таком подходе ответ однозначен: мафия всегда в состоянии дать больше. Известны случаи, когда она предлагала взятки в триста тысяч и пятьсот тысяч рублей (по имеющимся данным, на взятки приходится две трети всех ее расходов). Какой же величины должны быть оклады руководителям, чтобы те могли при чисто экономическом подходе с презрением посмотреть на предлагаемые им суммы?

Деньги — особый товар, порождающий неутомимую алчность: взятка борзыми щенками имеет предел, ибо никакой Ляпкин-Тяпкин не в состоянии содержать свору, скажем, из тысячи собак; взятка колбасой из магазина тоже не может быть крупной, ибо человек может съесть не так уж много; деньги же можно брать без счета, ибо, когда человек входит во вкус этого занятия, то чем больше он имеет их, тем больше хочется ему увеличить свое богатство. Затем, взятка ведь предлагается не взамен оклада, а в дополнение к нему. Современный взяткодатель платит за риск, да еще гарантирует и помощь в случае неприятностей по службе — и опытного адвоката наймет, и в местах заключения подкормит, и по выходе на свободу без куска хлеба не оставит. Есть немало людей, исповедующих ту мораль, какую вывел из притчи об орле и вороне Емельян Пугачев в «Капитанской дочке» Пушкина: лучше один раз напиться живой крови, чем триста лет питаться падалью. Известны случаи, когда арестованный взяточник, знающий, что высшей меры все равно уже никак не избежать, отбрасывает всякие уловки и откровенно говорит судьям:

да, я преступник, вы сейчас положите конец моей деятельности, но я пожил по-настоящему, так, как вам и не снилось, а вам всю жизнь придется довольствоваться унылым существованием на низкую зарплату. Наконец, руководящих деятелей «берут на крючок» далеко не всегда только денежным подношением. Втягивание бюрократа в преступный механизм может начаться с мелочей, практически незаметно, но порвать паутину, которой его постепенно опутывают, для многих становится непосильным делом.

Для успешной борьбы с организованной преступностью необходимы гласность, демократизация, совершенствование законодательства (ныне, по действующим законам, главу мафии трудно привлечь к ответственности, поскольку он сам лично никого не убивает, не грабит, не дает взяток). Я бы даже сказал определеннее: только полная правда о положении страны может помочь делу.

Предоставим специалистам со знанием дела решать эти вопросы в тесном сотрудничестве с общественностью. Я не стану отбивать у них хлеб и давать свои рекомендации, а хотел бы в заключение обратить внимание читателей еще на одну сторону проблемы богатых и бедных, связанную с принципиально новой ситуацией, складывающейся в мире.

То, что хозяйствуем мы безобразно, вряд ли нужно доказывать, это признавал еще В. И. Ленин. А с того времени масштабы нашей бесхозяйственности и причиняемых ею потерь неизмеримо возросли. Наверное, главная-то наша трагедия заключается в том, что своей хозяйственной деятельностью мы все более разоряем свою страну, думая при этом, будто созидаем ее. В итоге один регион страны за другим постепенно превращается в территорию, не пригодную для обитания человека. Уже не только публицисты, но и партийные работники высокого ранга, например, первый секретарь Красноярского крайкома КПСС О. С. Шенин, говорят о необходимости «покончить с министерско-колонизаторской политикой» («Советская Россия» от 21 сентября 1988 г.).

Да, у нас есть богатые и бедные, интересы которых существенно различны. Например, бедные ждут десятилетиями, когда получат хоть мало-мальски приличное жилье, и они требуют расширения жилищного строительства, а богатым, давно уже решившим свой квартирный вопрос, позарез нужно, чтобы в городе был построен роскошный ресторан. Все это так. Но давайте вспомним, что страна, Родина у нас одна — и для бедных, и для богатых, и замены ей нет, ее не купить никому ни за какие деньги. И если мы с вами забываем об этом, то ведь у всех нас — и у богатых, и у бедных — есть дети, которым жить после нас. Если богатые оставят своим детям огромные состояния, а бедные передадут потомкам только свою нищету, но при этом мы разорим страну и отравим природу, тогда и обладателям бешеных денег, и обездоленным равная участь — гибель. Того ли хотят богатые, безоглядно накапливающие сокровища и презирающие бедноту? Того ли хотят бедные, питающие чувства зависти и ненависти к новоявленным богачам?

Преступность и прочие негативные явления, наблюдаемые сегодня,— лишь начало, дальше нам придется столкнуться с гораздо более страшными вещами, если мы своевременно не одумаемся.

Сто с лишним лет назад, когда наша Родина переживала трудное время, Ф. М. Достоевский повторял вопрос: «Много ли у нас найдется людей, которые теряют сон в заботах о своей родине?»

Думаю, настала пора реабилитировать в общественном сознании те нормы общечеловеческой нравственности, которыми мы долго пренебрегали только потому, что они прежде были освящены как религиозные заповеди. Неудача с так называемым моральным кодексом строителей коммунизма наглядно показала, что ничего лучшего, чем древние заповеди, в которых был обобщен многовековой нравственный опыт народов, наука пока не изобрела, да, по-видимому, и не изобретет. Принцип «не попадайся» — слабая замена заповедей «не укради» и «не убий». Нам необходима сегодня целостная система морали, а не ситуационная этика, согласно которой нравственно то, что служит общественному прогрессу (тем более, что его понимание может меняться в зависимости от обстоятельств). Нужно признать крах всех попыток воспитать нового человека в отрыве от общечеловеческих нравственных ценностей и сделать из этого соответствующие выводы. Как мне кажется, наглядную картину того, что происходит сейчас в нашей стране, дал В. Распутин в своей повести «Пожар». В далеком таежном поселке Сосновка власть захватили архаровцы — вербованные и бывшие уголовники, которым не дорого ничто, кроме сиюминутного кайфа. Там есть и поселковый Совет, и дирекция леспромхоза, но они могут хоть как-то функционировать только по договоренности с архаровцами, которые все более определяют весь тонус общественной жизни. Честному же человеку жить и работать по совести стало невозможно, а если он пытается отстаивать свои права, это грозит ему крупными неприятностями, на него даже может при погрузке леса «случайно» свалиться тяжелое бревно.

Теперь представим себе, что архаровцы определяют тонус жизни не только в Сосновке, но и в министерствах, научных и проектных институтах, где лелеют мечту о повороте рек, в агропроме, где приказывают колхозам наращивать поголовье скота, даже если для этого нет в достатке кормов. Что же будет тогда с нашей страной, со всеми нами, с нашими детьми и внуками?

Как получилось, что мы утратили понятия благородства, чести и достоинства, а значит, и неподкупность? Как могли мы пренебречь высоко почитаемым во всем мире наследием отечественной культуры, которая вся была пронизана устремлением к величию, благородству человека и скорбью о его несовершенстве?..

Лучшие умы человечества считали, что, какие бы богатства ни собрал человек, какой бы славой ни был окружен, каких бы вершин власти ни достиг, какая бы красота ни была ему доступна, он прожил жизнь напрасно, если сам не стал лучше, чище, благороднее.

Значительным достижением перестройки, по моему мнению, надо признать все более глубокое понимание бесплодности любых попыток воспитания нового человека в отрыве от накопленных человечеством культурных и духовно-нравственных ценностей и появление в разных концах страны людей, берущих дело защиты своей жизни и жизни своих детей в собственные руки. Жители многих городов и поселков не дают согласия на размещение у них новых предприятий, опасных для человека и окружающей среды, добиваются закрытия экологически грязных производств, вырабатывают новые формы устройства общественной жизни, вообще перестраивают свой труд и быт на цивилизованных началах. Это движение «домоустроителей» неодолимо, оно отвечает ленинскому пониманию социализма как строя цивилизованных кооператоров. Именно им, «домоустроителям», у которых на первом плане стоят правильное понимание смысла жизни и своего высокого человеческого призвания, по силам разрешить многие назревшие проблемы, в том числе и извечную проблему богатства и бедности.

КАК МЫ ТРАТИМ ДЕНЬГИ

	1970	1975	1980	1985	1987
Весь использованный совокупный доход семьи (рабочих и служащих):	100%	100%	100%	100%	100%
На питание:	40,1	36,9	35,9	33,7	33,3
На непродовольственные товары:	27,8	28,8	30,3	31,0	31,0
Накопления:	4,5	6,0	5,6	7,8	8,4

По данным Госкомстата СССР, 1988 г.

ЗЕРКАЛО, КОТОРОЕ ПОМНИТ

РАКУРС

Сенсация произошла 150 лет назад. В один из августовских дней 1839 года на заседании Парижской академии наук было сделано сообщение, что художнику Дагеру удалось запечатлеть на пластинке реального человека. С этого дня фотография ведет свое летосчисление.

Мы долго не могли решить, с чего начать рубрику «Ракурс»: с фотоизображений-дагеротипов, свидетелей кропотливых опытов наших предшественников, или уникальных исторических снимков, с фотографий из семейных альбомов или экзотических картин, сделанных первыми фотографами-путешественниками. Смотрели, спорили и, наконец, поняли, что начинать надо с рассказа о Фотографе.

Этого человека уже нет. Его короткая, яркая жизнь оборвалась, но остались снимки, макеты будущих книг, тщательно и любовно им подготовленные.

Фотографа звали Витас Луцкус — среди людей с фотоаппаратом, наверное, нет такого, кто бы не слышал этой фамилии. Мастер. Художник. Ему было тесно в привычных рамках школ, групп, течений. Он всегда выделялся, даже в обойме великолепных литовских фотомастеров.

В творчестве Луцкуса много «периодов», он пробовал себя в разных жанрах, манерах исполнения, много экспериментировал.

Чем больше он снимал, тем проще и реалистичнее становились его работы.

Но реализм в то время был не нужен. Он не вязался с пафосными, ложно оглушительными писаниями. Простому человеку с его радостями и горем не было места среди миллионов пудов, тонн, киловатт... Это была драма эпохи застоя. Это была и личная драма Витаса Луцкуса.

И, отложив аппарат, он не переставал размышлять о конкретном человеке, о его месте на земле, о мире и войне. Так родилась книга «Размышления о старинной фотографии». Луцкус-мыслитель в потоке невзрачных на первый взгляд бытовых снимков выхватил не просто очарование воспоминаний, а отражение истории. Языком старых и старинных снимков он рассказывает нам о нас самих. Повествует о добре и зле, о любви и красоте, о доброте мира и скорби войны.

«В энциклопедии,— говорил Витас,— мы узнаем хронологию событий начала века. Но увидеть за датами человека можно, только прочитав «Похождение бравого солдата Швейка» или раскрыв книгу фотографий тех лет».

Раскроем же эту книгу и перелистаем некоторые страницы...

Владимир НИКИТИН.

Витас ЛУЦКУС:
Старинная фотография — вся в бесконечности обратной перспективы

Создавая фотографию, мы невольно используем законы прямой перспективы — технической неизбежности фотографического процесса.

Но как только фотография сделана, она обретает свою собственную жизнь и подчиняется своим собственным законам. Линии, подчиняясь закону обратной перспективы, расходятся от нее в бесконечность, которую нам никогда не постичь.

Фотография превращается в зеркало, нас отражающее.

И там, в Зазеркалье, мы, со своими амбициями и представлениями сегодняшнего дня, блуждаем, только догадываясь о тех явлениях, которые имели место в той прошлой жизни.

Такое восприятие старинной фотографии позволяет мне не думать ни об авторстве, ни о тех социальных условиях, в которых родились взаимоотношения изображенных на снимках людей. Заниматься этим — дело археологов, этнографов и историков.

Для меня важнее исследовать поведение человека перед фотоаппаратом в момент срабатывания затвора.

Как часто в глубине Бесконечной Перспективы мы выглядим смешными и нелепыми в военных ремнях или в сутане священника.

В моем понимании существуют две проблемы или подхода к решению вопроса старинной фотографии.

Это, во-первых, проблема сохранения ее чисто внешней специфической формы, позволяющей нам ощутить ее техническое своеобразие, в котором печать, оставленная временем, играет далеко не последнюю роль; а, во-вторых, чисто художественная проблема использования этой фотографии как сырья для создания новых работ, несущих в себе вместе с нетронутым очарованием фотографии старой новое и специфически авторское отношение к ней.

Нелепо было бы предположить, что священник-заказчик согласился позировать рядом с обнаженной девушкой, которая на одной из фотографий рядом с греческими амфорами и в римской повязке представляет некую древнюю богиню или нимфу.

Соединившись на одной плоскости, эти снимки обретают совершенно иное звучание и образуют новую, хотя и так похожую на прежнюю, реальность.

Используя старинную фотографию, я пытаюсь воссоздать первоначальное, а вернее, изначальное впечатление от нее, ее квинтэссенцию, какой она представляется нам сегодня в глубине бесконечного пространства обратной перспективы.

«Ничего нет страшнее правды и неизвестности! Войнв только подтверждает это».

Витас ЛУЦКУС

Фотография Валерия АРУТЮНОВА

ГОРЯЧАЯ ПЛАЗМА

СУДЬБА ОДНОГО НЕОПУБЛИКОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ

Владимир ГУБАРЕВ

— Так и не удастся ничего сделать? — спросил академик.

— Нет. К сожалению, интервью напечатано не будет. Это распоряжение с самого «верха». Чье именно — не знаю.

— Я предупреждал, так и будет... Жаль, что оказался прав.

Мы попрощались.

И вот прошло восемнадцать лет.

Но это «жаль», сказанное тогда академиком А. Д. Сахаровым, не дает мне покоя. Ведь могло измениться многое... Но тогда, в 70-м, маховик уже начал раскручиваться, и остановить его не удалось...

...В западной печати были опубликованы «Размышления» академика Сахарова. Это раздумья ученого о нашем времени, о научно-техническом прогрессе, о роли науки в современном мире. Наверное, они не вызвали бы столь негативную реакцию в нашем «высшем эшелоне власти», если бы Андрей Дмитриевич не назвал кое-кого из руководителей, в частности отдела науки ЦК партии, поименно. Так сказать, не выступил бы в духе гласности.

Последовало категорическое указание: пусть Сахаров откажется от своих «Размышлений»: мол, это фальшивка, он не писал ничего подобного. Андрей Дмитриевич не отказался. И тогда заработал «принцип вакуума» — лишить академика контактов с коллегами, не допускать к любимой работе, осуждать публично.

Естественно, нашлись люди, которые это делали охотно. Газеты запестрели «осуждениями». Подписи были разные: и рабочие, и ученые, и писатели. Коллективные письма и индивидуальные. Но что характерно, почему-то «усердствовали» международники и ученые, чьи имена были не очень известны. Большие ученые молчали, научные журналисты тоже. Они знали, сколь велик вклад в науку трижды Героя Социалистического Труда А. Д. Сахарова. Более того, некоторые крупные ученые пытались противостоять валу клеветы, который уже начал подниматься. Среди них были академик Петр Леонидович Капица и президент Академии наук СССР Мстислав Всеволодович Келдыш.

Академик Капица создал в своем институте новую установку, в которой постоянно «горел» плазменный шнур. Петр Леонидович утверждал, что с помощью нового физического явления, открытого им, можно решить термоядерную проблему. Он предложил новый тип термоядерного реактора.

Председателем комиссии Академии наук СССР по проверке открытия президент попросил стать академика Сахарова.

По договоренности с Петром Леонидовичем и Мстиславом Всеволодовичем мы с Ярославом Головановым и Юрием Ростом решили сделать репортаж из лаборатории, а прокомментировать открытие попросили Андрея Дмитриевича. Иллюстрированный репортаж с комментарием должен был появиться в воскресном номере «Комсомольской правды», где мы тогда работали.

Было несколько встреч с Андреем Дмитриевичем. Работал над текстом интервью он тщательно, что всегда было ему присуще. Правда, когда он визировал текст, заметил:

— К сожалению, опубликовать интервью вам не удастся...

— Почему? — искренне удивился я. — Речь идет о физике. Кому же, как не вам, об этом говорить?!

Андрей Дмитриевич улыбнулся:

— Мы имеем дело с очень горячей плазмой, она иногда обжигает...

Смысл этих слов я понял гораздо позже.

Уже на следующий день события начали развиваться стремительно. Хотя материал был послан в набор поздно вечером, утром о его существовании знали «наверху». Кто-то стремительно доложил: «Комсомолка» собирается публиковать интервью с Сахаровым». Тут же поступил лаконичный приказ: «Виновных примерно наказать, чтобы другим было неповадно». К полудню в ЦК ВЛКСМ была создана комиссия, к вечеру все грехи отдела науки «Комсомолки» (к ним были причислены и борьба за нормализацию положения в генетике, и опубликованная беседа с Н. В. Тимофеевым-Ресовским, и статьи П. Л. Капицы) уже были перечислены в специальной «справке». Подобные распоряжения «сверху» выполнялись быстро и четко. Формулировка «антипартийное поведение», «идеологическая диверсия» и т. д. фигурировали в каждом абзаце.

Существует представление, будто Мстислав Всеволодович Келдыш был человеком замкнутым, «холодным». Неверно это. Президент Академии наук, напротив, всегда горячо отстаивал свою точку зрения, не отступал от истины, помогал людям до конца, делал все, что было в его силах. Он немедленно связался с М. А. Сусловым, который, судя по всему, и отдал распоряжение «примерно наказать». Беседа шла долго. Мстислав Всеволодович пытался отстоять академика Сахарова. Ему это не удалось. Но журналистов «Комсомолки» он все-таки спас.

— Репортаж из лаборатории Капицы опубликовать можно, но упоминать фамилию «Сахаров», а тем более давать интервью с ним запретили,— сказал он.

На следующий день репортаж появился в газете.

В конце месяца позвонила Наталья Леонидовна, помощник президента.

— Мстислав Всеволодович интересуется: с вами ничего не сделали? — спросила она.

Такие телефонные звонки раздавались в конце каждого месяца, видимо, Келдыш хорошо знал, что «аппарат застоя» никогда ничего не забывает.

Восемнадцать лет назад интервью с Андреем Дмитриевичем Сахаровым опубликовано не было. После появления очерка Юрия Роста в «Литературке» я разыскал тот материал в своем архиве. И удивился: насколько актуальн он и сегодня. Мне показалось, что он представляет не только исторический интерес. К сожалению, не очень многое в термоядерной проблеме изменилось за эти годы.

Вот текст этого интервью, взятого у академика А. Д. Сахарова в марте 1970 года.

Вопрос. Сегодня мы побывали в Физической лаборатории Акадвмии наук СССР, которую возглавляет Петр Леонидович Капица. Посмотрели установку, тот самый плазменный шнур, который вызывает столь многочисленные споры срвди физиков. Меня удивила прежде всего сравнительная простота установки. И то, что плазменный шнур горит в камере спокойно, словно зажженная свеча. Не правда ли, трудно привыкнуть к этому?

А. Сахвров. Первое впечатление, безусловно, довольно сильное. Шнур существует сколь угодно долго. Это говорит о том, что с плазмой мы начинаем обращаться запанибрата.

Что же касается простоты установки, то в принципе с вами можно согласиться, хотя, конечно, крохотный плазменный «огурец» требует подвода огромного количества энергии. На него работает целая электростанция, которая находится в соседнем здании.

Но тем не менее установка действительно не слишком сложна. В ней, как в зеркале, отражается основной принцип Петра Леонидовича — работать на достаточно простой аппаратуре. Это он делал всегда и получал очвнь важные результаты.

Эксперимент, проведенный в Физической лаборатории, весьма интересен. Получена высокая температура электронов, а это важно...

Вопрос. Прошу прощения, прежде чем говорить об этом эксперименте более подробно, я хотел бы, чтобы вы вернулись к 1950 году, когда возникла идея о создании управляемой термоядерной реакции. Как развивались работы в этой области на протяжении 20 лет?

А. Сахаров. Это были годы надежд и разочарований. В 1950 году вместе с Игорем Евгеньевичем Таммом мы разработали модель термоядерного устройства с магнитной термоизоляцией (магнитную ловушку). В тороидальной камере, заполненной дейтерием, создается мощное магнитное поле, которое, казалось бы, должно удержать высокотемпературную плазму. Это была идея абсолютно стационарной установки. В принципе мы хотели, чтобы через одну «дырку» дейтерий входил в камеру, а из другой — выходили отработанные продукты. Идея выглядела тогда оригинальной и возможной для сравнительно быстрого осуществления, хотя сразу было ясно, что на пути к управляемой термоядерной реакции будет много «подводных камней»...

Вопрос. Их оказалось действительно много?

А. Свхаров. Гораздо больше, чем мы тогда предполагали. Нам казалось, что работы пойдут быстро и успешно, но через несколько лет выявился обширный список неустойчивостей, от которых не так легко было избавиться. До сих пор идет борьба с этими неустойчивостями.

Сейчас одно из основных направлений — осуществление термоядерной реакции в установках циклического действия.

Вопрос. Вы имеете в виду, к примеру, установку «Токамак»?

А. Свхаров. Да. В «Токамаке» нагрев плазмы осуществляется за счет тока. В ней создается спиральное магнитное поле. И хотя неустойчивости плазмы существуют, они не столь катастрофичны. Весьма существенно, что движение к термоядерной реакции на этой установке идет постоянно и без «подводных камней». Раньше они появлялись на каждом шагу, а теперь как будто бы пропали. Думаю, что на «Токамаке» можно получить управляемую термоядерную реакцию и, возможно, даже создать промышленную установку, но сделать на этом же принципе абсолютно стационарный термоядерный реактор будет невозможно — на «Токамаке» цикличность работы обязательна.

Вопрос. Но теперь уже получен стабильный плазменный шнур?

А. Свхаров. Вы сразу перешли к работам П. Л. Капицы. К сожалению, температура мала у этого шнура...

Термоядерная реакция — не что иное, как синтез, т. е. соединение атомных ядер. Она протекает при сверхвысоких температурах. Чтобы реакция шла, нужно несколько десятков миллионов градусов. В этом случае она становится «самоподдерживающейся». Внутренней энергии, выделяемой при слиянии ядер, хватает на все: и на теплоотвод, и на поддержание реакции.

Плазма — это сильно ионизированный газ, в котором температура электронов и ионов различна.

У плазменного шнура, полученного в Физической лаборатории, температура электронов порядка миллиона градусов, а ионы значительно «холоднее».

Вопрос. В своей работе П. Л. Капица пишет: «На данном этапе наших исследований мы принимаем, что полученная нами плазма горячая и в ней температура электронов порядка миллионов градусов, а температура ионов, вероятно, значительно ниже. Естественно поставить вопрос о возможности поднять в шнуровом разряде температуру ионов до уровня, необходимого для надежного осуществления термоядерной управляемой реакции. Подвод энергии к ионам может осуществляться двумя путями: либо через коллективное взаимодействие с электронами, либо созданием магнитоакустических колебаний. Эти колебания возникают в плазме в присутствии магнитного поля, когда на него накладывается высокочастотная составляющая. Оба эти процесса теоретически и экспериментально мало изучены». Таким образом, академик П. Л. Капица предлагает два пути для получения управляемой термоядерной реакции. Как вы считаете, перспективны ли они?

А. Сахвров. Если явлвние изучено мало, надо работать. Могут быть самые любопытные результаты.

Правда, я не думаю, что увеличение электронной температуры вызовет резкий подъем ионной. Она, конечно, будет нарастать, но не столь быстро, как хотелось бы.

«Нагреть» ионы, безусловно, можно, в том числе, вероятно, и с помощью магнитоакустических колебаний. Но как только их температура приблизится к миллиону градусов, нужно опять-таки создавать мощные магнитные поля, чтобы удержать ионы, т. е. проделать ту же работу, которой занимаются физики-термоядерщики уже добрых двадцать лет, и преодолевать такие же трудности.

Вопрос. Успех с электронной температурой в работе П. Л. Капицы объясняется открытием так называемого «температурного скачка» на границе плазмы. Не влияет ли этот скачок на ионы?

А. Свхаров. Петр Леонидович доказывает, что на границе плазмы происходит процвсс, аналогичный появлению двойного слоя на поверхности диэлектрика. При ударе электроны, как более подвижные, проникают в глубь диэлектрика дальше, чем ионы. Возникает электрическое поле, от которого электроны отражаются.

Нечто подобное, по мнению Капицы, происходит на границе плазмы. Если бы электроны уходили за нее, то они уносили бы основную массу тепла и на получение температуры в миллион градусов у плазменного «огурца» потребовалась бы мощность в несколько раз более высокая, чем теперь.

Возможно, такой эффект и существует. Но только для электронов. А с ионами придется, очевидно, «справляться» с помощью мощных магнитных полей, созданных в специальных установках.

Вопрос. А может быть, появится своеобразный гибрид из различных установок?

А. Сахаров. Это уже область фантастики... В лаборатории П. Л. Капицы поставлен очвнь интересный эксперимент. Возникло новое направление, очень своеобразное. Уверен, что-то интересное в конце концов получится. Что именно? Сейчас сказать трудно. В самом худшем случае — это обогащение наших знаний о плазме.

Совсем недавно я не поверил бы, что возможен такой стабильный «огурец» с высокой электронной температурой. Но он существует! И уже это само по себе большое достижение советской науки.

Вопрос. Вы считаете возможным создание управляемого термоядерного реактора в ближайшие годы?

А. Свхаров. Пока нет... Если бы вы меня так спросили 20 лет назад, я ответил бы тогда утвердительно. Тогда казалось, что достаточно теоретику взяться за карандаш — и проблема управляемой термоядерной реакции будет решена, но все оказалось намного сложнее.

Я уверен в одном: уже в этом столетии управляемая термоядерная реакция будет осуществлена и появятся термоядерные реакторы. Но какими именно они будут, пока я не представляю.

На мой взгляд, история этого интервью весьма поучительна. Сколь же велик был страх у людей — ведь боялись даже фамилии! Страх порождает ложь, клевету, разгул реакции. И нелегко противостоять этому потоку. Акадвмик Сахаров выстоял. Жаль, что у нас не хватило тогда сил помочь ему.

В моем кабинете висят портреты академиков П. Л. Капицы и А. Д. Сахарова, подаренные в те далекие годы. Петра Леонидовича уже нет среди нас, но один разговор с ним я запомнил на всю жизнь. Мы говорили о судьбе Андрея Дмитриевича — в то время кампания против него достигла апогея.

— Может быть, ему имеет смысл вернуться к науке, заниматься только своими исследованиями — ведь столько сил уходит на борьбу?..— заметил я.

— Эх, молодость, молодость...— с горечью, как мне показалось, сказал Петр Леонидович.— Вы должны понять: то, что сейчас делает Андрей Дмитриевич, для всех для нас, пожалуй, не менее важно, чем то, что он уже сделал в физике.

Не только великим ученым, но и очень мудрым человеком был Петр Леонидович...

В этой рубрике, которую ведет член-корреспондент Академии наук СССР Сергей Аверинцев, редакция предполагает рассказать о национальных поэтах, чье творческое наследие и ныне не утратило своего значения, однако по разным причинам было недостаточно хорошо известно широкому кругу читателей.

Мы открываем нашу поэтическую рубрику стихами двух необычных поэтов, мудрецов и прозорливцев с чертами высокого юродства. Мы надеемся, что их угловатые стихи скажут нам нечто, чего мы не услышим больше ни от кого. Вправду скажут, если мы будем вслушиваться как надо, с доверием и верностью, если мы посмеемся с ними их освобождающим смехом и разделим с ними их серьезность, которая поистине не от мира сего. И тогда одна строка может дать ориентир для целой жизни.

«Во взгляде Соловьева, который он случайно остановил на мне в тот день, была бездонная синева: полная отрешенность и готовность совершить последний шаг; то был уже чистый дух: точно не живой человек, а изображение: очерк, символ, чертеж. Одинокий странник шествовал по улице города призраков в час петербургского дня, похожий на все остальные петербургские часы и дни. Он медленно ступал за неизвестным гробом в неизвестную даль, не ведая пространств и времен» — таким увидел Соловьева Александр Блок.

У обоих было, как у рыцаря бедного из пушкинской легенды, «виденье, непостижное уму». Но в отличие от простоватого рыцаря, умевшего только молчать и рубиться во славу своей дамы, они имели дар мысли, чтобы философски осмыслить внутренний опыт, и дар слова, чтобы нам о нем поведать. Их творчество — это их свидетельство.

И на этом сходство, пожалуй, кончается. Поэзия Сковороды — поэзия песенная: за ее интонациями — напевы лирников и бандуристов родной Украйны и европейская музыкальная культура эпохи барокко. Тогда музыка умела плакать и ликовать с такой цельностью и силой, с таким мудрым и простодушным соединением стихийности и церемонности, как никогда ни ранее, ни позже. От духа этой музыки — и резкость эмоционального порыва, мощного, как явление сил природы:

«Ах ты, тоска проклята! о докучлива печаль!

Грызешь меня измлада, как моль платье, как ржа сталь».

От него — и бодрость народного танца, в которой выражает себя внутренняя свобода мудреца; от него — и рассудительность, менее всего сухая, служащая зеркалом целомудренной упорядоченности душевного строя. Кто не расслышит в поэтическом слове Сковороды мелоса — ничего не поймет в нем.

ДВА СТРАННИКА

Мир ловил меня, но не поймал.
Г. С. СКОВОРОДА. Надпись для собственной могилы.

Жизнь — только подвиг, и правда живая
Светит бессмертьем в истлевших гробах.
В. С. СОЛОВЬЕВ. «Если желанья бегут словно тени...»

Русский философ Владимир Соловьев состоял по материнской линии в родстве с украинским мыслителем Григорием Сковородой. Это отдаленное кровное родство — словно внешний символ куда более тесного духовного родства. Они оба не вмещались ни в какие социальные рамки, оба прошли свой жизненный путь странниками, один взгляд на которых будит мечту о свободе, недоступной обычному человеку. Оба бестрепетно обличали неправду мира, но ни для одного ни для другого обличение не было самым важным делом. Обоих мир не смог «поймать». Сковорода, едва получив место в Переяславльском училище, теряет его, а вместе с ним и всякую надежду на карьеру, из-за одного проявления внутренней независимости. Владимир Соловьев, выступив во время публичной лекции с призывом к Александру III о помиловании народовольцев-первомартовцев, навсегда прощается с университетской кафедрой. И дело не только во внешних конфликтах: внутренний голос души властно велел тому и другому уходить от всякой «пристроенности к месту», от солидной жизни «как у всех». Конечно, разница есть: Сковорода был в самом буквальном смысле нищим и странником, а Соловьев все же имел положение литератора и публициста; но нрав бессребреника приближал его жизнь к пределу скудости и бездомности, насколько было возможно, и ему случалось мерзнуть, раздав теплую одежду нуждающимся, спать на досках, ездить пить чай на вокзал и терпеть другие тяготы, неведомые людям его круга.

Самый их облик изумлял современников. За ним угадывалась реальность духа.

«Дух его отдалял его от всяких привязанностей и, делая его пришельцем, присельником, странником, выделывал в нем сердце гражданина всемирного, который, не имея родства, стяжаний, угла, где главу преклонити, сторицею больше вкушает удовольствий природы, простых, невинных, беззаботных, истинных, почерпаемых умом чистым и духом несмущенным в сокровищницах Вечного» — так описывал Сковороду его любимый учвник Михаил Ковалинский.

Стихи Владимира Соловьева принадлежат совсем другому времени — сумеречному концу прошлого века. Для русской поэзии это было безвременье. Еще звучал одинокий голос Фета «Вечерних огней», набравший силу перед концом, и для Соловьева он был внятен; но целые поколения приняли несравненно живее интеллигентское безъязычие Надсона. Целый цикл поэтических традиций XIX века пришел к концу, а до начала нового цикла, который можно было бы назвать блоковским, было еще далеко. (Первые «декадентские» эксперименты Соловьев подверг резкому осмеянию в пародиях и рецензии; это не мешало символистам видеть в нем своего предтечу.) В общем, чувство слова было расшатано, и это едва ли не горше всего сказывалось на той поэзии, которая хотела быть философской и перебивалась жаргоном абстракций — у того же Надсона, позднее у Минского, у раннего Мережковского. Тем неожиданнее стихи Владимира Соловьева. Нельзя сказать, что обстоятельства поэтического безвременья на них не повлияли; но поэту есть что сказать, и это само по себе дает ему власть над словом — конкретность внутреннего опыта оказывается сильнее, чем отвлеченность словаря. Сквозь худосочные обороты надсоновской поры русской поэзии с неловкой силой пробиваются сосредоточенность духа и подлинность чуда.

А теперь вернемся к общей черте Сковороды и Соловьева: оба они были носителями незаурядного комического дарования. (Вообще говоря, не редкость, что поэт, склонный к умозрению и визионерству, а значит, взирающий на мир обыденщины как бы извне, особенно чувствителен к его абсурдам: пример из немецкой поэзии — бесподобные потешные стихи мистика Кристиана Моргенштерна.) Шуточная поэзия Соловьева вошла в интеллигентский «фольклор» целых поколений, достойно продолжая линию Козьмы Пруткова. Соловьевский смех, описанный бесчисленными мемуаристами, стал мифом и символом.

В нем, как и в смехе Сковороды, выразило себя хитроумие вольного странника, не давшего миру себя поймать.

ГРИГОРИЙ САВВИЧ СКОВОРОДА (1722—1794)

ПЕСНЬ 3-Я

*Из сего семени: **Прорасти земля былие травное, сиречь: Кости твоя прозябнут, яко трава, и разботеют** (Исаиа).*

Весна люба, ах, пришла! Зима люта, ах, пройшла!
Уже сады расцвели и соловьев навели.

Ах ты, печаль, прочь отсель! Не безобразь красных сел.
Бежи себе в болота, в подземныи ворота!

Бежи себе прочь во ад! Не для тебе рай и сад.
Душа моя процвела и радостей навела.

Щастлив тот и без утех, кто победил смертный грах.
Душа его — божий град, душа его — божий сад.

Всегда сей сад даст цветы, всегда сей сад даст плоды,
Всегда весною там цветет, и лист его не падет.

О боже мой, ты мне — град! О боже мой, ты мне — сад!
Невинность мне — то цветы, любовь и мир — то плоды.

Душа моя есть верба, а ты еси ей вода.
Питай мене в сей воде, утешь мене в сей беде.

Я ничего не боюсь; одних грехов я страшусь.
Убий во мне всякий грех: се — ключ моих всех утех!
Конец.

ПЕСНЬ 10-Я

*Из сего зерна: **Блажен муж, иже в премудрости умрет и иже в разуме своем поучается святыне** (Сирах).*

Всякому городу нрав и права;
Всяка имеет свой ум голова;
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкус каков,
А мне одна только в свете дума,
А мне одно только не йдет с ума.

Петр для чинов углы панскии трет,
Федька-купец при аршине все лжет.
Тот строит дом свой на новый манер,
Тот все в процентах, пожалуй, поверь!
А мне одна только в свете дума,
А мне одно только не йдет с ума.

Тот непрестенно стягает грунта,
Сей иностранны заводит скота.
Те формируют на ловлю собак,
Сих шумит дом от гостей, как кабак,—
А мне одна только в свете дума,
А мне одно только не йдет с ума.

Строит на свой тон юриста права,
С диспут студенту трещит голова.
Тех безпокоит Венерин амур,
Всякому голову мучит свой дур,—
А мне одна только в свете дума,
Как бы умерти мне не без ума.

Смерте страшна, замашная косо!
Ты не щадиш и царских волосов,
Ты не глядиш, где мужик, а где царь,—
Все жереш так, как солому пожар.
Кто ж на ея плюет острую сталь?
Тот, чия совесть, как чистый хрусталь...
Конец.

ПЕСНЬ 13-Я

*Из сего: **Изыдите от среды их... Прийди, брате мой, водворимся на селе. Тамо роди тя мати твоя** (Песнь песней).*

Ах поля, поля зелены,
Поля, цветами распещренны!
Ах долины, яры,
Круглы могилы, бугры!

Ах вы, вод потоки чисты!
Ах вы, берега трависты!
Ах ваши волоса, вы, кудрявые леса!

Жайворонок меж полями,
Соловейко меж садами;
Тот, выспрь летя, сверчит, а сей на ветвах свистит.

А когда взойшла денница,
Свищет в той час всяка птица,
Музыкою воздух растворенный шумит вкруг.

Только солнце выникает,
Пастух овцы выгеняет.
И на свою свирель выдает дрожливый трель.

Пропадайте, думы трудны,
Города прамноголюдны!
А я с хлеба куском умру на месте таком.
Конец.

Pro memoria, или припоминание.

Самое сущее Августиново слово есть сие: Tolle voluntatem propriam et tolletur infernus — Истреби волю собственную — и истребится ад.

Как в зерне маврийский дуб, так в горчичном его слове сокрылася вся высота богословския пирамиды и аки бездна жерлом своим пожерла весь Иордан богомудрия. Человеческая воля и божия суть два врата — адова и небесная. Обретший среде моря своея воли божию волю — обрете кифу, сиречь гавань оную: «На сем камне утвержу всю церковь мою». «Таится сие им, яко небеса» и проч. «И земля (се оная обетованная! Зри, человече) посреде воды...» Аще кто преобразил волю во волю божию, воспевая сие: «Ищезе сердце мое» и протч. Сему сам бог есть сердцем. Воля, сердце, любовь, бог, дух, рай, гавань, блаженство, вечность есть тожде. Сей не обуревается, имея сердце оное: «Его же волею вся управляются». Августиново слово дышет сим: «Раздерите сердца ваша». «Возьмите иго мое на себе». «Умертвите уды ваша». «Не яже хощете... сия творите». «Несть наша противу крови и плоти». «Враги человеку домашнии его». «На аспида и василиска наступиши». «Той сотрет твою главу...» и проч.

ПЕСНЬ 30-Я

Из сего древняго стиха:
Τῆς ὥρας ἀπόλανε, ταχὺ γὰρ πάντα γηράσχει:
Ev θέρος ἐξ ἐρίφον τραηὺν ἔνηχε τραγόν.

Сиречь:
Наслаждайся дней твоих, все бо вмале стареет:
В одно лето из козленка стал косматый цап.

Осень нам проходит, а весна прошла,
Мать козленка родит, как весна пришла.
Едва лето запало, а козля цапом стало,
Цап бородатый.
Ах, отвержем печали! Ах, век наш краткий, малый!
Будь сладкая жизнь!

Кто грусть во утробе носит завсегда,
Тот лежит во гробе, не жил никогда.
Ах, утеха и радость! О сердечная сладость!
Прямая ты жизнь.
Не красна долготою, но красна добротою,
Как песнь, так и жизнь.

Жив бог миросердый, я его люблю.
Он мне камень твердый; сладко грусть терплю.
Он жив, не умирая, живет же с ним живая
Моя и душа.
А кому он не служит, пущай тот бедный тужит
Прямой сирота.

Хочеш ли жить в сласти? Не завидь нигде.
Будь сыт з малой части, не убойся везде.
Плюнь на гробныя прехи и на детския страхи.
Покой — смерть, не вред.
Так живал афинейский, так живел и еврейский
Епикур — Христос.
Конец.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ СОЛОВЬЕВ
(1853—1900)

✻

Бедный друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и венок твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, дорогая, заквт.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, нв спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят нв земле,—
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мглв,
Неподвижно лишь солнце любви.
18 сентября 1887

✻

Не по воле судьбы, не по мысли людей,
Не по мысли твоей я тебя полюбил,
И любовию вещей моей
От невидимой злобы, от твйных сетей
Я тебя ограждвл, я тебя оградил.

Пусть сбираются тучи кругом,
Веет бурей зловещей и слышится гром,
Не страшися! Любви моей щит
Не падет перед темной судьбой.
Меж небесной грозой и тобой
Он, как встарь, неподвижно стоит.

А когда пред тобою и мной
Смерть погвсит все светочи жизни земной,
Пламень вечной души, квк с Востока звездв,
Поведет нас тудв, где немеркнущий свет,
И пред богом ты будешь тогда,
Перед богом любви — мой ответ.
1890

✻

Если желвнья бегут, словно тени,
Если обеты — пустые слова,—
Стоит ли жить в этой тьме заблуждений,
Стоит ли жить, если правдв мертва?

Вечность нужна ли для праздных страмлений,
Вечность нужнв ль для обманчивых слов?
Что жить достойно, живет без сомнений,
Высшвя сила не знает оков.

Высшую силу в себе сознаввя,
Что ж тосковать о ребяческих снах?
Жизнь только подвиг,— и правда живая
Светит бессмертьем в истлевших гробах.
1893(?)

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО

Посвящается В. Л. Величко

Пусть все поругано веками преступлений,
Пусть незапятнанным ничто не сбереглось,
Но совести укор сильнее всех сомнений,
И не погаснет то, что́ раз в душе зажглось.

Великое не тщетно совершилось;
Недаром средь людей явился бог;
К землв недвром небо приклонилось,
И распахнулся вечности чертог.

В незримой глубине сознвнья мирового
Источник истины живет не заглушен,
И нвд руинами позора векового
Глвгол ее звучит, как похоронный звон.

Родился в мире свет, и свет отвергнут тьмою,
Но светит он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью внешнею, а правдою самою
Князь века осужден и все его дела.
24 декабря 1894

✻

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?
1892

LES REVENANTS[1]

Тайною тропинкою, скорбною и милою,
Вы к душе пробралися, и — спасибо ввм!
Сладко мне приблизиться пвмятью унылою
К смертью занввешенным, тихим берегам.

Нитью непонятною сердце все привязано
К образам нвзначвщим, к плачущим теням.
Что-то в слово просится, что-то недосквзано,
Что-то соввршается, но — ни здесь, ни там.

Бывшие мгновения поступью беззвучною
Подошли и сняли вдруг покрывала с глаз.
Видят что-то вечное, что-то неразлучное
И годв минувшие — как единый чвс.
16 января 1900

ПРОРОК БУДУЩЕГО

Угнетаемый насилием
Черни дикой и тупой,
Он питался сухожилием
И яичной скорлупой.

Из кулей рогожных мантию
Он себе соорудил
И всецело в некромвнтию
Ум и сердце погрузил.

Со стихиями надзвездными
Он в сношение вступал,
Проводил он дни над безднвми
И в болотах ночевал.

А когдв порой в селение
Он задумчиво входил,
Всех собак в недоумение
Образ дивный приводил.

Но, орга́нвми правительства
Быв без вида обретен,
Тотчас он на место жительства
По этвпу водворен[2].
1886

---

[1] Призраки (франц.). — Ред.

[2] Не скрою от читателя, что цель моего «Пророка» — восполнить или, так сказать, завершить соответствующие стихотворения Пушкина и Лермонтова. Пушкин представляет нам пророка чисто библейского, пророка времен давно минувших, когда, с одной стороны, прилетали серафимы, а, с другой стороны, анатомия, находясь в младенчестве, не препятствовала вырывать у человека язык и сердце и заменять их змеиным жалом и горячим углем, причиняя этим пациенту лишь краткий обморок. Пророк Лермонтова, напротив, есть пророк настоящего, носитель гражданской скорби, протестующий против нравственного упадка общественной среды и ею натурально изгоняемый. Согласно духу современности, в стихотворении Лермонтова нет почти ничего сверхъестественного, ибо хотя и упомянуто, что в пустыне пророка слушали звезды, но отнюдь не говорится, чтобы они отвечали ему членораздельными звуками. Мой пророк, наконец, есть пророк будущего (которое, может быть, уже становится настоящим); в нем противоречие с окружающею общественной средой доходит до полной несоизмеримости. Впрочем, я прямо продолжаю Лермонтова, как и он продолжал Пушкина. Но так как в правильном развитии всякого сюжета третий момент всегда заключает в себе некоторое соединение или синтез двух предшествовавших, то читатель не удивится, найдя в моем, третьем пророке, мистический характер, импонирующий нам в пророке Пушкина, в сочетании с живыми чертами современности, привлекающими нас в пророке Лермонтова. Но пусть дело говорит за себя.

РОДНИК НРАВСТВЕННЫХ ЗАПОВЕДЕЙ

Тимур ПУЛАТОВ, писатель

Современный человек самонадеянно «растягивает» свою историю на сотни тысяч лет. На самом же деле, мне думается, история отсчитывает себя с возникновения современных мировых религий. История христианских народов длится двадцать веков, мусульманских — чуть меньше четырнадцати столетий. Одна из самых древних — история буддийских народов, и не случайно поэтому сознание китайца триедино, он одновременно ощущает себя исторически в прошлом, настоящем и будущем, и ни одно из этих времен не искажает для китайца реальности современного бытия.

В искусстве все самые яркие сюжеты, касающиеся начала поисков человеком своего места в истории, связаны так или иначе со временем правления Ирода и римского наместника Иудеи Понтия Пилата, а все даже самое близкое к этому времени так окутано «внеисторическими реалиями» — домыслами, легендами, мифами, что относится к времени «доисторическому».

«Как? — спросят.— А Юлий Цезарь? А Александр Македонский? Кир и Дарий? Разве это не история?»

Да, это история. Но только человек, не обладавший историческим мышлением, не воспринимал это как собственную историю, ибо течение бытия во времени представлялось ему как нечто хаотическое, спонтанное, иррациональное. И лишь в момент, когда современные религии поставили человека перед нравственным выбором между добром и злом, человек стал ощущать жизнь как течение истории. Нравственный кодекс научил человека смотреть на бытие не как на цепь случайных, неподвластных событий, а как на движение, имеющее свои строгие законы. Смотря на них сквозь призму нравственных заповедей, человек отождествлял эти законы с законами самой истории, и тогда впервые он понял, что все, в чем он чувствует себя защищенным и уверенным, имеет свою историю — его земля и страна, его родословная, его язык, «его Гималаи» и «его Волга».

Парадоксально то, что религия, учившая человека историческому мышлению, сама же и поколебала его веру тем, что обратила человеческое сознание к горестным «историческим» размышлениям о быстротечности бытия, о том, что все имеет начало и конец. Дряхлея, история народа переходит в область археологии, и бессмертие, о котором толкует религия, в итоге не способно освятить ни одно великое деяние, ни один даже самый обжигающий всплеск духа гения.

История к тому же и переменчива. Запечатлев протяженность времени того или иного государства от его рождения до старения и распада, она затем покидает уходящий с исторической арены народ, чтобы перейти на службу к другому, более удачливому, на ее взгляд. И так остаются некогда могучие народы вне исторического времени. Ведь и впрямь современные греки — это не совсем эллины, а ассирийцы, встречающиеся на восточных базарах, никак не ассоциируются с жителями Ассирии и Вавилонии.

История мудрее современности, ибо прошла через цепь своих событий, отделив от них случайное, мелкое, наносное. Историк восточной древности Бируни верил в «мистичность» истории и утверждал, что если сознательно, в угоду каким-то сиюминутным соображениям замалчивать те или иные неприятные для государства или правителя события истории, то они обязательно всплывут опять в современности, только в более трагическом виде. Занятие неприбыльное еще и потому, что, обнаружив «белые пятна» в истории правления своего предшественника, новый правитель поспешит заполнить их не только грехами предшественника, но и собственными, как бы списав их на прошлую эпоху.

Нельзя два раза окунуться в один и тот же поток быстротекущей реки истории, нельзя и изменять историю в угоду пусть даже самым благородным идеям. И когда мы говорим о народе как о «творце своей истории», то это надо понимать не как вмешательство в природу, чреватое экологическими бедами, а как способность к нравственному выбору, выбору между добром и злом.

И Чингисхан и Наполеон путали меру, они выбирали маленькое добро для своей общины и большое зло для остального мира и в итоге опустошали нравственно свою общину, свой народ.

История — как шлейф кометы современности. Комета сгорает, а шлейф еще долго волнует воображение.

ВЫСТРЕЛЫ В СМОЛЬНОМ

Окончание. Начало на 33 стр.

него (Кирова.— **А. К.**), **распластавшись, лежал другой неизвестный человек».** Руки его были раскинуты. В правой он слабо держал револьвер. Неизвестный бился в истерике. Как пишет доктор санчасти Смольного М. Д. Гальперина: **«Он кричал и кричал».** Медикам пришлось оказывать ему помощь.

3 декабря Народный Комиссариат внутренних дел Союза ССР сообщил, что человек, стрелявший в Кирова,— **«служащий Ленинградской РКИ Николаев Леонид Васильеаич».**

Схема убийства Кироаа, составленная очевидцем событий М. В. Росляковым.

Трагедию в Смольном можно с полным правом назвать преступлением века. С 1 декабря 1934 года пошел печальный счет кровавым преступлениям. В последующие годы сотни партийцев, прежде всего наиболее известные политические руководители революции, были расстреляны как непосредственно замешанные в убийстве Кирова; сотни тысяч советских граждан уничтожены или посажены в лагерях как соучастники некоего гигантского заговора, который якобы существовал за кулисами покушения.

Тогда же, в декабре 1934 года, было выдвинуто несколько версий, объясняющих трагедию в Смольном: 1) личная месть Николаева, 2) террористический акт оппозиции, 3) операция «Консул», 4) политическая интрига Сталина. Но ни по одной из них нет никаких прямых доказательств и улик. В связи с этим приходится слышать: не утонуть бы в версиях, раз нельзя доказать что-либо ни по одной из них, давайте остановимся на наиболее приемлемой сегодня.

Это плохо, когда незнание выносит скорый суд. Сейчас мы отыскиваем истину в сложнейших вопросах политики, экономики, не боясь разных подходов, дискуссий. Для истории научный поиск — это выявление новых документов, сопоставление их с имеющимися, выдвижение версий и гипотез, тщательная их обработка. Верится: именно на этом пути мы когда-нибудь найдем разгадку кровавого акта в Смольном.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ

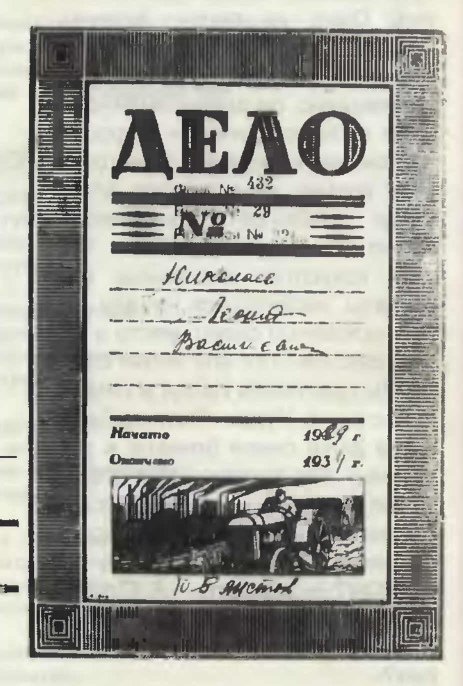
«Группа Котолынова подготовляла террористический акт над Кироаым, причем непосредственное его осуществление было возложено лично нв меня.

Мне известно от Шатского, что такое же задание было дано и его группе, причем эта рвбота велась ею незаaисимо от нашей подготоаки террористического акта.

...Шатского впервые я встретил в 1933 г. Следующая встреча у нас была летом 1934 г. на ул. Красных Зорь, дом № 28, где Шатский проводил наблюдение за квартирой, устанавлиаая все передвижения Кирова. Делал он это в целях подготовки террористического акта...

В октябрьские дни 1934 г. я вновь встретил Шатского аозле квартиры Кирова, продолжающего наблюдение за ним. Так как Шатский вел наблюдение за квартирой Кирова, я свое внимание перенес к Смольному и наметил Кирова убить в этом пункте...»

(Из показаний Л. Николаева, т. 1, л. д. 50—51, 273—274.)



После убийства Кирова и неудачной попытки застрелиться самому с Николаевым случилась истерика. В показаниях следствия записано: **«..он кричал и кричал».** Но очевидцы, а их было немало, утверждают в воспоминаниях, что Николаев не просто кричал, а вполне определенные вещи: **«Я ему отомстил! Я отомстил!»** Важно отметить, что первоначально, пока дело вели ленинградские чекисты, Николаев показывал, что совершил преступление в порядке личной мести.

За что же мог мстить Николаев?

Дополнительные штрихи к нашему исследованию дает беседа с Р. О. Поповым *, работавшим в то время оперуполномоченным в политическом отделе Ленинградского управления НКВД:

* Фамилия и инициалы следователя редакцией изменены по его просьбе. Беседа с ним состоялась в конце прошлого года, и пока не все факты из его рассказа проверены документально.

— Убийство Кирова... Это было что-то ужасное, вы не представляете, какой большой любовью он пользовался. Сначала нам сказали, что он ранен. Следователь Луллов прибежал: «Проверьте по всем картотекам Леонида Николаева». Его нигде не обнаружили по формулярам. Уже потом у его жены Драуле отобрали список всех его знакомых.

В 8 или 9 утра 2 декабря в 631-й комнате мы допрашивали с Пашей Малининым Мильду Драуле. Она провела ночь в холле, спала на стульях. Типичное чухонское лицо. Миловидная. Допрос продолжался около двух часов. Я писал протокол сам. Она считала его (мужа) скрытным человеком, никогда не слышала от него политических разговоров. Ходил угрюмый. У него ничего не получалось с работой, она считала его неудачником. Мне, говорит, сказали о ревности, что вы, кому это могло прийти в голову?..

В те далекие годы бродили слухи о романтических отношениях между Кировым и женой Николаева Мильдой Драуле. Она с 1930 года работала в Ленинградском обкоме ВКП(б), в конце августа 1933 года ее перевели инспектором-секретарем по кадрам в Ленинградское управление Наркомата тяжелой промышленности.

А. К. Тамми, бывший в то время членом бюро Ленинградского обкома комсомола, рассказывал мне:

— Киров и Драуле знали друг друга и всегда улыбались при встрече. Мне показывали письмо, которое было в кармане у Николаева. Подробности не помню. Но суть в том, что «Киров поселил вражду между мной и моей женой, которую я очень любил». Не знаю, что заставило его написать такую грязь. Сергей Миронович был чистым человеком, и подозревать его в тайной связи нет никаких причин.

Товарищи и соратники Кирова, люди, близко знавшие его, тоже возмущались подобными сплетнями — это отмечено во многих воспоминаниях.

Скорее всего объяснение надо искать в ином направлении.

К моменту покушения, уволенный из Института истории партии, Николаев уже девять месяцев ходил без работы. В прежней должности его не восстанавливали, от других предложений по трудоустройству он отказывался. Писал жалобы, протестуя против **«несправедливого отношения к живому человеку со стороны отдельных государственных лиц».** Такие письма он вручал Чудову, Угарову и Кирову — дважды, когда тот выходил из машины (об этом свидетельствуют записи охраны Кирова).

При проработке следствием версии «убийцы-одиночки», на мой взгляд, мало внимания уделялось объективной оценке изъятых при обыске на квартире Николаева бумаг: личного дневника, заявлений в адрес различных учреждений, где говорилось о его **«полном отчаянии, неудовлетворенности», «о тяжелом материальном положении», «о несправедливом отношении к живому человеку»...** Обвинительный акт утверждает, что эти документы Николаев заготовил **«в целях сокрытия следов преступления и своих соучастников, а также в целях маскировки подлинных мотиаоа убийства т. Кировв»** — во всяком случае, так представил дело Николаев на одном из допросов. Позднее, 13 декабря, он дополнит свои показания:

«...Я должен был изобразить убийство Кирова как единоличный акт, чтобы скрыть участие а нем зиновьевской группы».

(Т. 1, л. д. 266).

Проходит еще неделя, и Николаев уже заявляет:

«Когда я стрелял в Кирова, я рвссуждал так: наш аыстрел должен явиться сигналом к взрыау, к выступлению анутри страны протиа ВКП(б) и Соаетской аласти...».

(Т. 2, л. д. 190, 192).

Тут что ни признание, то вопрос. Вдумаемся: коли выстрел в Кирова должен послужить сигналом к восстанию, то полной бессмыслицей была бы маскировка Николаевым этого убийства (загодя написанный дневник, заявления и письма в адреса различных учреждений) под акт «личного отчаяния» и уж тем более **«предварительное соглашение с членами террористической группы, решившей изобразить убийство т. Кирова как индивидуальный акт и тем самым скрыть подлинные мотивы этого преступления»** (из «Обвинительного заключения»).

Что же двигало Николаевым, когда он писал в дневнике об отчаянии и неудовлетворенности, тяжелом материальном положении, несправедливости,— истинная обида или желание повести следствие по ложному пути? От ответа на этот вопрос зависит многое. Несколько лет я по крупицам собирала в архивах, на предприятиях сведения о Николаеве и его семье. Безусловно, новая информация вкупе с уже известной поможет более полно обрисовать его социально-психологический облик.

Николаев родился в 1904 году в Петербурге. Образование — незаконченное среднее. Член РКП(б) с апреля 1924-го по Ленинскому призыву по первой рабочей категории. В 1925-м женился на Мильде Драуле (они познакомились в Луге, где Драуле работала зав. сектором учета укома ВКП(б), а Николаев — в укоме комсомола).

В молодости хотел попасть в вовнное училище. Сохранилось заявление Николаева в Выборгский РК РКСМ и решение бюро. **«В заявлении Николаева о посылке его в военно-техническую артиллерийскую школу отказать».** И подпись секретаря Выборгского РКСМ — Котолынов. (Кто мог знать, что через десять лет судьба сведвт их на скамье подсудимых!)

Мне приходилось не раз встречаться с соседями Николаева по дому, они одинаково описывают его образ. Например, Мария Васильевна Шмеркина (она и сейчас живвт в том же доме) рассказывает:

— Небольшого роста, тщедушный, но большая круглая голова. У него очень кривые ноги. Одевался скорее как рабочий, но вел себя дико надменно. Жена выше его. Ходила всегда в мужской шапке, скромная. С нами они не дружили, а дружили с немцами из 74-й квартиры.

Сведений об отце Николаева (как и об отце его брата, имевшего другое отчество) пока не найдено. Можно предположить, что мать Мария Тимофеевна, сама в бедности (она работала обтирщицей трамвайных вагонов и зарабатывала совсем немного), поднимала и воспитывала троих детей. Это, видимо, сказалось на формировании характера Николаева, неустойчивости его психики. Наверное, отчасти этим можно объяснить многочисленные конфликты Николаева во всех коллективах, где он работал, его сутяжничество по поводу каждой копейки, касалось ли это возврата денег за задержку подписных изданий на политическую литературу или выплаты компенсации пострадавшей и штрафа по приговору народного суда (в 1929 году Николаев совершил наезд на велосипеде на пешехода). Есть смысл привести отрывок из письма Л. Николаева в райком партии, где он протестует против решения суда, оштрафовавшего его на 25 рублей. Все тут характеризует Николаева:

«...Как правило всегда судят ездока! И я стал жертвой осуждения из-за которого пострадал — «почему я не извинился» и полной возможности выгоды в предъявленном мне иске! Присоаокупляю, что в политическом отношении я чист, а за осторожную езду прошу судить не горазд!»

Подолгу Николаев не задерживался ни на одном предприятии, работал конторщиком, подручным слесаря, строгальщиком, служащим... 20 августа 1932 года Николаев поступает в Ленинградскую рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ) инспектором инспекции цен. На эту должность его рекомендовал лично председатель РКИ Наум Самуилович Ошеров. Возникает вопрос: откуда Ошеров мог знать Николаева? Тщательная проверка биографических данных показывает, что они никогда и нигде вместе не работали. Остается предположить, что Ошерову кто-то рекомендовал Николаева, а эта рекомендация была очвнь весомой.

Летом 1933 года инспекция цен ликвидируется, и Николаев пвреходит на работу в областной комитет ВКП(б) в культпропотдел, а оттуда в октябре 1933 года в Институт истории партии. В личном двле имеется отношение культпропотдела Ленинградского обкома партии от 14 октября 1933 года на имя директора института Отто Августовича Лидака. В нем говорится: **«сектор культкадров направляет Николаеаа по договоренности для использования по должности».** Его определили на должность инструктора истпарткомиссии.

На новом месте Николаев не проработал и полгода. 8 апреля 1934 года общее собрание коммунистов института исключило его из партии за отказ явиться в районный комитет партии в отборочную комиссию по мобилизации коммунистов на транспорт, за обывательское реагирование на это

и склочные обвинения в адрес руководящих работников-партийцев. А за несколько дней до этого, 3 апреля, по институту был издан приказ № 11 об увольнении Николаева с работы и выплате ему двухнедельного выходного пособия. Это свидетельствует, что Николаев был уволен с работы сразу же после решения партбюро, но до решения партийного собрания, которое, как сказано выше, состоялось 8 апреля.

Безусловно, по отношению к Николаеву была допущена несправедливость: ведь его уволили с работы не по профессиональным мотивам, а за нарушение партийной дисциплины. Более того, уволили до того, как вопрос о партийности решило партийное собрание.

Спустя полтора месяца тройка по рассмотрению конфликтных дел Смольнинского РК ВКП(б) рассмотрела апелляцию Николаева:

«Тов. Николаев присутствует. Представитель парткома — присутствует. Тов. Николаев: «Не пошел в РК по предложению сразу, потому что меня раньше забраковали». Представитель парткома т. Абакумов, Ямпольская говорят, что фактически т. Николаев не безработный, на транспорт идти отказался, и, если в нем не нуждаются, он найдет себе работу. Рассматривал посылку на транспорт как наказание. Николаев держит себя невыдержанно, угрожает парткому».

(Из протокола).

Учитывая искреннее раскаяние, ему объявили строгий выговор с занесением в личное дело. Но в своем заключении комиссия отметила:

«Л. Николаев груб, крайне невыдержан, истеричен».

Дальше... А дальше Николаев вдруг отказывается от одной работы, от другой... На следствии он так объяснял свои действия:

«Я поставил его (Котолынова) в известность, что решил не поступать на работу в период подготовки акта, чтобы иметь достаточное количество свободного для осуществления убийства Кирова времени. Котолынов одобрил мое решение».

(Т. 2, л. д. 85).

То же самое показала жена обвиняемого Мильда Драуле:

«...С конца марта 1934 г. вплоть до его ареста он нигде не работал. Это объяснялось не тем, что Николаев не мог получить работу, а его упорным нежеланием заняться какой-либо работой. Посвятив себя целиком подготовке террористического акта, я полагаю, что он не хотел связывать себя работой где-либо...»

(Т. 3, л. д. 201).

Действительно, Николаеву предлагалась — и неоднократно — работа (об этом говорили секретари Смольнинского и Выборгского РК ВКП(б) на совещании 16 декабря, где Я. Агранов докладывал ход расследования убийства Кирова). Но какая? *Рабочим* на завод. Николаев же требовал восстановления в институте, считая увольнение несправедливым. К тому же в этом был и материальный расчет. Николаев не имел высокой рабочей квалификации, его заработок на заводах составлял от 70 до 120 рублей в месяц, а в РКИ, обкоме партии и Институте истории партии — от 250 до 275 рублей! Поэтому Николаев в письмах в адрес различных учреждений требовал себе не просто должности, а **«руководящей»**. Всякая работа ему была не нужна.

Но зачем ему деньги, ведь, если верить «Обвинительному заключению», материально Николаев ни в чем не нуждался:

«Показаниями допрошенных по настоящему делу в качестве свидетелей ряда лиц и в том числе матери обвиняемого Николаева Л. — М. Т. Николаевой и его жены — Драуле Мильды следствие установило, что обвиняемый Николаев материальной нужды в этот период времени не терпел, как не терпела нужды и его семья. Об отсутствии у обвиняемого Николаева Л. в этот период времени каких-либо материальных затруднений говорит также и то обстоятельство, что Николаев занимал прилично обставленную квартиру из *трех комнат* (выделено мною.— А. К.)».

Это неправда. Домовые книги по адресу: Лесной проспект, д. 13/8, кв. 41,— свидетельствуют, что семья Николаевых, состоящая из шести взрослых, занимала две небольшие комнаты в коммунальной квартире. А материальное положение семьи было все время тяжелым. Мать Николаева, как уже говорилось, зарабатывала гроши. Имела на своем иждивении двух детей и мать. У Леонида Николаева после переезда в Ленинград на иждивении оказались жена (долгое время была безработной) и ее мать. Обе семьи жили вместе. (Возможно, был еще один член семьи. В протоколах опроса Николаева в Контрольной комиссии на вопрос о семейном положении он ответил: **«Женат, жена и ребенок».** Больше сведений о ребенке нигде нет.)

Так что, исходя из вышеизложенного, вполне можно предположить, что Николаев писал дневник и жалобы не **«с целью маскировки»,** а искренне считая себя несправедливо обиженным и обойденным. Такой человек, обозленный, с неустойчивой психикой, в состоянии аффекта вполне способен на непредсказуемый поступок, вплоть до убийства. Но мог ли Николаев осуществить преступление в одиночку? Раздобыть пистолет, вычислить путь Кирова, проникнуть в Смольный?..

Киров, как говорилось, собирался в этот день ехать сразу на собрание партийного актива во Дворец Урицкого, почему же он оказался в Смольном?

Делаются разные предположения. Например, сторонники версии организованного заговора допускают мысль, что Кирова мог кто-то вызвать в Смольный для разговора по прямому проводу со Сталиным. Но зачем ехать туда? На квартире Кирова находились телефоны прямой связи с Москвой.

На мой взгляд, более достоверно иное предположение: Киров закончил подготовку к докладу раньше, чем предполагал. В это время в Смольном у второго секретаря обкома ВКП(б) М. С. Чудова шло совещание: обсуждался план мероприятий по отмене карточной системы. Киров придавал его выработке огромное значение. Об этом говорит и тот факт, что после начала совещания (оно началось в 15.00) Киров дважды звонил Чудову: интересовался, кто присутствует, кого нет, как идет обсуждение документа. Скорее всего, воспользовавшись свободным временем, Сергей Миронович решил сам присутствовать при разработке плана, послушать выступающих.

Остаются и другие вопросы: как Николаев смог проникнуть в Смольный, откуда у него оружие? Их задают довольно часто. Видимо, оттого, что мы теперь плохо представляем конкретную обстановку тех лет.

В 1934 году в Смольном на первом этаже размещались обком и горком комсомола, а на втором — облисполком и Ленгорсовет, на третьем — обком и горком ВКП(б). Вход на первый и второй этажи вообще был свободный для каждого ленинградца. Между вторым и третьим стояла охрана, но здесь достаточно было предъявить партийный билет. Николаев исключался из партии, но не был исключен. Он имел партийный билет с уплаченными партийными взносами за ноябрь. Более того, из показаний документально известно, зачем Николаев пришел 1 декабря в Смольный: в приемную Угарова для получения пригласительного билета во Дворец Урицкого на собрание партактива. Однако билета ему не дали. И, вероятно, когда Киров проходил мимо кабинета Угарова, Николаев как раз выходил оттуда. (Думается, что вообще элемент трагической случайности убийства именно 1 декабря исключить нельзя.)

Оружие. Его Николаев мог получить еще в 1925—1926 годах, работая в Лутском укоме комсомола. Тогда всем работникам уездных комитетов, как партийным, так и советским, выдавалось оружие. Сдал ли его Николаев потом — неизвестно.

К сожалению, ленинградские чекисты не успели достаточно проработать эту версию. 3 декабря 1934 года Ф. Д. Медведь был освобожден от обязанностей начальника НКВД по Ленинградской области. В документе, возможно последнем, который он подписал в этот день, адресованном Ошерову, Назаренко (зам. предисполкома), Свешникову (зав. особым сектором обкома партии), говорилось:

«Ставим в известность, что по предложению *НКВД СССР* (выделено мною. —А. К.) о личности убийцы Николаева Леонида Васильевича никаких сведений какого-либо характера никому не давать, в том числе учреждениям и корреспондентам, особенно корреспондентам иностранных газет».

Более двух недель в печати не появлялось никаких официальных сообщений ни об убийце, ни о характере убийства. Газеты сообщали только о расстрелах (всего 104 человека) террористов из белой эмиграции, нелегально прибывших в СССР из Польши, Литвы, Финляндии. Создавалось впечатление, что эти люди казнены в связи с делом Николаева, а сам он связан с белогвардейцами...

Это мнение разделялось многими чекистами, и основания для того были. Работник ОРУДа А. П. Папчинский рассказывал мне, что летом 1934 года он участвовал в поиске белогвардейцев: *«Они были заброшены в Ленинград убить Кирова, а на его похоронах совершить теракт против Сталина. В операции приняло участие около четырех тысяч человек. Нам показывали словесные портреты террористов, но взять их не удалось. Они были обнаружены железнодорожной охраной и при перестрелке скрылись».* Эти воспоминания подтверждаются и рассказом Р. О. Попова, он даже приводит такую деталь: в награду за какие-либо сведения о террористах была обещана корова. Однако очевидно, что никаких улик причастности белогвардейцев к покушению в Смольном НКВД не имело.

Вначале Николаева допрашивал заместитель начальника Ленинградского управления НКВД Фомин. Следующие допросы вел приехавший с Урала чекист Дмитриев. В допросах Николаева участвовал также зам. наркома НКВД СССР (и, как утверждали, близкий друг Сталина) Агранов.

Поспешность, с какой следствие отказалось от версии «убийцы-одиночки» (она просуществовала всего три дня, пока дело вели ленинградские чекисты), позволяет думать, что у следователей не было ни времени, ни желания всерьез отработать ее, ведь в правительственном сообщении от 1 декабря, когда личность стрелявшего еще даже не была выяснена, уже утверждалось, что он подослан **«врагами рабочего класса».**

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ

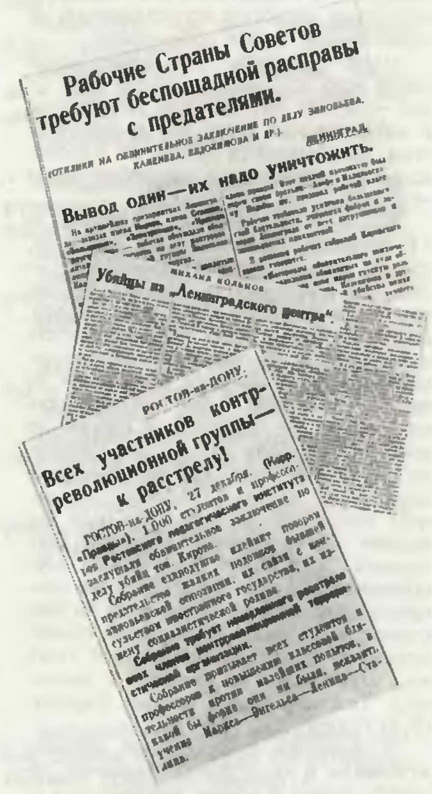
«Котолынов сказал, что... устранение Кирова ослабит существующее руководство ВКП(б), что с Кировым у бывшей оппозиции имеются свои особые счеты в связи с той борьбой, которую он организовал против ленинградских оппозиционеров.

...Котолынов проработал непосредственно со мной технику совершения акта, одобрил эту технику, специально выяснял, насколько метко я стреляю; он являлся непосредственным моим руководителем по осуществлению акта. Соколов выяснил, насколько подходящим является тот или иной пункт обычного маршрута Кирова, облегчая тем самым мою работу. Соколов выяснил маршруты Кирова перед Октябрьскими торжествами 1934 г.

Юскин был осведомлен о подготовке акта над Кировым: он прорабатывал со мной вариант покушения в Смольном.

Звездов и Антонов знали о подготовке акта... Они были связаны непосредственно с Котолыновым, от которого я знаю, что они были использованы, собирая информацию по Смольному».

(Из показаний Л. Николаева, т. 1, л. д. 266, 274, т. 2, л. д. 81, 190).


Рабочие Страны Советов требуют беспощадной расправы с предателями.

Вывод один — их надо уничтожить.

Убийцы из „Ленинградского центра"

Всех участников контрреволюционной группы — к расстрелу!

По имеющимся у нас сведениям, не подтвержденным пока документально, в камере с Николаевым круглосуточно находился кто-то из сотрудников НКВД. Весьма вероятно, что Николаеву обещали сохранить жизнь в обмен на показания о существовании в Ленинграде подпольного троцкистско-зиновьевского центра. С заявления Николаева (оно было сделано вечером 3 декабря) о принадлежности к подпольной контрреволюционной группе родилась новая версия: покушение на Кирова подготовил и осуществил террористический «ленинградский центр». Эта версия получила характер единственной и официальной, на ее разработку брошены все силы следствия. Хватали тех, кого называл Николаев, у арестованных выпытывали новые имена... С 8 декабря начались аресты. Долгое время, правда, я не могла понять, почему Котолынова, Мандельштама и Левина арестовали еще 2 декабря, ведь Николаев еще ничего не говорил о «сообщниках». Беседа с оперуполномоченным Поповым прояснила ситуацию. Он рассказывает:

— У нас везде были осведомители, в том числе и в партийных органах. Указание «разрабатывать» членов партии за неосторожные разговоры шло от Молчанова (начальник отдела НКВД СССР.— **А. К.**) *со ссылкой на личное указание Сталина. Мы точно знали, кто и где ведет антисоветские разговоры, плохо отзывается о Сталине. На каждого вели формуляры. Агенты были под кличками. Мой человек была женщина «Елена Сергеевна» — жена ответственного работника, беспартийная.*

Котолынов, Мандельштам числились в картотеке. Их взяли в ночь со 2 на 3 декабря. Конечно, об их причастности к «ленинградскому центру» тогда и речи не было, а ордера на арест были выписаны еще в октябре. Оба подозревались в возобновлении оппозиционной деятельности. Однако Киров не дал согласия на арест и отверг обвинения против них как несостоятельные.

Всего по делу проходило 14 человек. Не исключено, что Николаев мог по чьей-то подсказке оговорить честных людей, ведь некоторые из них до ареста не были знакомы не только между собой, но и с самим преступником*. Почему же злой выбор пал именно на них?

Попытаемся понять логику следствия.

Случайный выстрел в состоянии аффекта возможен всегда. Но террористический акт, заранее подготовленный и совершенный членом партии по поручению организации, невозможен без сочувственной политической атмосферы. Оппозиция — вот та атмосфера. Не случайно следствие прежде всего добивается от Николаева признания в том, что **«участники группы стояли на платформе троцкистско-зиновьевского блока», что «с Кировым у бывшей оппозиции имеются свои особые счеты в связи с той борьбой, которую он организовал против ленинградских оппозиционеров»** (т. 1, л. д. 266, т. 2, л. д. 81).

Следствие фактически поставило знак равенства между участием в оппозиционной деятельности и терроризмом. Теперь, когда формула обвинения сработана, осталось лишь подобрать «контрреволюционную группу» из числа бывших оппозиционеров и добиться от Николаева нужных показаний. На это, видимо, и ушло несколько дней между первым и последующими арестами.

Несомненно, все сопроцессники Николаева (кроме него самого) являлись активными оппозиционерами. Подписи некоторых из них стояли под «платформами «13» и «83». Взгляды оппозиции тогда подверглись жесткой критике. Одни из них исключались из партии съездом ВКП(б), другие — ЦК партии, некоторые губернскими, областными, контрольными комиссиями, нескольким просто поставлено «на вид». Потом все восстановлены. К моменту покушения только один Н. Н. Шатский, исключенный в 1927 году, так и остался вне партии.

Все сопроцессники Николаева горячо восприняли Октябрьскую революцию. Из 13 человек только один не прошел горнило гражданской войны. Все они искренне верили в социальную справедливость, социализм, победу мировой пролетарской революции. Четверо из них — кадровые военные, семе-

* Достоверно, что с Николаевым до процесса знакомы были лишь семеро.

ро — бывшие комсомольские работники, двое — хозяйственники*.

Анализируя документы «процесса четырнадцати», с первых же страниц начинаешь сомневаться в чистоте проведенного следствия и искрвнности признаний обвиняемых. Здесь все шито белыми нитками вплоть до поразительного сообщения, что при Николаеве был найден при задержании и **«приобщен к делу в качестве одного из вещественных доказательств» «датированный 1-м ноября»** подробно разработанный план покушения. Случай небывалый: план покушения подробно разрабатывается в письменной форме, датируется (!) и в течение месяца вплоть до самого покушения хранится террористом при себе, чтобы служить необходимым «вещественным доказательством» во время будущего процесса!!! И это при том, что, **«как установлено следствием, вся работв подпольной контрреволюционной террористической группы протекала в условиях строгой конспирации»** (из «Обвинительного заключения»)!

И таких противоречий множество.

Во главе заговора стоял «ленинградский центр» в составе восьми человек — так говорится в «Обвинительном заключении», и это же число указано в приговоре. О существовании «центра» говорят сами участники процесса. Как были добыты от них такие признания, мы, вероятно, никогда не узнаем, но вот что обращает на себя внимание. Обвиняемые, сообщившие о «центре», называют разное количество его членов и разные имена. Кстати, никто из них не назвал в числе членов Николаева и Шатского, что, впрочем, не помешало следствию ввести обоих в этот таинственный «центр». Но никакими документами или свидетельскими показаниями утверждения о существовании «центра» не подкрепляются. Парадокс: обвинение держится исключительно на «признаниях» самих обвиняемых.

Надо заметить, это характерная черта всех крупных процессов 30-х годов — в них нет никаких документов и материальных улик, все доказательства основываются лишь на «добровольном сознании» и самообличениях «раскаявшихся подсудимых».

Как ни усердствовало следствие, из 14 человек, привлеченных по делу, только двое (не считая Николаева) — Звездов и Антонов — полностью признали причастность к убийству Кирова. Десять — лишь свою принадлежность в прошлом к зиновьевской оппозиции. Шатский ни в чем себя виноватым не признал. Конвоир Гусев, который присутствовал на процессе, в письме на имя Н. С. Хрущева заявил, что Николаев во время суда кричал: *никакого центра не было, я оговорил невинных людей.* 29 декабря 1934 года выездная сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР приговорила всех обвиняемых к расстрелу. В ту же ночь приговор привели в исполнение. Их расстреляли в здании на Литейном. Командовавший расстрелом комендант *«поднял Николаева за штаны и заплакал. Так ему было жалко Кирова»* (Р. О. Попов).

А жернова следственной машины втягивали в «контрреволюционный заговор» новые и новые жертвы.

Через десять дней после похорон С. М. Кирова было опубликовано сообщение об аресте ряда бывших советских и партийных руководителей Ленинграда. Среди них были Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Сафаров, Куклин и другие. Их приговорили к ссылке.

А 16 января 1935 года газеты опубликовали новое «Обвинительное заключение» по делу так называемого «московского центра». Зиновьев, Каменев. Евдокимов (всего 19 человек), о которых еще несколько недель назад сообщалось, что они непричастны к покушению, были привлечвны к суду в связи с этим убийством. Правда, и на этот раз не удалось получить ни одной нити, ведущей из «московского центра» в Смольный, следствие вынуждено было удовлетвориться обвинением Зиновьева и других в стремлении к **«реставрации капитализма»** и в подпольной контрреволюционной деятельности вообще (Зиновьев был приговорвн к 10 годам, Евдокимов — к восьми, Каменев — к пяти годам тюремного заключения). Но формулировка приговора **«следствием не установлено фактов»** оставляла следствию на будущее возможность отыскать эти факты.

И действительно, в августе 1936 года состоялся новый процесс по делу так называемого «объединенного центра», возглавляемого Зиновьевым и другими. И вновь на процессе не было приведено ни одного документа, ни одного вещественного доказательства, не был вызван ни один свидетель со стороны. Все обвинение построено исключительно на самооговорах подсудимых... Член комиссии Политбюро по расследованию обстоятельств убийства Кирова О. Г. Шатуновская приводит такой факт: *«В личном архиве Сталина при нашем расследовании был обнаружен собственноручно составленный список двух сфабрикованных им троцкистско-зиновьевских террористических центров. Зиновьев и Каменев... вначале были помещены Сталиным в Ленинградский, а потом в Московский центр, как и некоторые другие».*

Немецкий писатель Л. Фейхтвангер, посетивший нашу страну, писал в отчете о поездке: *«...Я еще раз упомянул о дурном впечатлении, которое произвели за границей даже на людей, расположенных к СССР, слишком простые приемы в процессе Зиновьева. Сталин немного посмеялся над теми, кто, прежде чем согласиться поверить в заговор, требует предъявления большого количества письменных документов; опытные заговорщики, заметил он, редко имеют привычку держать свои документы в открытом месте».*

Тот факт, что установить террористическую деятельность «объединенного центра» не удалось раньше, следствие и суд тоже приписали исключительной конспирации заговорщиков.

Так ли это? Процесс дает совершенно противоположную картину. Судя по показаниям обвиняемых, они только и делали, что оповещали знакомых, друзей, близких о готовящемся покушении на Кирова, без конца устраивали вояжи в Ленинград, террористические совещания... Как ни странно, о «московском центре» следствие почти забыло и из 19 его членов в новый процесс включило лишь четверых: Зиновьева, Каменева, Бакаева, Евдокимова. Небезынтересно сопоставление их показаний на первом и втором процессах.

Можно еще допустить, что на первом процессе подсудимые искренне считали, будто прошлой фракционной борьбой они создали питательную почву для совершения преступления, отсюда и желание очернить себя, и готовность взять «политическую и моральную ответственность» за убийство Кирова, но как объяснить чудовищную ложь, которую они возводят на себя на втором процессе? Что заставило их повторять эти вымученные «да, да»? Психическая обработка? Пытки? А может, надежда, что в обмен на самооговор сохранят жизнь и себе, и близким? Такой компромисс, высказывается мнение, мог предложить им Сталин. Не исключено. По постановлению ЦИК от 1 декабря 1934 года предусматривается вести дела террористов без защитников, при закрытых дверях, без права апелляции. На московском же процессе есть и адвокаты, и публика. Возможно, это отступление от постановления и предоставление подсудимым права обжаловать приговор были «гарантией» Сталина в сговоре с обвиняемыми? Только воспользоваться этим правом им не дали. В ночь с 23 на 24 августа суд объявил приговор, и в ту же ночь, прямо из зала суда, их увезли на расстрел.

* Не удержусь, хотя бы коротко перескажу биографии некоторых. Антонов Николай Семенович. Потомственный рабочий. В грозные дни 1918 года вступил в комсомол, в 1922 году — в партию, Антонов — организатор коллектива ВЛКСМ на «Красном Арсенале», металлическом заводе, секретарь Выборгского РК ВЛКСМ, секретарь Тихвинского УК ВЛКСМ. В Ленинградском партийном архиве имеется письмо Антонова в обком ВКП(б) от 20 января 1928 года: «В настоящее время я не состою в оппозиции, не разделяю ее взглядов, целиком и полностью согласен с решением съезда... Прошу областной комитет дать мне возможность на практической работе исправить ошибки, допущенные в прошлом».

Андрей Ильич Толмазов — делегат первых шести съездов комсомола, двух (XII и XIV) съездов партии. За связь с оппозицией ему было поставлено «на вид». Снято взыскание в 1931 году.

Владимир Соломонович Левин. Служил в Красной Армии, был комиссаром, начальником политотдела дивизий Петроградского укрепрайона. За фракционную деятельность XV съездом партии исключался из партии, восстановлен в апрепе 1928 года. После 1932 года в его личном деле за подписью Кирова появляется такой документ: «Ленинградский городской комитет ВКП(б) командирует Левина Владимире Соломоновича в Западную Сибирь для усиления мясозаготовок и отгрузки в Ленинград для рабочего снабжения».

Котолынов Иван Иванович, родился в 1905 году. Активный комсомольский работник: ответственный организатор Выборгского райкома РКСМ, секретарь Ленинградского губкома РКСМ, член ЦК комсомопа. Исключался из партии как активный оппозиционер XV съездом ВКП(б). Был восстановлен в рядах партии и рекомендован на учебу в институт.

Янвврь 1935 года	Август 1936 года
КАМЕНЕВ признал, что он «недостаточно активно и энергично боролся с тем разложением, которое было последствием борьбы с партией и на почве которого моглв возникнуть и осуществить свое преступление шайка бандитов...» «Признал.., что не порвал окончвтельно с Зиновьевым своих связей».	**ВЫШИНСКИЙ: «Вы, следовательно, подтверждаете, что твкой чудовищный план** (захвата власти при помощи террора.— **А. К.) у вас существовал?»** **КАМЕНЕВ: «Де, этот чудовищный план существовал».** **ВЫШИНСКИЙ: «Убийство Кирова — это дело непосредственно Ввших рук?»** **КАМЕНЕВ: «Да».**
БАКАЕВ показывает, что «здесь (среди зиновьевцев.— **А. К.) была только злобная, враждебная критика важнейших мероприятий партии».**	**ВЫШИНСКИЙ: «Вы получили поручение оргвнизоввть убийство товарища Сталина?»** **БАКАЕВ: «Да».** **ВЫШИНСКИЙ: «Вы принимали участие в убийстве Кирова?»** **БАКАЕВ: «Да».**
ЗИНОВЬЕВ: «Объективный ход событий таков, что с поникшей головой я должен сказать: антипартийная борьбв, принявшвя в прежние годы в Ленингрвде особенно острые формы, не могла не содействовать вырождению этих негодяев. Это гнусное убийство бросило такой зловещий свет на асю предыдущую антипартийную борьбу, что я признвю: партия совершенно права в том, что она говорит по вопросу о политической ответственности бывшей антипартийной «зиновьевской» группы за совершившееся убийство».	**ВЫШИНСКИЙ: «В этом «центре» были Вы, Каменев и др.?»** **ЗИНОВЬЕВ: «Да».** **ВЫШИНСКИЙ: «Значит, вы все организовали убийство Кирова?»** **ЗИНОВЬЕВ: «Да».** **ВЫШИНСКИЙ: «Значит, вы все убили тов. Кирова?»** **ЗИНОВЬЕВ: «Да».**
ЕВДОКИМОВ: «Мы должны нести ответственность (за убийство Кирова.— **А. К.), ибо тот яд, которым мы отравляли окружающих в течение десятка лет, способствовал совершению преступления».**	**ВЫШИНСКИЙ: «Вы признаете, что при Вашем содействии было подготовлено убийство Кирова?»** **ЕВДОКИМОВ: «Да, признаю».**

Более полувека потребовалось, чтобы правда об этих процессах пробилась наружу. Как известно, в прошлом году Прокуратура СССР полностью реабилитировала всех, кто проходил по делам «московского» и «объединенного» центров. В начале 60-х годов официальная версия — убийство С. М. Кирова совершено ленинградской подпольной контрреволюционной группой — была подвергнута сомнению. Не случайно в учебнике «История Коммунистической партии» и многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза» говорилось: «убийство С. М. Кирова — акт политического террора. Задержанный на месте преступления убийца — ***Николаев*** (выделено мною.— **А. К.**) ненавидел партию и ее руководящих деятелей. Органы правосудия вынесли убийце суровый, справедливый приговор».

Эта формулировка появилась после XX съезда КПСС, что и нашло отражение в отходе от господствовавшей почти 30 лет официальной версии убийства Кирова.

Однако, думается, на этом ставить точку рано. Официально обвинение не отменено. Клеймо «убийц» не снято с тех тринадцати человек, что проходили по этому делу. Сегодня, когда пересматриваются многие процессы 30-х годов, наверное, необходимо вернуться к обвинительному заключению 25 декабря 1934 года. Тем, кто был расстрелян вместе с Николаевым, жизнь не вернуть. Но вернуть честное имя, снять позорное клеймо убийц Кирова нужно и должно! Справедливость, пусть и с огромным опозданием, должна восторжествовать.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ

«Я указал в своем показании от 20 декабря 1934 г., что мы всегда готовы помочь консулу правильным освещением того, что делается внутри Советского Союза. Тут я имел в виду разговор с Шатским и Котолыновым о необходимости заинтересовать консульство мвтериалами антисоветского хврактера о внутреннем положении Советского Союза.

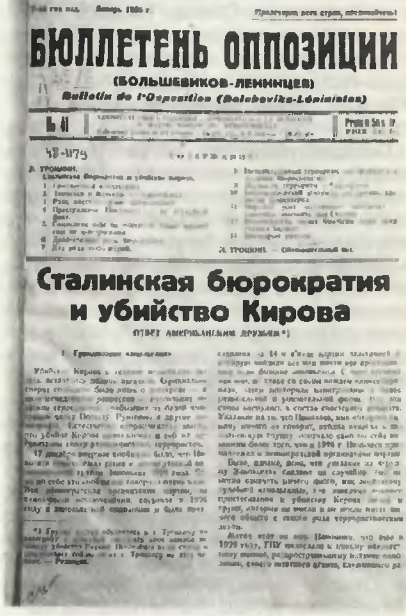
Далее, я просил консула оказать нам материальную помощь, указав, что полученные от него деньги мы вернем ему, как только изменятся наши финансовые дела.

На следующей встрече — третьей или четвертой в здании консульствв — консул сообщил мне, что он соглвсен удовлетворить мои просьбы, и вручил мне пять тысяч рублей.

При этом сказал, что установить связь с Троцким он может, если я вручу квкое-либо письмо от группы к Троцкому.

О своем разговоре с консулом я сообщил Котолынову, передав ему полученные деньги в размере четырех тысяч пятисот рублей, а пятьсот рублей оставил себе...»

(Из показаний Л. Николаева, т. 2, л. д. 280).



БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

Bulletin de l'Opposition (Bolcheviks-Léninistes)

№ 41

Л. ТРОЦКИЙ.

Сталинская бюрократия и убийство Кирова

(ОТВЕТ АМЕРИКАНСКИМ ДРУЗЬЯМ*)

Тогда, в 34-м, не исключали, что за спиной Николаева мог стоять и Троцкий. Мотивы? Во-первых, Троцкий ненавидел Сталина, не мог простить, что тот обошел его и захватил власть, и готов был воспользоваться любой возможностью, чтобы отомстить **«ложному мессии»**. Несомненно, он не мог простить, что Мироныч активно выступал против троцкизма в 20-е годы. Нигде Троцкий не выразил соболезнования, сочувствия в связи с трагической гибелью Кирова. Единственное, что волновало Троцкого, это мировая печать, недвусмысленно связавшая убийство Кирова с версией о посреднике — консуле. Газета «Юманите» писала: **«Руки Троцкого красны от крови пролетарского вождя... Консул служил связующим звеном между Троцким и группой убийц в Ленинграде».**

Однако эта версия о связи террористов с Троцким через посредничество консула задает больше вопросов, чем содержит ответов. Почему Николаев только на двадцатый день «вспомнил» о дипломате, предложившем установить связь с эмигрантом и попросившем письмо для этого? Почему инициатива исходила от самого консула? Было ли письмо написано и передано? Был ли ответ? Ведь это очень важно для следствия, так как освещает вопрос о сношениях террористов с Троцким. Почему этот консул не счел нужным ни опровергать, ни давать какие-либо сообщения? Почему о консуле, который в 1934 году послужил единственным доказательством связей террористов с заграницей, на Московском процессе 1935 года начисто забыли? Вопросы, вопросы...

Логичнее всего предположить, что никакого консула не было вовсе и что

все эти тайные встречи, деньги, письмо для Троцкого — игра воображения Николаева или его следователей. Консульский совет дипломатов потребовал от Советского правительства объяснений, и Сталин был вынужден 2 января 1935 года назвать консула. Видимо, обвинения были основательными, коли совет согласился на высылку дипломата из Советского Союза. Тогда, в 1935 году, фамилия консула в нашей печати не называлась, но когда шел процесс право-троцкистского блока в марте 1938 года, тайна раскрылась: имя консула — Бисенсексс, страна — Латвия.

Сегодня, конечно, нельзя всерьез говорить о причастности Троцкого к операции «Консул» — никакими документами это не подтверждается. И все-таки факт остается фактом: дипломата из СССР выдворили. Значит, на него действительно имелись компрометирующие материалы, значит, кто-то пытался разыграть эту карту? Кто же? Предоставим слово самому «обвиняемому» — Л. Троцкому:

«...само ГПУ, через действительного или мнимого консулв, финвнсировало Николаева и пыталось связать его с Троцким. Эта версия нвходит косвенное, но весьма действительное подтверждение в том факте, что все ответственные представители ГПУ в Ленинграде были немедленно после покушения прогнаны, а следствие долго топталось нв месте в явном затруднении: какой выбрать вариант для объяснения того, что случилось».

(«Бюллетень оппозиции», январь 1935 г.)

Далее, Троцкий пишет, что ГПУ, зная о намерениях Николаева, возможно, и не имело в виду убийство Кирова. Задача состояла в том, чтобы подготовить «заговор оппозиции», запутать в нем оппозиционеров (в том числе и Троцкого), а в последний момент раскрыть «покушение» и ударить по оппозиции. Однако **«прежде чем «Консул» успел подготовить политический выстрел против Троцкого, Николаев спустил звтвор против Кирова...»**

Неожиданный поворот. Маловероятный. И все же интересы истины требуют проверить и это предположение. Доказательств по этой части версии почти никаких. Обнаружен лишь документ, свидетельствующий, что патроны для своего нагана Николаев достал в обществе «Динамо» — это спортивный коллектив НКВД. Известны еще показания Г. Ягоды на процессе 38-го года по делу право-троцкистского блока:

«В 1934 году, летом, Енукидзе сообщил мне об уже состоявшемся решении центра право-троцкистского блока об организации убийства Кирова. В этом решении принимал непосредственное учвстие Рыков. Мне стало известно, что троцкистско-зиновьевские терргруппы ведут конкретную подготовку этого убийства. Енукидзе настаивал на том, чтобы я не чинил никаких препятствий этому делу. В силу этого я вынужден был предложить Запорожцу, который занимал должность зам. начальника Управления НКВД, не препятствовать совершению террвкта над Кировым. Спустя некоторое время Запорожец сообщил мне, что органвми НКВД задержан Николаев, у которого были найдены револьвер и маршрут Кировв. Николаев был освобожден».

Теперь мы знаем, как выбивались подобные «признания»... Кстати, Ягода после вынесения ему смертного приговора в последнем слове подсудимого признал в целом суть предъявленных обвинений, но категорически отверг обвинение в шпионаже и в причастности к убийству Кирова.

И все же, на мой взгляд, ставить крест на этом рано. Всесильный шеф НКВД Ягода никогда не питал дружеских чувств к Кирову и вполне мог быть заинтересован в том, чтобы уменьшить влияние Кирова на Сталина, а еще лучше — отстранить его от политической деятельности. Такой факт. В сентябре 1934 года в Казахстане Киров столкнулся с тяжелым положением спецпереселенцев — раскулаченных. Сергей Миронович нашел, что во многих случаях виноваты уполномоченные НКВД, которые ведут себя безобразно. Он сообщил об этом Ягоде и требовал примерно наказать **«нескольких отъявленных мерзавцев»**. Более того, по требованию Кирова был освобожден от работы прокурор восточной области Казахстана. Можно допустить, что Ягода, зная о планах ленинградских чекистов обезвредить Николаева накануне покушения, решил использовать ситуацию в своих целях: «завести» Николаева на Кирова и ускорить трагическую развязку. (Причем Ягода мог манипулировать Николаевым, минуя сотрудников Ленинградского управления НКВД, либо использовать работников, но такого низкого ранга, которых не знали ни Медведь, ни Запорожец.) Тогда находят объяснения грязные подметные письма, которые подбрасывались на квартиру Николаева... Есть свидетельство, что М. Драуле в эти дни жаловалась подруге: *«Невозможно стало жить. Мой беснуется, кричит: убью!»*

Если предположить, что НКВД действительно участвовал в готовящемся покушении, то встает вопрос: была ли это личная инициатива Ягоды или он выполнял волю Сталина?

ВЕРСИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

«Голое провозглвшение оппозиции «контрреволюционной пвртией» недостаточно: никто не берет этого всерьез... Ему (Ствлину) остается одно: попытаться провести между официальной партией и оппозицией кровавую черту. Ему необходимо до зарезу *связать* оппозицию с покушениями, подготовкой вооруженного восствния и пр.»

Л. Троцкий.

(«Бюллетень оппозиции», март 1929 г.)

Несомненно, убийство Кирова было использовано Сталиным и его окружением для расправы со своими политическими противниками.

1 декабря 1934 года Президиум ЦИК Союза ССР принял постановление о террористах. Одним из авторов этого документа, несомненно, был Сталин. Возникает мысль: а не слишком ли быстро он подготовлен? Не был ли он составлен заранее?

Об убийстве Кирова Сталину сообщили по телефону около 18.00, а через 6—7 часов он специальным поездом выехал в Ленинград. Так что время для подготовки постановления было. С вокзала Сталин сразу же поехал в «свердловку» — больницу, где находился Киров. Затем — в Смольный. А. К. Тамми рассказывает: *«Впереди Сталина шел Г. Ягода с поднятым в руке наганом и командовал: всем к стене! руки по швам!»* В Смольном Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов, Ягода, Чудов и Медведь допросили Николаева. Как следует из протокола, сначала убийца никого не узнавал, потом стал кричать: **«Что я наделвл! Зачем я это сделал!»** С ним вновь началась истерика, и допрос пришлось прекратить.

В тот же день Сталин встречался с женой Кирова, с членами бюро обкома. Вечером он встал в первый почетный караул у гроба с телом Кирова, выставленным для прощания во Дворце Урицкого. Утром 3 декабря вновь стоял в карауле, участвовал в траурной процессии проводов (Кирова решено было похоронить в Москве). Видимо, в этот день он отдал распоряжение о снятии Медведя с должности начальника управления НКВД и его аресте. Р. О. Попов так вспоминает о тех событиях:

— Эти дни мы были на казарменном положении. Москвичи заняли все кабинеты. Я, Коля Макаров, Илюша Новиков — в 629 комнате. Открывается дверь: входит Ежов. Гимнастерка, галифе. С ним Косарев, высокий, статный. Ежов: «Как живете?» — «Трудно жить, Николай Иванович!» Мы спросили, за что арестовали Филиппа Демьяновича (Медведя). Мы его очень любили, да и всех своих руководителей — их тоже загребли. А у Ежова лицо стало строгим: «Они не поняли самого главного, что оказались слепыми кутятами».

Арест ленинградских чекистов послужил Троцкому основанием для обоснования версии (он первым выдвинул ее) о причастности Сталина к выстрелам в Смольном.

23 января 1935 года двенадцать руководящих работников Ленинградского управления НКВД предстали перед военным судом за то, что, **«располагая сведениями о готовящемся покушении на С. М. Кировв... не приняли мер к своевременному выявлению и пресечению деятельности Л. Николвевв, хотя и имели все необходимые для этого возможности».**

Формулировка приговора четко указывает, что чекисты были в курсе готовящегося покушения и, конечно же, об этом не могли не знать и в Кремле. Однако отдавать распоряжение об аресте Николаева не торопились. Следовательно, делает вывод Троцкий, **«Ствлин несет не только политическую, но и прямую ответственность за убийство Кировв».**

На XX съезде партии эту версию фактически повторил Н. С. Хрущев, а на XXII съезде привел и ряд доводов. Почему же, не располагая весомыми уликами причастности Сталина к трагедии 34-го года, Хрущев все-таки пытался подать этот факт как доказанный? Комиссия Политбюро, созданная после XX съезда партии для расследования обстоятельств убийства Кирова, не обнаружила весомых доказательств этой версии. Наверняка не все делегаты были согласны с оценкой сталинского периода. А впереди предстояло принятие постановления «О Мавзолее Владимира Ильича Ленина», второй пункт которого гласил: *«Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина»*. Хрущев понимал это психологическое состояние части делегатов. Отсюда, возможно, и эмоциональный всплеск Никиты Сергеевича по этому вопросу в заключительном слове на XXII съезде:

«Обращает нв себя внимвние тот факт, что убийца Кировв раньше дввжды был звдержан чекиствми около Смольного и у него было обнаружено оружие. Но по чьим-то уквзаниям оба раза он освобождался... И почему-то получилось так, что в момент убийства нвчальник охраны Кирова далеко отстал от С. М. Кирова, хотя он по инструкции не имел прввв отставать нв такое расстояние от охрвняемого.

...Когда начальника охраны Кирова везли на допрос, в его должны были допрашивать Ствлин, Молотов и Ворошилов, то по дороге, как рвссказал потом шофер этой машины, была умышленно сделана вввария теми, кто должен был доставить начвльникв охраны на допрос. Они объявили, что нвчвльник охраны погиб в результвте вварии, хотя на свмом деле он оквзался убитым сопровождавшими его лицами.

Твким путем был убит человек, который охранял Кирова. Затем расстреляли тех, кто его убил.

Это, видимо, не случайность, это продумвнное преступление».

Борисов (только он рядовой охранник, а не начальник охраны) действительно нарушил инструкцию, отстав от Кирова на 30—50 шагов. Однако многие работавшие с Кировым в те годы отмечали, что тот не любил, когда за его спиной ходила «тень». Не было секретом и то, что Николаева задерживали у машины Сергея Мироновича. Николаев добивался «справедливого отношения к личности». Эти жалобы он вручал, как уже говорилось, Чудову, Угарову и дважды Кирову, когда тот выходил из машины.

Так что в выступлении, за исключением отдельных деталей, ничего принципиально нового нет. Они были известны и ранее, из показаний Ягоды и его личного секретаря Буланова. На процессе 38-го года П. П. Буланов говорил:

«Ягода рассказал мне, что сотрудник Ленинградского управления НКВД Борисов был причастен к убийству Кирова. Когда члены правительства приехали в Ленинград и вызвали этого Борисовв в Смольный, чтобы допросить его как свидетеля убийства Кировв, Запорожец, будучи встревожен этим... решил Борисова убить. По уквзанию Ягоды Запорожец устроил так, что машинв, которая везла Борисова в Смольный, потерпела вварию, Борисов был в этой аварии убит».

И все же я не рискнула бы трактовать историю с Борисовым столь однозначно. Ведь есть и другие предположения. Например, в воспоминаниях одного из очевидцев тех событий говорится, что Борисова вообще убили накануне, а потом фальсифицировали допрос. Совершенно иная картина рисуется и из рассказа следователя Р. О. Попова:

*— Сталин хотел допросить Борисова. Его везли на открытом пикапе. Одного сопровождающего я знал — Малий, отдыхал вместе со мной. Борисова не арестовали, его только допросили, как это случилось. Борисов опоздал на два марша на лестнице. Он был в здании, а не выходил из здания. А в здании мы не обязаны нести охрану *, наша служба не обязана сопровождать в Смольном. Про Борисова мне рассказывали, что он сидел на облучке, и, когда чуть не произошло столкновение с выскочившим из-за угла грузовиком, пикап резко отвернул. Он ударился головой о столб.*

С сопровождающими Борисова ничего не было. Их допрашивали, а потом расстреляли. Следователь Резников, имя-отчество не помню, говорил: «Я его (Малия) держал на «конвейере» 15 суток». За 15 суток «на конвейере» что хочешь скажешь...

Конечно, продолжать поиск документов и в этом направлении — авария машины, убийство или самоубийство (а такое предположение тоже есть) Борисова, причастность к аварии сотрудников НКВД — просто необходимо. Смущает только «универсальность» этих улик. Сейчас они служат свидетельством против Сталина, в 38-м они же фигурировали против Ягоды, с такой же легкостью они впишутся в систему обвинений против Медведя, Запорожца...

Попробуем подойти к этой версии с другой стороны. Были ли у Сталина мотивы для устранения с политической арены Кирова?

Эта тема трудна, она выводит нас за пределы декабрьских событий — говорить нужно о целой эпохе, что невозможно сделать в одной статье. Попытаюсь дать лишь некоторые штрихи.

Возможно, их первая встреча относится к октябрю 1917 года, когда в Петрограде работал II Всероссийский съезд Советов, делегатами которого оба были. Достоверно, однако, что в мае 1918 года Сталин собственноручно написал Кирову рекомендательное письмо, указав, что предъявитель его заслуживает **«полного доверия»**. Можно допустить (во всяком случае, это отмечают многие воспоминатели), что они встречались в годы гражданской войны. Их знакомство продолжилось и упрочилось, когда С. М. Киров стал работать в Закавказье. Летом 1925 года они впервые отдыхали около десяти дней в Кисловодске. Сталин, вопреки желанию Кирова и сопротивлению Орджоникидзе, настоял на посылке Сергея Мироновича для работы в Ленинград, то есть, по выражению даже тех лет, «расставлял всюду своих людей». Более того, Сталин, не любивший выезжать из Москвы, трижды выезжал в Ленинград (в 1926, 1928 и 1933 годах), выступал перед ленинградскими коммунистами (два раза — в 1926 и один — в 1928 году). Причем за исключением 1926 года он останавливался у Кирова на квартире. В 1926 году Кирова избирают кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Статьи С. М. Кирова нет в сборнике «Сталин», выпущенном ГИЗом в 1929 году тиражом в 300 тысяч экземпляров, в связи с 50-летием Сталина (замечу, что среди авторов сего сборника значатся Калинин, Каганович, Куйбышев, Ворошилов, О. Куусинен, Мануильский, Г. Крумин, В. Адоратский, Н. Попов, С. Орджоникидзе, Ем. Ярославский, А. Микоян, А. Бубнов, М. Савельев, А. Енукидзе, Д. Бедный), но в день рождения он был на юбилейных торжествах у Сталина. Вскоре после этого в июле 1930 года

Слева направо: С. Киров, Л. Квгвнович, С. Орджоникидзе, И. Ствлин, А. Микоян.

* Это утверждение противоречит воспоминаниям работника Ленинградского обкома партии Р. Г. Маяка, который писал, что комендант Смольного Тедер жаловался ему на трудности охрены Кирова в Смольном.

Киров становится членом Политбюро ЦК ВКП(б).

В начале 30-х годов Киров выезжал в Закавказье, где выступал с докладом о правооппортунистической группе Сырцова, Ломинадзе. По просьбе Сталина он приезжал на похороны Н. С. Аллилуевой. И с этого времени, бывая в Москве, почти всегда останавливался у Сталина.

Безусловно, отношения между Кировым и Сталиным были непростыми. Возникали иногда и сложности, но с присущим ему тактом Киров мог возразить Сталину, убедить его. И, как свидетельствуют современники, приглушить подозрительность, грубость, капризность Сталина. Такой характер отношений между ними строился в определенной мере на взаимном доверии.

Сталин, направляя Кирова летом тридцать четвертого года в Казахстан, вовсе не хотел избавиться от него, как представляют сегодня этот факт некоторые писатели и публицисты. Напротив, Сталин был обеспокоен медленной уборкой богатейшего урожая зерна. В Политбюро уже шла подготовка решения об отмене с января 1935 года карточной системы на хлеб. Так что уборка зерновых в Казахстане была для Сталина не просто вопросом продовольствия, а политическим вопросом. От хлебных закромов зависела судьба «карточек». И, конечно же, он послал в Казахстан человека, на чей организаторский талант мог положиться в полной мере. Более того, почти все члены Политбюро ЦК ВКП(б) в этот период выехали с поручениями в разные города страны.

Высказываются мнения, что в качестве косвенного доказательства причастности Сталина к покушению могут служить результаты голосования по выборам в состав ЦК на XVII съезде ВКП(б). Это тоже вопрос спорный. Сейчас работает комиссия. Бюллетени, надеемся, проанализируют и опубликуют. Но следует заметить, результаты голосования дадут ответ на вопрос об отношении делегатов XVII съезда к Сталину, но не о причастности его к убийству Кирова. Объяснять эту трагедию только результатами голосования на съезде, на мой взгляд,— слишком упрощенно толковать проблему.

Говорят, что Сталин опасался в Кирове соперника. Но Киров как раз не рвался к власти, и Сталину было это хорошо известно. На XVII съезде ВКП(б) Киров был выдвинут в состав Центрального Комитета ВКП(б), а на Пленуме ЦК 10 февраля — членом Политбюро, Оргбюро и секретарем ЦК ВКП(б) с оставлением на работе в Ленинграде секретарем обкома и горкома ВКП(б). Вокруг этого существует немало домыслов.

В Ленинградском партийном архиве хранятся воспоминания Михаила Васильевича Рослякова, члена партии с 1918 года, делегата XVII съезда ВКП(б), человека, у которого с Кировым были доверительные отношения. В своих воспоминаниях, со слов Кирова, Росляков рассказывал о заседании Политбюро, состоявшемся до Пленума ЦК, 10 февраля, на котором шло предварительное обсуждение кандидатур будущих секретарей ЦК.

Дело будто обстояло так: на заседании Политбюро Сталин предлагал сделать Кирова секретарем ЦК с освобождением от работы в Ленинграде. Киров решительно выступил против, мотивируя тем, что ему надо закончить в Ленинграде вторую пятилетку, и своей неподготовленностью для работы в центре. Кирова поддержали Орджоникидзе и Куйбышев. Не встретив согласия, Сталин ушел с заседания. После этого члены Политбюро предложили Сергею Мироновичу идти к Сталину и искать приемлемый выход. Он был найден в компромиссном решении: Киров избирается секретарем ЦК с оставлением на работе в Ленинграде. В ЦК ВКП(б) берут секретаря обкома ВКП(б) Горьковской партийной организации А. А. Жданова. Для членов Политбюро данное решение было неожиданным. Получалось, что теперь, после переезда Жданова в Москву, Горьковская организация ВКП(б) — одна из крупнейших в стране — не будет представлена в ЦК. Поэтому после съезда в нарушение всех норм внутрипартийной жизни опросом делегаций вводится в состав Центрального Комитета еще один член — 68-й по счету — Э. А. Прамнэк, который и избирается первым секретарем обкома ВКП(б) в Горьком.

Косвенным доказательством подтверждения этих воспоминаний является тот факт, что среди членов ЦК, избранных на XVII съезде, Прамнэк значится не по алфавиту, а самым последним — 68-м.

Однако остается еще один аргумент, не изучив который мы не вправе ставить точку в этой версии. Допустим, трагедии не произошло, Киров жив — тогда и не было бы повода Сталину для расправы с оппозицией. Значит, убийство было выгодно ему для политических целей?

Напомню, маховик репрессий был раскручен задолго до выстрелов в Смольном. Вот что говорил М. П. Томский, выступая на 1-й Ленинградской областной конференции ВКП(б) в ноябре 1927 г.: *«На Сокольнической конференции (а вы знаете: на партийной конференции может быть лишь партийная публика, а в качестве гостей тоже партийцы) была подброшена на трибуну записка: «Мы вас, сталинцев, будем давить, душить, перестреляем» и т.д... Оппозиция очень широко распространяет слухи о репрессиях, об ожидаемых тюрьмах, о Соловках... Мы на это скажем нервным людям: «Если вы и теперь не успокоитесь, когда мы вас вывели из партии, то теперь... мы просто вежливо попросим вас присесть... ибо, товарищи, в обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме. Кто этого не понимает, тот ни черта не понимает в диктатуре пролетариата, тот ничего не понимает, что такое большевистская партия».* К концу 27-го года были репрессированы (исключены из партии, сняты с работы, высланы и посажены в тюрьмы) около четырех тысяч партийцев, в основном представители различных оппозиционных групп и течений.

1928 год — «шахтинское дело». Вынесено 11 смертных приговоров (шесть из них приведено в исполнение) и дано в общей сложности подсудимым более 130 лет тюрьмы. 1930 год — дело «промпартии». Вынесено 5 смертных приговоров (затем они, в порядке помилования, заменены тюремным заключением), другие получили по 10 лет. 1931 год — «меньшевистский процесс». Его участники осуждены в общей сложности на 53 года тюрьмы. 1933 год — «процесс против вредителей и шпионов в энергетическом хозяйстве». Советские обвиняемые приговорены в общей сложности к 65 годам тюремного заключения, англичане получили пять лет...

1934 год. XVII съезд ВКП(б). Его назвали тогда съездом победителей. Не было ни одного критического замечания непосредственно в адрес вождя. Его хвалили, его возвеличивали все делегаты. И вдруг... голосование и притом многие против! Естественно, что это было расценено Сталиным и его ближайшим окружением по привычной схеме: политическое двурушничество. 11 июля 1934 года появилось постановление ЦИК СССР, в соответствии с которым было создано Особое совещание — внесудебный орган, действовавший в системе НКВД. Напомню читателю, что другие внесудебные органы, так называемые тройки, были созданы намного раньше.

«Убийство Кирова, — писал журнал меньшевиков «Социалистический вестник» (№ 1 за 1935 г.),— *могло быть и чисто случайным, индивидуальным актом, продиктованным личными мотивами... Убийство могло быть случайным. Но не случайно, а планомерно задумана и проведена была реакция на это убийство».*

Уже в декабре 1934 года и особенно в начале 35-го началась целая серия процессов, в которых одним из главных обвинений были либо подготовка к терракту, либо участие в нем.

Поэтому, думается, Сталин лишь своекорыстно воспользовался трагической ситуацией, но тогда, в 34-м, Киров был ему еще нужен и у Сталина не было оснований избавляться от верного соратника.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Изучая различные версии убийства Кирова, пытаясь проникнуть в глубь событий, все более убеждаешься, что в таком сложном деле нет ничего однозначного, прямолинейного.

Десятилетиями правда об убийстве Кирова искажалась, фальсифицировались события, и понятно страстное желание историков, писателей, журналистов до конца разобраться в этом вопросе. Статья А. Кирилиной содержит много новых и неизвестных фактов, документов. Редакция считает, что ее публикация с учетом уже существующих в литературе версий позволяет полнее и всесторонней обозреть различные, порой и конкурирующие между собой подходы и взгляды на «преступление века».

НУЖНА ВСЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ

Александр САМСОНОВ, академик

Как историку Великой Отечественной войны, мне, естественно, ближе всего проблемы, связанные с этим периодом. Казалось бы, о войне написаны сотни, тысячи научных трудов, диссертаций — что нового можно сказать? Но, оказывается, мы так мало знаем об этих страницах прошлого. В минувшие годы правда о военных событиях нарочито смазывалась, лакировалась, а то и просто умалчивалась. Даже общая цифра наших потерь в войну — 20 миллионов — требует серьезной проверки. Думаю, потери были значительнее. А сколько людей погибло в окружении, в той или иной операции? Ведь мы вопреки военной логике теряли при обороне куда больше, чем наступавший противник. Когда пытаешься выяснить конкретные цифры потерь, наталкиваешься на стереотипный ответ: данные не сохранились. По-моему, за этим скрывается просто нежелание вникать в проблему.

В нашей печати вся вина за неправильное, искаженное освещение минувшей войны стала возлагаться на историков. Без сомнения, историки повинны во многом. Но сводить дело только к их субъективному желанию или нежеланию открывать правду — глубокое заблуждение.

Когда я впервые заявил в печати, что не считаю Сталина великим полководцем, у меня нашлось немало оппонентов (сейчас их значительно меньше). Возражая мне, авторы писем ссылались на оценки, данные Сталину в мемуарах Г. К. Жукова и А. М. Василевского. Да, в воспоминаниях прославленных полководцев отразился дух поколения, которое жило вместе со Сталиным. Но у этих воспоминаний есть еще один подтекст — невозможность сказать всю правду. Могу привести отрывок из письма ко мне маршала Василевского. Как бы походя он сообщает: «О своей книге скажу, что хотя она и находится в Политиздате, но не без помощи некоторых инстанций подвергается

серьезному пересмотру, сокращениям и т. п.».

Под «некоторыми инстанциями» имелись в виду, конечно, аппарат ГлавПУРа и ЦК партии.

Другой пример. В ряде прежних выступлений я указывал: это ненормально, что до сих пор не опубликованы знаменитые приказы «Ни шагу назад!» (№ 227) и № 270 от 16 августа 1941 года, по которому наши военнопленные объявлялись изменниками Родины. По моей просьбе академик-секретарь отделения истории АН СССР С. Л. Тихвинский написал официальное письмо на имя начальника Генерального штаба маршала С. Ф. Ахромеева с просьбой разрешить публикацию приказа № 227. Ответ был отрицательным.

В прежние годы на этом бы дело и закончилось. Сейчас же благодаря настойчивости и моей, и редакций «Московских новостей», «Известий» мы сумели обнародовать эти документы. Позднее их полный текст опубликован «Военно-историческим журналом».

Повышение нравственного, духовного состояния народа — вот одна из острейших сегодняшних проблем, и без полной правды истории эту проблему не решить. Необходимо заново проанализировать события 1939 года — подписание Пакта о ненападении (от 23 августа) и особенно «Договора о дружбе и границе между СССР и Германией» (от 28 сентября). Напрашивается вопрос, который историки старательно избегают: кому выгоден был этот договор, чьим интересам он послужил? Ведь Гитлер не мог напасть на нас в сентябре 1939 года, и ему, конечно, очень хотелось нейтрализовать СССР, чтобы расправляться с противниками поодиночке. Что же касается передышки, которую нам этот договор якобы обеспечил, то фашистская Германия использовала ее гораздо эффективнее, чем мы.

Еще одно событие 39-го года — советско-финляндская война. Я сам был ее участником и впоследствии много размышлял над уроками этой кампании.

Да, мы действительно нуждались в том, чтобы отодвинуть границу на Карельском перешейке, которая проходила всего в 32 километрах от Ленинграда. Но очевидно, что эту неотложнейшую задачу надо было решать — во всяком случае, стараться решить — политическими средствами. Демагогические рассуждения о том, что Финляндия-де первая начала против нас военные действия, не должны прикрывать грубого нарушения норм международного права.

Сейчас идет работа над интересным по замыслу изданием, предпринятым историками ряда социалистических стран (я являюсь председателем международной редколлегии этого издания). Книга будет называться «Причины второй мировой войны». К сожалению, когда решается вопрос публикации тех или иных важных документов, мы продолжаем наталкиваться на запреты. Вся правда о войне по-прежнему кое-кого страшит.

Сергей ВОЛОВЕЦ

ГОД НАДЕЖДЫ

Есть довольно распространенный обычай: накануне нового года или в самом его начале проводить опросы общественности о популярности различных профессий. С глубоким прискорбием свидетельствую, что по крайней мере в странах западного мира журналисты до сих пор, как правило, занимали место в самом конце списка, вслед за дантистами, вышибалами и судебными исполнителями. Думаю, что такая общественная немилость по отношению к работникам средств массовой информации сродни былому царскому гневу, которого боялись гонцы, приносившие плохие вести...

Журналисты тоже бывали плохими вестниками. Если говорить о международниках, то от них люди чаще всего узнавали, что кем-то сделан еще один шаг к непоправимой беде, где-то снят еще один предохранитель перед самоуничтожением человечества. Это был путь от ошибок к катастрофе. Один писатель-фантаст говорил мне, что невероятная популярность фантастики у читателей 60—70-х годов объясняется прежде всего тем, что она рассказывала о жизни, которую человечеству уже не суждено прожить.

Знаменитые часы на обложке американского «Бюллетеня ученых-атомщиков» — символ ядерной опасности — еще два года назад показывали без трех минут полночь. В прошлом году ученые отвели их на без шести двенадцать. Угроза все еще очень велика. Но новости минувшего года были лучше, чем когда-либо за четыре десятилетия послевоенной истории. И, может быть, последние опросы покажут, что и отношение к журналистам меняется к лучшему.

НЕСКОЛЬКО ОПТИМИСТИЧЕСКИХ АКСИОМ

В чем заключаются эти перемены? В мае прошлого года во время советско-американской встречи на высшем уровне М. С. Горбачев, оценивая значение ратификации Договора между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, назвал это событие началом безъядерной эры.

Действительно, хотя Договор уничтожает в арсеналах двух стран всего лишь малую часть ядерных боезарядов, значение его далеко перекрывает и эту цифру, и непосредственные военно-стратегические последствия соглашения.

Во-первых, за сорок лет ядерной эры наконец удалось реально понизить количество ядерного оружия. Договоры 70-х годов лишь ограничивали его качественные характеристики и темпы количественного наращивания. В итоге в мире насчитываются сегодня десятки тысяч боеголовок, суммарной мощностью более миллиона бомб, что стерла с лица Земли Хиросиму.

Во-вторых, в ходе встречи в Москве и во время первых контактов с вновь избранным президентом США Дж. Бушем подтверждено намерение добиваться заключения договора о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений. Когда это произойдет, ученые-атомщики в США смогут отвести свои символические стрелки от катастрофы уже не на минуты, а на часы. А когда это может произойти? Хотя переговоры идут нелегко, многие эксперты называют нынешний год вполне разумной и достижимой датой. Во всяком случае, давайте вспомним, что Договор по РСМД был подписан в начале декабря 1987 года, а еще в начале октября многие сомневались, удастся ли его заключить вообще.

В-третьих, стало явно досягаемым соглашение о сокращении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе от Атлантики до Урала. Этот процесс по самой своей природе не может быть быстрым, и результат здесь не будет достигнут за один день (переговоры об этом безуспешно велись почти 15 лет). Но препятствия в подходах к проблемам, в области методов подсчета и контроля преодолены в такой степени, что речь сейчас идет о сроках выдачи мандата на переговоры на новой основе.

В-четвертых, годами тлевшие, как запалы большой войны, региональные конфликты впервые высказывают симптомы возможного урегулирования или по крайней мере многие из них. Прекратились восьмилетние военные действия между Ираном и Ираком. Достигнуто принципиальное согласие о предоставлении независимости Намибии и выводе кубинских войск из Анголы. Уходят вьетнамские войска из Кампучии, поскольку и в этом районе Юго-Восточной Азии переговоры дают надежду на урегулирование конфликта политическими средствами.

Говорить о таких благоприятных изменениях во многих районах мира лучше отдельно, это большая тема. Здесь же достаточно упомянуть, что каждое урегулирование в том или ином регионе порождает цепочку добрых перемен в отношениях между многими странами.

В-пятых (и, возможно, это самое существенное), наконец-то можно сказать, что знаменитая формула Альберта Эйнштейна («освобождение энергии атома изменило все, кроме нашего мышления») перестала быть универсальной. Наше (а главное — политических деятелей) мышление во многих случаях радикально изменилось за считанные месяцы и продолжает меняться на глазах. Что общего, скажите, в подходе к советско-американским отношениям Рональда Рейгана первого срока президентства и Рональда Рейгана — второго? Ничего, кроме того, что это один и тот же человек!

И НЕСКОЛЬКО ТЕОРЕМ

А не может случиться так, что после результативного потепления последних двух лет международные отношения снова повернут к оледенению? Ведь так бывало. Вступая в четвертый срок своего президентства в январе 1945 года, Франклин Делано Рузвельт вполне убежденно говорил: «Мы научились тому, что нельзя сохранить мир в одиночестве, что наше благополучие зависит от благополучия других стран».

И быстро разучились. Сохранение мира стало означать возможность разрушать его одним нажатием кнопки. Новая надежда блеснула нам в 70-е годы. Она была связана с достижением советско-американских соглашений по ограничению стратегических вооружений ОСВ-1 и ОСВ-2, а также подписанием в 1975 году хельсинкского Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Но в начале 80-х годов контакты между Востоком и Западом резко сократились. Углубилось недоверие, программы все более сложных и дорогостоящих систем оружия сменяли одна другую, возрастал риск конфликтов, общественное и политическое сознание становилось все более милитаризованным.

Не нужно обольщаться: причины, вызывавшие эти метастазы «холодной войны», существуют и поныне.

Если помните, в повести Константина Паустовского «Кара-Бугаз» человек со странностями, геолог Шацкий, рассказывает о страшном, якобы сделанном им открытии. Он думал, что в геологических слоях сконцентрирована не только материальная энергия угля и нефти, но и ужасающая психическая энергия населенцев Земли тех далеких эпох, когда на планете формировались эти пласты.

Эта мысль — метафорическая в контексте повести,— на мой взгляд, необычайно близка к современной политической действительности. В наступившем году мы отметим немало исторических дат, требующих от нас нового пристального осмысления. Среди них пятидесятилетие начала второй мировой войны. Среди них же и меньшая по масштабу — 40-летие создания союза НАТО.

Десятилетия войны и политической конфронтации оставили глубокие и постоянно дающие о себе знать пласты в мышлении, в существующих экономических и общественных структурах. Мы привыкли сильно упрощать их. Например, представлять себе военно-промышленный комплекс всего лишь как союз промышленников, производящих вооружения, высших военных и политиков.

В действительности сюда входят и сотни тысяч рабочих, занятых в оборонной промышленности, десятки тысяч ученых и инженеров в области научно-исследовательских и конструкторских работ, даже множество людей из гуманитарных сфер, образования, области религии, искусства, литературы, идеологически близких и материально заинтересованных в милитаризме и культе силы, и все многообразие их переплетенных интересов, карьер, личных, семейных и общественных связей.

«...Господь народов и людей, услышь нас, молящих тебя сегодня по причине столь важной и в надежде столь глубокой... Благослови этот самолет, чтобы мог он остановить или предотвратить агрессию и был бы подлинным орудием мира».

Трудно даже представить себе, что это такое. А это молитва, произнесенная капелланом компании «Дженерал дайнэмикс» (есть там, оказывается, и такая должность) при запуске в серию стратегического бомбардировщика F-111. Помню, это обращение к небу, в котором теперь крейсируют черные, похожие на акул туши этих бомбардировщиков, поразило меня. Сегодня, когда на Западе из этих самых самолетов F-111 намереваются создать «компенсацию» уничтожаемым по Договору о РСМД ракетам, понимаешь, что есть люди и силы, поклоняющиеся все тому же богу. Силы и войны. И есть священники, совершающие ему богослужение. И они будут, пока Пентагон размещает более чем на 100 миллиардов долларов военных заказов. Это большие деньги, и они многое могут сделать.

Приведенная молитва — частный казус. Но вообще такие курьезы как раз интересны для изучения того, что происходит в глубинных пластах, оставленных нам в наследство историей и иногда действующих против наших сегодняшних планов и устремлений. Как пузыри на поверхности воды, они говорят о жизни, происходящей в ее толще. Недавно в Америке привлекла к себе внимание книга некоего Клеона Скаузена, бывшего шерифа из города Солт-Лэйк-Сити,— «Создание Америки». В ней в виде учебника по истории излагается набор ультраправых взглядов, вроде того, что конституция США должна быть основана на Библии, что рабство негров было благом для них и бедствием для белых рабовладельцев, что нужно отменить отделение церкви от государства и ввести обязательное изучение религии в школах, что нужно отменить все государственные программы здравоохранения и охраны окружающей среды...

Казалось бы, какое отношение имеет все это к американской внешней политике. Но вот другой набор тезисов из мировосприятия правых: ЦРУ управляется левыми, государственный департамент продажен. Некий Френсис Боучи в звании президента Совета межамериканской безопасности (а таких организаций в США многие сотни) призывает своих соотечественников осознать, что «принадлежность к высшей цивилизации — основное условие, чтобы взять в свои руки борьбу с коммунизмом». Эти голоса вообще восходят к идеологии «тысячелетнего рейха», но они были активные и в начале 80-х годов и в это время, несомненно, оказывали влияние и на формирование официальной политики. Причем «внутренние» и «внешние» ультра в Америке тесно связаны. Те, кто оправдывает рабство и хочет заменить Библией конституцию, как правило, поддерживают гонку ядерных вооружений, вмешательство в отдаленные конфликты, стратегическую оборонную инициативу.

Все эти бесчисленные организации хорошо финансируются, рекламируются, в отличие от динозавров не вымерли в эпоху нового мышления и вовсе не похоронили свою энергию в глубинах земли, как думал об исчезнувших ящерах геолог Шацкий.

РАЗГОВОР С ДВУМЯ ОПТИМИСТАМИ

Первый из них Роберт Макнамара. Он был президентом компании «Форд моторс», затем в течение семи лет министром обороны в администрациях Кеннеди и Джонсона, после чего тринадцать лет президентом Международного банка реконструкции и развития. Мне удалось встретиться с ним и поговорить. Больше всего меня интересовало, как человек, потративший столько сил, изобретательности и государственных денег, чтобы США лидировали в ядерной гонке, пришел к мысли о необходимости немедленно прекратить ее и обратить вспять.

— Я думаю,— сказал Р. Макнамара,— сочетание трех обстоятельств создает сейчас уникальную возможность остановить нашу коллективную гонку. Первая заключается в перестройке в вашей стране. Она создала небывалый еще политический климат, и в нем могут созревать плоды, о которых мы и мечтать не могли несколько лет назад.

Вторая — в осознании — и, будем думать, окончательном — того, что все попытки разрешить наши основные противоречия с помощью технологического совершенствования оружия исторически обречены и ведут только к дестабилизации и увеличению опасности. Возможно, СОИ — последняя попытка в этом ряду. Наука больше не может и не должна обслуживать войну. Здесь больше не может быть речи о выигрыше или победе, и сбудется предупреждение Уинстона Черчилля о том, что «каменный век может вернуться на сияющих крыльях науки».

Третье — в том, что до сих пор ни у Соединенных Штатов, ни у Западной Европы, по существу, не было общей концепции строительства долгосрочных отношений с Советским Союзом. Политика была оппортунистической, как бы рассчитанной на то, что СССР в один миг может куда-то исчезнуть. Я не питаю симпатий к вашей политической системе, но хорошо понимаю, что у нас нет выбора, кроме как жить вместе и по возможности жить лучше.

Вторым был Джером Визнер, почетный президент Массачусетского технологического института, бывший советник по вопросам науки президентов Кеннеди и Джонсона. Я хотел узнать его мнение о влиянии военно-промышленного комплекса на внешнюю политику Америки в ближайшем будущем.

— Я и сам в каком-то смысле был частью военно-промышленного комплекса, а встретились мы с вами потому, что я приехал в Москву по делам Фонда за выживание человечества. Во многих делегациях американцев, прибывающих в вашу страну с миротворческой миссией, вы можете найти людей, так или иначе связанных с интересами оборонной промышленности. Я не верю в слепой автоматический детерминизм экономических интересов. Это напоминает мне слышанную в молодости историю об органисте и человеке, надувавшем мехи органа. Органист не смог закончить фугу, потому что его помощник перестал качать мехи раньше времени. На вопрос, почему он это сделал, тот отвечал, что прежнему органисту, как он знает, на эту фугу хватало ровно столько качков, сколько он сделал.

Наверняка организм военно-промышленного комплекса, как и прежде, требует денег на расходы. Но уже не при всех обстоятельствах и не всегда народ и конгресс готовы удовлетворить эти требования.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НЕОБРАТИМОСТЬ

Было время, когда новый президентский четырехлетний цикл у нас ожидали с некоторым напряжением: как-то повернет руль новая администрация? На этот раз мы относимся к заменам в вашингтонской команде гораздо спокойнее. Не только потому, что Буш и в качестве вице-президента поддерживал курс на конструктивное развитие советско-американских отношений и заявил, что надеется на их дальнейшее улучшение после декабрьской встречи с М. С. Горбачевым. Дело не только в личности нового хозяина Белого дома и в провозглашаемых им намерениях.

Мы можем быть уверены, что перестройка у нас дома и ее внешнеполитические последствия пользуются по-настоящему широкой поддержкой повсюду в мире. Мы перешли от многословных, но часто малосодержательных деклараций к делу в отношениях с другими странами, и это высоко ими ценится.

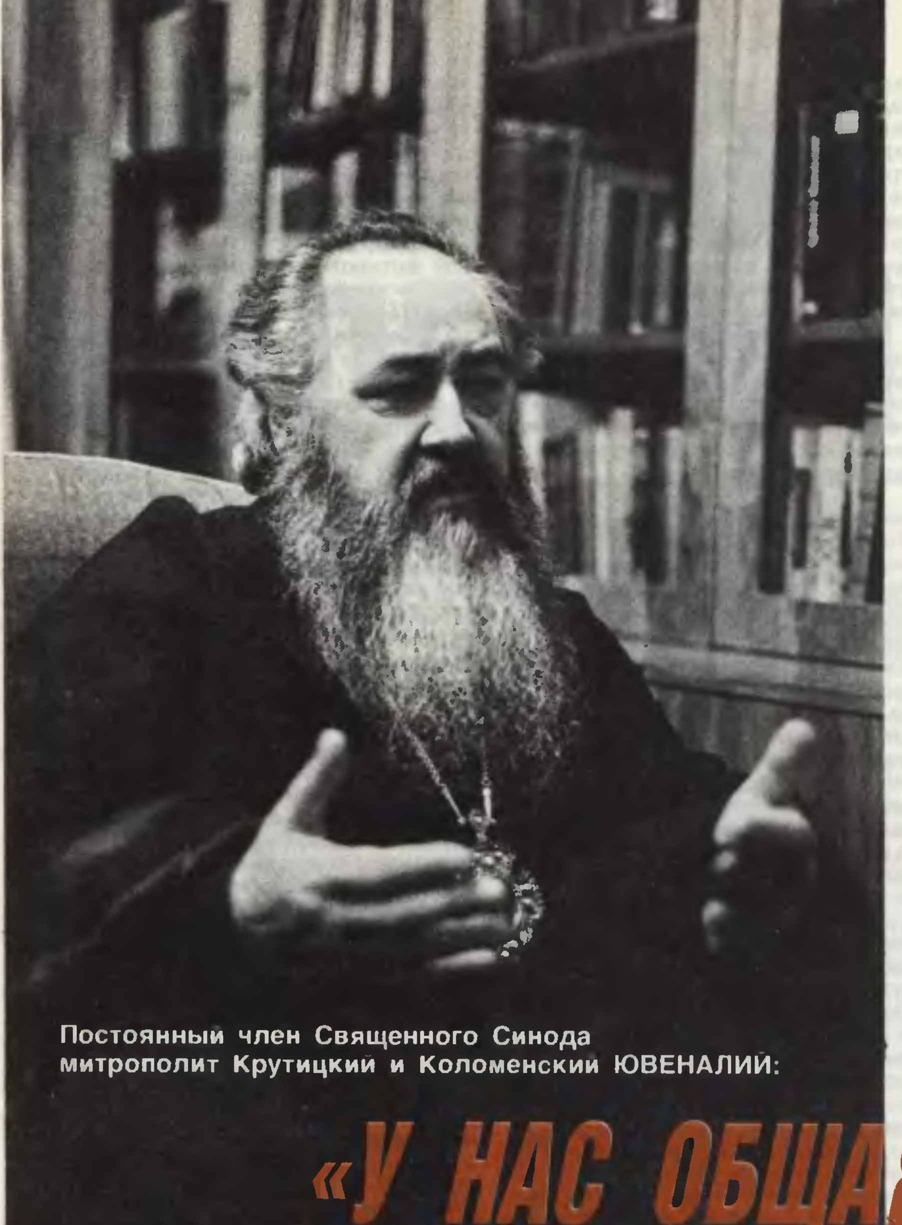
Выступление М. С. Горбачева на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1988 г. соединило в себе конкретные масштабные меры, предпринятые в одностороннем порядке Советским Союзом, с изложением новой философии международных отношений, достойных цивилизованных людей. И это оценено миром.

Пропаганда перестала заменять внешнюю политику. Сегодня мы предлагаем выполнимые меры и честные компромиссы. Это тоже оценено по достоинству.

Все опросы общественного мнения в США и Западной Европе раз за разом показывают растущий уровень доверия к нашей стране, отказ от старых стереотипов советской «угрозы» и «агрессивности».

Возможно, что преемственность новой политики в большей степени находится теперь в наших руках, чем в руках наших партнеров. От нас самих больше, чем от кого-либо, зависит сделать движение нового политического мышления и его реальные результаты необратимыми.

Наступивший год обещает в этом смысле много. Давайте работать, чтобы обратить надежды в уверенность.



Постоянный член Священного Синода митрополит Крутицкий и Коломенский ЮВЕНАЛИЙ:

«У НАС ОБЩАЯ ИСТОРИЯ И ОДНО БУДУЩЕЕ»

ВОКРУГ ХРАМА

— Ваше высокопреосвященство, минувший год был особым. И нам хотелось бы начать разговор с итогов празднования тысячелетия крещения Руси. Какими они вам видятся?

— Главное, на мой взгляд, что это был праздник всего народа, а не только членов Русской православной церкви. Это, мне кажется, символично, поскольку и во время встречи в Кремле с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Священного синода Михаил Сергеевич Горбачев очень емко сказал, что у нас общая история, одно Отечество и одно будущее.

Я бы отметил, что внутри страны государство создало все условия для того, чтобы церковь могла осуществить юбилей так, как она хотела. Говоря же о международном значении и итогах этого события, я подчеркну тот факт, что ЮНЕСКО приняла предложенную Советским правительством резолюцию, в которой говорится, что «введение Христианства на Руси... явилось крупным событием в европейской и мировой истории и в культуре и оставило глубокий след в развитии человеческой цивилизации...» Праздник дал возможность почувствовать нашу христианскую и межрелигиозную общность, а также общечеловеческое единство.

Если раньше нам приходилось обсуждать с иностранными гостями вопросы свободы религии в СССР, полемизируя, есть она у нас или нет, то в минувшем году приходилось слышать от них: «Мы теперь знаем, что такое перестройка!» Появилось новое мышление: не о свободе совести говорят, а о плодах перестройки в этой области.

— На Западе даже пишут о религиозном возрождении в СССР...

— В прошлом атеистическое воспитание соединялось с желанием опередить естественный ход вещей, даже с насилием над совестью верующих. При Н. С. Хрущеве была закрыта треть церквей: не из-за того, что настолько же сократилась религиозность, а потому, что объявили о скором построении коммунизма. В него не мыслилось, видимо, войти вместе с церковью. Храмы закрыли, но религиозность не исчезала...

За минувший год зарегистрировано более трехсот православных общин. Это не религиозный скачок или религиозное возрождение, как представляют за границей, это нормализация церковной жизни. Если раньше верующие вынуждены были ездить на богослужение за десятки километров, то теперь, естественно, они хотят иметь церковь в родном селе, районе. Это путь демократического решения вопроса.

— В стране, помимо православных, насчитывается свыше сорока религиозных направлений: католики, мусульмане, иудеи... Как складываются отношения православной церкви с другими конфессиями и религиями, в частности со старообрядчеством? Три века, минувшие после раскола,— не смягчили ли они былые разногласия и взаимные претензии?

— Да, прошло триста лет, но память в религиозных организациях вековая. Боль, отчуждение, сожаление — все это остается. Со своей стороны, Русская православная церковь старается смягчить печальные уроки церковной истории. Так, на последнем Поместном Соборе мы приняли очень теплое обращение к старообрядцам, пригласили их к началу диалога. Мне кажется, отчуждение не углубляется, напротив, наблюдается тенденция сближения.

В связи с этим хотел бы добавить: у нас вообще очень эффективное, без напряжения, враждебности, межрелигиозное сотрудничество. С 1952 года мы осуществляем планомерные встречи между руководителями религиозных кругов Советского Союза и вырабатываем общую позицию по различным проблемам.

— Сегодня все мы ратуем за гласность, объективное освещение «белых пятен» истории, справедливую их оценку. Однако в материалах Юбилея, выступлениях священнослужителей взаимоотношения церкви с государством в отдельные периоды нередко обходятся молчанием. Особенно первые годы становления Страны Советов, когда эти взаимоотношения были далеко не гладкими. Как вы относитесь к этим моментам?

— Мне кажется, в кратких ответах невозможно дать исчерпывающих характеристик и оценок того периода. Но в любом случае я считаю, что мы должны с особой деликатностью и взвешенностью говорить о том, что было у старших поколений. Ведь хотя мы не несем за это личной ответственности (поскольку родились в то время, когда этот конфликт уже ушел в историю), но ответственность духовного наследия на нас остается.

Действительно, в первые годы Советской власти определенная часть Русской церкви не осознала серьезности свершившейся революции. Это вначале помешало устроению церковной жизни на основах лояльности. Но в последующее время в разные трудные для народа периоды церковь во всем разделяла судьбу своих сограждан. Достаточно сказать, что в тридцатые годы массовым репрессиям вместе с народом подверглись священнослужители и верующие. И тем не менее в первый же день Великой Отечественной войны церковь обратилась к верующим с призывом встать на защиту Родины.

Я не сторонник, однако, акцентировать внимание только на негативном, смаковать трагические моменты нашей истории. Мы, священнослужители, должны личным примером возрождать в людях доброе, милосердное, не озлобляя их напоминанием о негативных сторонах жизни. В то же время, исходя из уроков истории, в том числе и церковной, надо не давать поводов повторять эти ошибки.

— Сейчас много говорится и пишется о благотворительной деятельности церкви, практике милосердия.

Мы критикуем нашу систему здравоохранения за отставание от времени, ищем пути к ее совершенствованию. И на этом фоне может возникнуть впечатление, что церковь предлагает какие-то конструктивные пути решения проблемы. Но давайте порассуждаем: государственное здравоохранение охватывает все население страны, гарантирует помощь каждому, в его ведении находятся десятки тысяч больниц, поликлиник, огромное число врачей, многомиллиардный бюджет... Церковь же может оснастить в лучшем случае несколько больниц.

— Согласен, мы должны вместе поразмышлять над этим. Но вначале я бы очень ответственно сказал: церковь ничего не просила, речь идет лишь о том, что могла бы она сделать в том числе и в благотворительности. Вы знаете, что на сегодня такая деятельность в законодательных государственных документах не предусматривается, и то, что мы делаем, можно расценивать пока в качестве эксперимента.

В остальном же, я считаю, церковь не может подменить какие-либо политические или социальные силы государства. Тем более сложившуюся систему здравоохранения. Другое дело, что само христианское учение требует активного милосердного и жертвенного служения людям.

Например, в прошлом году во время Поместного Собора мы пожертвовали двести тысяч рублей на тех, кто нуждается в медицинской или материальной помощи после возвращения из Афганистана,— будь то воины или их семьи. Священнослужители Елоховского собора в Москве и местные власти заключили соглашение, чтобы верующие оказывали посильную помощь в больницах, а священнослужители — духовно поддерживали бы их. Есть и другие примеры.

Но подчеркну: никому из нас и в голову не приходит, что этими малыми вкладами мы решили или решим проблему помощи. Это лишь добрые символы. Если бы церковь получила возможность шире совершать акты милосердия, она, не подменяя никого, зажигала бы подобными примерами сердца и этим помогала решать какие-то проблемы.

— В стране действуют различные общественные организации: Детский фонд имени Ленина, Фонд мира, Фонд культуры... В их рамках и верующие, и церковь как раз и могли бы вести благотворительность, участвовать в этих фондах никому не запрещается. Но не кажется ли вам, что церковь порою как бы хочет обособиться, выделить именно религиозный аспект милосердия?

— Мне так не кажется. Напротив, мы хотим в делах своих не обособиться, а влиться в общий поток творения добра. Что же касается религиозного аспекта милосердия, то, да — мы действуем на основе религиозного чувства, руководствуясь принципами христианства.

Вы спрашиваете, зачем заниматься другой деятельностью, если создано столько различных фондов и для церкви, вроде бы было достаточно вносить свою лепту в них? Мы действительно приветствуем эти фонды и сотрудничаем с ними, я уже приводил примеры. Но помимо этого, согласитесь, для миллионов наших сограждан должны быть и другие формы приложения сил, чтобы они могли показать личный пример бескорыстия и жертвенности служения Отечеству... Участие в других делах, согласен с вами,— одно из таких направлений. И, согласитесь, мы могли бы и расширить эту деятельность.

— Государство передало Русской православной церкви ряд храмов, монастырей, часть Киево-Печерской лавры... Но раздаются требовательные голоса: верните церкви все! А под силу ли верующим отреставрировать и поднять тысячи полуразрушенных зданий? Есть ли у церкви такие финансовые, материальные возможности? Скорее всего нет. Так, может, стоит поискать совместно другие решения по сохранению архитектурных памятников прошлого? И еще вопрос: передаваемые государством церкви нуждаются не просто в восстановлении, но и в тщательнейшей реставрации. Не вносятся ли при восстановлении в их архитектурный облик, живопись новые элементы? Не страдает ли истинный облик ансамблей именно как уникальных памятников архитектуры?

— Хотел бы ответить сначала на второй вопрос. В руках церкви находится несколько тысяч храмов, они поддерживаются в хорошем состоянии. И старинные церкви, передаваемые нам, при восстановлении не страдают, все работы ведутся под руководством квалифицированных специалистов-реставраторов.

Однако проблемы с реставрацией все-таки остаются. Есть, например, некая доля несправедливости в том, что, когда рабочие или квалифицированные специалисты реставрируют действующую церковь, они платят в несколько раз больший налог, чем при восстановлении церкви закрытой. И второе: у нас много людей, желающих участвовать в реставрации. Но у них нет

специальной подготовки, навыка. Мне кажется, надо срочно совместными усилиями церкви и государства готовить квалифицированных реставраторов в достаточном количестве. Настало время соединить наши усилия и, например, ВООПИКа, чтобы на основе единой, тщательно подготовленной программы восстановить архитектурное достояние Отечества. Это реальная помощь спасению многих памятников отечественной культуры, в том числе религиозных.

Теперь вернусь к первому вопросу. Недостатка в средствах на восстановление храмов у нас нет: народ наш жертвенный. Однако мы никогда не ставили вопрос так, чтобы церковь одна полностью взяла на себя восстановление всех культовых зданий. Речь идет в первую очередь о том, чтобы там, где есть православные общины, они могли бы получить церковь и отреставрировать ее. И местные власти сейчас идут навстречу нашим просьбам.

— Если попытаться нарисовать портрет современного верующего, то каков он? Как изменился за последние годы?

— Главная особенность большинства сегодняшних верующих в том, что они не прошли, как предыдущие поколения, богословской подготовки. И потому их восприятие учения церкви зиждется скорее на эмоциональных чувствах, церковь для них — дорогой храм, где они ищут ответы не только на запросы разума, но и удовлетворяют свою религиозную жажду. Любопытна оценка этого иностранных гостей, которые открыто говорили нам: «Нигде мы не видели такой веры людей!»

Что же касается состава верующих, то я склонен утверждать, что он стабилен: ни омоложения, ни старения не происходит. Мне вспоминаются годы, когда и у нас, и за рубежом говорили, что Русская православная церковь — это церковь старушек. Умрут, мол, они, и религия отомрет. Но наши старушки оказались бессмертными. Число верующих и сегодня пополняется за счет пожилых людей.

Если говорить о количестве верующих, то их у нас несколько десятков миллионов. Достаточно сказать, что только с 1971 года крещение приняло более 30 миллионов человек.

— Понятно. А современный священнослужитель — каков он? В чем его отличие от того облика, какой сложился в литературе и живописи XIX — начала XX века?

— Мне кажется, нельзя проводить параллель или противопоставлять современного священнослужителя духовенству прежних столетий. Я не раз убеждался, что современные священнослужители горячо любят Бога, свято служат своему народу, своей Родине.

Средний возраст духовенства сегодня сорок семь лет, более четырех тысяч престарелых священнослужителей и их семьи получают от церкви пенсию. Но одновременно в духовных школах богословскую подготовку для пастырского служения получают две тысячи студентов.

— В своем докладе на Торжественном акте, посвященном тысячелетию введения христианства на Руси, вы говорили, что «ныне Русская церковь включилась в творческий процесс перестройки». Означает ли это готовность верующих к практическому вкладу в дело перестройки? И если да, то в чем он выражается?

— Я думаю, четыре года, которые мы характеризуем как период перестройки, дают очень хорошие духовные ростки.

Мы, как священнослужители, видим свое назначение в процессе перестройки в том, чтобы быть ближе к народу, воодушевлять людей, разъясняя долг каждого в его служении обществу. Недавно мы приняли новый Устав церкви, который будет способствовать более энергичному, творческому подходу наших верующих к воплощению в жизнь светлых идей, которые мы проповедуем.

Сегодня проблема номер один — вопрос выживания. Спасение не только от ядерной катастрофы, имею я в виду, от любой: экологической, энергетической... Эта проблема стоит перед всеми землянами. И сейчас не время копаться в наших различиях, надо сделать все возможное, чтобы объединиться ради спасения священного дара жизни.

Мы признательны советскому руководству за те шаги, которые оно сделало перед юбилеем Крещения Руси. Нам был передан ряд церквей, монастырь под Ярославлем, часть Киево-Печерской лавры, Оптина пустынь, разрешена закладка в Москве храма в честь тысячелетия Крещения Руси. Кроме того, многие наши просьбы и предложения находятся сегодня на рассмотрении в правительстве, и, полагаю, подход к их решению будет столь же доброжелательным и внимательным. Кроме того, мы ожидаем нового законодательства о свободе совести. Это раскрывает перед нами перспективу и помогает с оптимизмом смотреть в будущее.

Андрей ДЯТЛОВ
Владимир ДОЛМАТОВ

ХОЧУ РАССКАЗАТЬ

Юрий Александрович Завадский попросил редактора, чтобы ему показали его фотографию, выбранную для публикации, и, хотя такое не практиковалось, из уважения к Завадскому главный редактор согласился.

И вот я на пороге квартиры. Юрий Александрович, высокий, стройный, в синем спортивном костюме, был похож скорее на баскетбольного тренера, чем на художественного руководителя Театра имени Моссовета.

— Ну, показывайте.

Я положил на стол портрет и сказал:

— Мы решили ставить в номер этот.

— Кто мы? — спросил Завадский.

Я стал перечислять:

— Главный редактор, его зам, ответственный секретарь, художник и я тоже.

— Так зачем же вы пришли?

— Вы же просили?

— Но вы же все решили сами.

Он встал и был явно не в духе. С вешалки быстрым движением снял свой плащ, пытаясь одеть на меня.

— Это не мой плащ, спасибо,— сказал я и снял с крюка свой.

Юрий Александрович выдернул его из моих рук со словами:

— Это мой принцип: в своем доме одеваю всех я.

Дверь захлопнулась, и, как мне тогда показалось, не очень тихо.

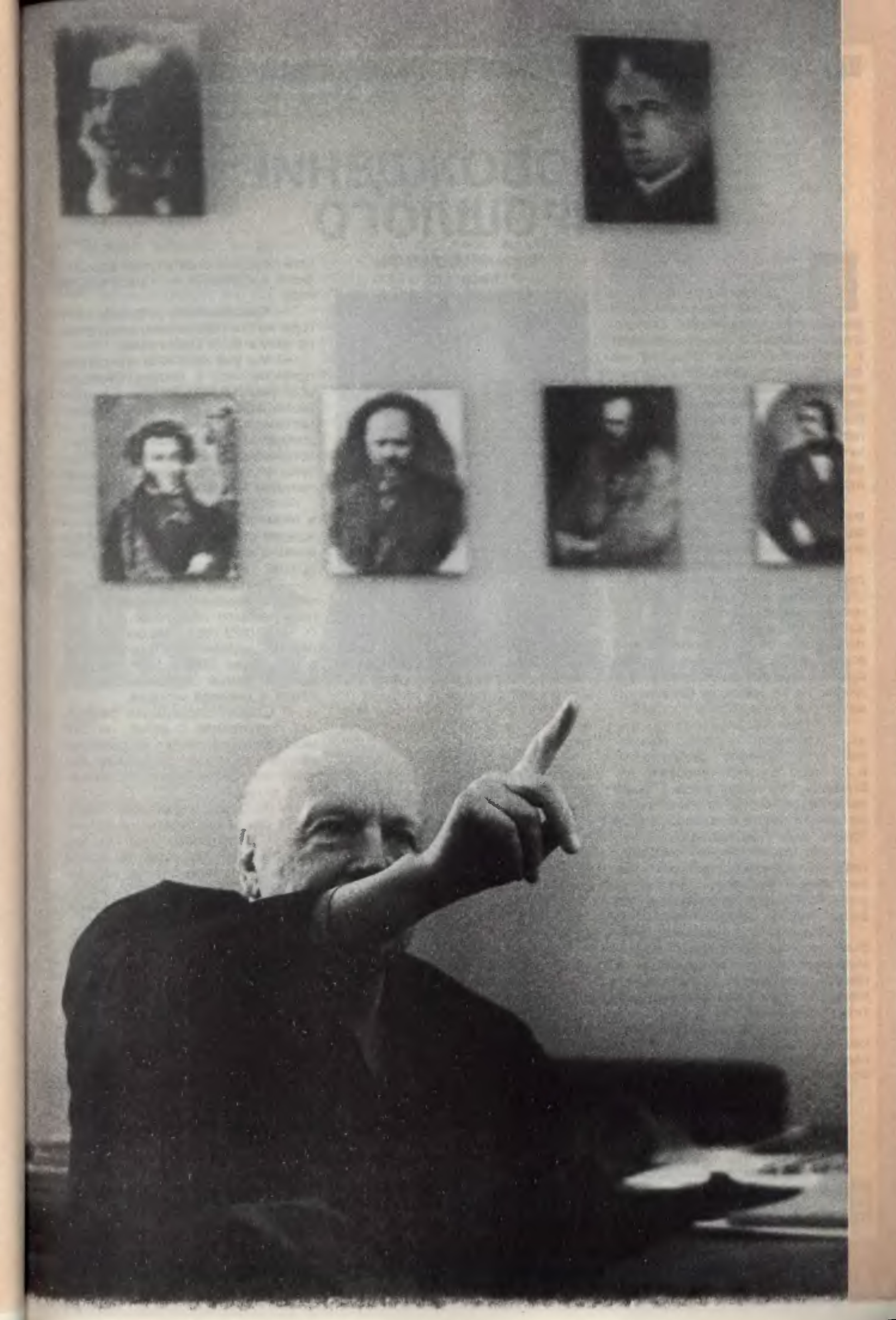
Был конец рабочего дня, в редакции ждали результатов моего визита. Я позвонил и сообщил: так, мол, и так — и поехал домой.

Наутро в редакции одни обвиняли меня, другие защищали. Спор разрешил сам Завадский. Он позвонил в редакцию, и под пристальными взглядами своих коллег я взял трубку.

— Не сердитесь, будьте добры, никак не хотел вас обидеть, тем более фотография мне понравилась. Но я бы хотел посмотреть все, что вы сняли,— звучал в трубке ласковый его голос.— Договорились?

— Хорошо,— сказал я и положил трубку...

Валерий АРУТЮНОВ



ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРОШЛОГО

Натан ЭЙДЕЛЬМАН, писатель

Перестройка — не только настоящее и будущее, но и раскрепощенное прошлое. Она позволяет историкам, литературоведам, философам толковать о таких проблемах и «сюжетах», какие прежде у нас как бы не существовали. Оговорюсь — у настоящих, серьезных, честных специалистов никогда не было запретных тем для обдумывания и записи, но рискованно или невозможно бывало выйти с ними на печатные листы, в широкие аудитории.

Теперь же можно и должно довольно свободно толковать, разумеется, еще не обо всем, но все-таки, например, о том, что:

— Превращение обезьяны в человека куда более сложный, таинственный процесс, чем это прежде представляли; мы не станем буквально принимать мысли антропологов-теологов о божественной искре и душе, зароненных в живые организмы в какой-то момент эволюции, но уж никак не сможем отмахнуться от подобных проблем.

— Теперь мы вправе допускать, что существуют пределы понимания нами древних цивилизаций, и не надо слишком уверенно настаивать, что люди конца II тысячелетия нашей эры не имеют никаких вещей «непознаваемых», а есть только еще «непознанные».

— Не стоит также представлять человеческую историю как постоянный прогресс: бывали и, возможно, будут длительные периоды упадка, отступления.

— Многие крупные исторические события не поддаются прямым материалистическим объяснениям — например, формирование определенного типа семьи, развитие этноса и т. п.

— Не нужно оправдывать высокие цели жестокими средствами, как, например, события Великой Французской революции.

◇

Если же обратиться к российской истории, то можно и нужно более откровенно говорить о многовековой традиции деспотизма, явном дефиците демократии в отечественной истории:

— Что Иван Грозный был кровавым палачом «сталинского типа».

— Можно сомневаться и в прогрессивности Петра Великого. Во всяком случае, не грех сосчитать погубленных...

— Можно, кажется, говорить и писать, что русские цари отнюдь не столь глупы, злобны и реакционны, как в течение десятилетий настаивали наши учебники.

— Не стоит слишком уж много говорить о добровольном присоединении тех или иных народов к России: каждый народ хочет жить самостоятельно, и если присоединялся к великой державе без борьбы, то не от хорошей жизни.

— Почти все крупные русские писатели XIX века не были революционерами, не призывали к свержению существующего строя и, критически описывая действительность, опасались «бунта бессмысленного и беспощадного».

— Можно писать о Суворове и других политических военных деятелях, не только восхваляя, но и критикуя; более того, можно и должно говорить о великом таланте полководца, если мы при этом не скрываем, например, зверских подробностей штурма варшавского предместья — Праги в 1794 году.

— Крестьянская реформа 1861 года имела серьезные недостатки, но могла быть много хуже.

— Мы уже признаем или готовы признать, что в период Октябрьской революции и военного коммунизма наряду с разрушением реакционных элементов старого мира — жандармерии, «черных кабинетов», колониальных ведомств были сметены и такие элементы демократии, как земства, свобода печати.

— Нэп был великим поворотом в экономике, который не сопровождался столь же крупными реформами в области гласности, демократии.

— Деятели разных оппозиций не были врагами, шпионами и т. п., но и не были «ангелами».

— В 1929 году победил своеобразный вариант контрреволюции, а репрессии 1930—1950 годов — одно из самых страшных преступлений в мировой истории.

— Сталин оправдывал репрессии подготовкой к войне, но сам немало способствовал ее развязыванию неверными решениями при принятии многих внешнеполитических актов.

— Наконец, осмелимся заметить, уже неоднократно высказывалось соображение, что сегодня правительство, руководство нашей страны, во всяком случае, передовая, революционная его часть, в общем, «левее» основной массы народа...

Мы перечислили на выбор несколько отнюдь не обязательных истин — с каждой из них можно поспорить, но тем не менее подобные разговоры возможны; и это чрезвычайно важно, **ибо мы не хотим хвалить то, чего не имеем права критиковать, и не хотим критиковать того, чего мы не имеем права хвалить...**

Но, разумеется, есть еще темы, имена, которые пока не совсем «освобождены» перестройкой; мы насчитали их примерно сорок, а сорок первый запрет — сам список подобных тем!

Все, однако, будет сказано со временем обо всем, в этом нет никаких сомнений!

Сегодня, когда мы вновь знакомимся с произведениями, проведшими в заточении отделов специального хранения не один десяток лет, то открываем «затерянный мир» мыслей, чаяний и страстей тех, кто стоял у истоков партии и Советского государства.

ИЗ ЗАБВЕНИЯ

Сотни забытых названий книг, сотни имен авторов вновь возвращаются в открытые фонды библиотек. Увы, книги эти порой существуют в одном-двух экземплярах. Мы сочли необходимым рассказать о некоторых «амнистированных» изданиях, вышедших из спецхрана нашего крупнейшего национального книгохранилища — Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Учитывая тот факт, что сегодня идут бурные дебаты вокруг искажения, выхолащивания истории КПСС, мы решили обратиться к тем книгам, которые были написаны активными участниками революционных событий в нашей стране, теми, кого называли большевистской гвардией.

Итак, две книги о первом съезде РСДРП.

В. НЕВСКИЙ.
Очерки по истории Российской коммунистической партии.

Часть 1. Петроград. 1923.
Издательство «Прибой». 653 с.

Под псевдонимом В. Невский многие годы печатался Феодосий Иванович Кривобоков, член партии с 1897 года, советский государственный и партийный деятель, известный многими интереснейшими работами по истории революционного движения в России.

«Очерки», о которых сегодня идет речь, можно назвать вершиной историко-литературного творчества В. Невского. Недаром в предисловии к этому произведению другой старейший деятель партии, П. Лепешинский, пишет, что книга В. Невского «представляет в данной области в такой же мере крупное явление, что если автору удастся осуществить полностью свое большое начинание, то, быть может, мы, русские коммунисты, наконец-то будем иметь настоящую научно-популярную Историю Р.К.П.».

С этим невозможно не согласиться, даже ознакомившись с реестром источников и литературы, использованных В. Невским в своей работе. Список этот с подробнейшими комментариями составляет без малого пятьдесят страниц. Более тысячи имен деятелей мирового и русского революционного движения упоминается в очерках. Многие из них малоизвестны, а некоторые и вовсе не известны не только обыкновенному читателю, но и профессиональным историкам.

Однако основную ценность представляют, конечно же, сами очерки, которые охватывают период с зарождения мануфактурного производства в России в XVII—XVIII веках до первого съезда РСДРП в марте 1898 года в Минске.

Но удивляет не временной размах, а та высочайшая научная достоверность, которая почти необыкновенным образом сочетается с истинной популярностью изложения, что, безусловно, говорит о своеобразном таланте В. Невского. Ни одного наукообразного термина на всем протяжении повествования, язык ясен и понятен. Даже суть далеко не простых теоретических споров изложена с великолепной доходчивостью.

Отдельно стоит сказать об огромном количестве фактической информации, которой насыщена книга. Так, анализируя революционное движение конца 80-х—90-х годов прошлого века, В. Невский дает массу цифр, которые характеризуют профессиональный, образовательный, возрастной, национальный и т. д. состав революционного движения в России.

Ярко и полно представлены в очерках революционные и особенно социал-демократические организации России. И, что особенно интересно, речь идет не только о движении в крупных индустриальных центрах, но и на периферии: в Костроме и Ярославле, в Твери и Туле, в Калуге и Орле...

Короче говоря, сегодня, когда ученые вплотную заняты созданием научно-популярных очерков по истории партии, выясняется, что первая часть их уже опубликована. Еще в 1923 году. И, вероятно, труд старого революционера В. Невского заслуживает переиздания для того, чтобы советский читатель мог узнать об истории партии без многолетних наслоений лака и ретуши.

Б. ЭЙДЕЛЬМАН.
Первый съезд Р.С.-Д.Р.П.

М.—Л. 1926. 144 с.

Можно сказать, что «Очерки» В. Невского дают широчайшую картину обстановки, которая сложилась в русском революционном и социал-демократическом движении ко времени I съезда РСДРП. А вот книга Бориса Львовича Эйдельмана вводит читателя непосредственно в атмосферу подпольной работы первых русских социал-демократических кружков, знакомит с людьми, которые в условиях царского самодержавия, под ежедневной и даже ежечасной угрозой ареста не прекращали своей революционной работы.

Для того, чтобы дать будущему читателю некоторое представление об авторе книги, скажем, что Б. Л. Эйдельман принадлежал к киевской социал-демократической организации, которая вошла в историю под названием «группы «Рабочей газеты». Именно эта группа, объединившись с другими социал-демократами, явилась в конечном счете организатором I съезда РСДРП, а недавний студент университета Б. Эйдельман председательствовал на нем.

Так что книга, в которую, кстати, включены и подлинные документы съезда, сама является историческим документом. И особенно ценно то, что создана книга со специальной целью — скрупулезно зафиксировать для истории все, даже, казалось бы, «второстепенные» моменты подготовки и проведения съезда. Поэтому в книге имеется немало замечаний к авторам, касавшимся истории создания партии в своих трудах, к тому же В. Невскому, например. Но что должен при этом особо отметить наш современный читатель в этих критических замечаниях и уточнениях автора, так это особый товарищеский такт, которого порой не хватает нашей сегодняшней публицистике и критике.

Федор АБРАМОВ

БЫЛИ-НЕБЫЛИ

В архиве Федора Абрамова сохранились короткие рассказы, сценки, зарисовки с натуры, наблюдения, сложившиеся в своеобразный цикл и объединенные общим названием «Были-небыли». Работа над ними продолжалась более двадцати лет. Суть их сам писатель определил так: «Эти короткие истории не выдуманы, взяты из жизни. Короче говоря, все они — были. Но были, которые кажутся небылью...»

Несомненно, Федор Александрович еще поработал бы над этими «историями», отшлифовал бы их для печати. Но не успел. Однако и сейчас они, кажущиеся записанными только для себя, для памяти, передают боль писателя-гражданина, всю свою творческую жизнь воевавшего с тем, что сегодня извлекается на свет гласности. О таком времени мечтал Абрамов.

Об активной гражданской позиции Федора Абрамова свидетельствует и сохранившийся в личном архиве писателя конспект речи, подготовленной для выступления на Втором съезде писателей РСФСР в 1965 году. Слова ему тогда не дали...

Фото Анатолия ГАРАНИНА

«МОСКВА, КРЕМЛЬ»

Студентка, работающая пионервожатой в школе, рассказала: мальчик из 5 класса написал письмо в Кремль, в котором говорится, что уборщица, проживающая в их квартире, получает 32 р. Как ей жить на эти деньги? Кто может помочь? И далее приводится расчет, что можно купить на эти деньги.

Письмо в Кремль не попало. Его вернули в школу, вероятно, из цензуры. Директорше дали команду разобраться. Директриса, в свою очередь, поручила разобраться пионервожатой.

И вот пионервожатая беседует с мальчиком.

— Зачем же ты это написал?

— Меня попросила уборщица.

— Но разве можно заниматься детям такими вопросами?

— У нас в квартире я один грамотный (все остальные чернорабочие).

— А твоя мама?

— Моя мама дворничиха.

Ясно. Вопрос о «подуськивании» отпадает.

— Скажите,— спросил мальчик,— а разве вы бы не написали, если б вас попросили?

— Написала бы.

— А директор говорит, что она бы не написала.

— Но кому ты писал? Что за адрес: «Москва, Кремль»?

— Я писал правительству. И я не понимаю, почему мое письмо попало в школу. Ведь почта охраняется законом.
— Откуда ты это знаешь?
— Мне сказал ученик 8 класса (такой-то).
Пока неизвестно, как решится вопрос. Но, по-видимому, школе укажут на слабую подготовку воспитательной работы и, возможно, пионервожатая будет снята с работы. Меры должны быть приняты.
Нужен козел отпущения (чтобы сообщить по инстанции о принятых мерах), и, возможно, этим козлом отпущения будет пионервожатая.
29 октября 1963

НА КАНАЛЕ ГРИБОЕДОВА

В 30-е годы молодой парень возвращался ночью от приятелей по каналу Грибоедова. Была ночь. Мороз. А ему было тепло от выпитого вина, от недавних разговоров. Вечеринка затянулась до 3-х часов. Славная вечеринка. Читали Блока («Незнакомку»), Брюсова, Ахматову. Много говорили о поэзии...
И сейчас он, шагая в ночи, твердил блоковское «И перья страуса склоненные в моем качаются мозгу...».
И вдруг напротив Спаса-на-крови увидел костер. Кто там, у костра?
Баба с малыми ребятами. В лаптях. Видимо, одна из раскулаченных, которых провозили через Ленинград на север.
Много он видел крестьянок, бродящих по Ленинграду в поисках куска хлеба. А ленинградцы сами на карточках сидят.
И вот сейчас ему стало страшно. Апокалипсис. Мужик просит хлеба в городе...
Что происходит в стране? А они всю ночь говорили о Блоке...
23 июня 1965

ИКРА В АРХАНГЕЛЬСКЕ

В 1962 г. весной или в начале лета В. И. Малышев оказался в Архангельске — летел на Печору.
Что такое? Действительно ли это Архангельск? Не в другой ли город он залетел по ошибке?
Все знакомо, все то же: и деревянные мостовые, и улицы, и Двина, а магазины не те! В магазинах полно всяких продуктов: колбас, масла, мяса и рыбы. Да еще какой рыбы! И что совсем уж не слыхано: икра на каждом прилавке.
— Давно это у вас? — спросил Малышев у знакомого.
— А уже около месяца.
— Около месяца? Около месяца такое изобилие? Да вы что, в коммунизм шагнули?
— Нет, Хрущева ждем.
Хрущев действительно в то время был на Севере (в Мурманске, на Северном флоте) и с часу на час должен был прилететь в Архангельск.
Владимир Иванович хотел было купить икры и семги — кто не любитель этой рыбки,— а потом раздумал. К чему? Он ведь едет на Печору на 2—3 дня, только на закладку памятника в Пустозерске, а затем снова будет в Архангельске, вот тогда и закупит икры и семги — и для себя, и для ленинградских друзей.
И как же раскаивался через два дня Владимир Иванович! Да, он не задержался на Печоре, возвратился в Архангельск ровно через 2 дня, но ни икры, ни семги в Архангельске уже не было.
Все было по-старому: селедка, треска, пикша...
Что же случилось? А случилось вот что.
В Архангельск Никита только заглянул (побывал в обкоме), и на вокзал. И вот как только он переправился через Двину, так тотчас исчезли и продукты в городе.
Архангельск принял свой обычный, привычный для всех вид.
3 октября 1967

ЛИПА

Ленинградская школа. 13-летней шестикласснице, хорошо знающей английский язык, поручают во время посещения школы англичанами приветливо встретить последних и одарить своих подруг шоколадными конфетами (якобы по случаю своего дня рождения), которые ей вручили.
Девочка ответила:
— Хорошо. Все будет так, как хотите.
И вот, когда в школу приходят англичане, она все это делает.
Дома разъяренный отец ее спрашивает:
— Нет, ты понимаешь, что это такое?
— Понимаю. Липа.
18 января 1971

В СОВХОЗЕ

Мужики удивляются:
— Раньше робили — ничего не платили, а сейчас не робим — и платят. Как это понять?
Нет, это долго не продержится.
7 октября 1973

В ПОСРАМЛЕНИЕ САТИРИКА

Можно ли проделать такой фокус: отхватить от дома 4—5 квадратных метра жилья — и при этом так, чтобы он не развалился?
Нет, конечно. Самый искусный фокусник не сумеет.
А вот новое постановление Совмина требует проделывать такие фокусы в массовом порядке и притом не руками фокусника, а руками обыкновенных рабочих и служащих.
Короче, согласно новому постановлению, жилая площадь домика, воздвигнутого на садовом участке, ни в коем случае не должна превышать 36 кв. м.
А что делать, если она превышает? Отрубить, отпилить угол, все, что угодно, но довести площадь до нормы, предусмотренной постановлением.
— Но позвольте, позвольте,— завопили в один голос владельцы домиков,— а где же был Совмин, когда мы строили их? Почему тогда не было вынесено этого постановления? И потом,— резонно возразили они,— разве закон имеет обратную силу?
— Без диспутов! Выполняйте постановление. И баста.
Да самый лютый враг не придумает такого! Великому Щедрину ничего подобного не снилось.
25 апреля 1975

ЗА ЧТО АРЕСТОВАЛИ

Стройка в Ленинграде — бригада рабочих сооружает (складывает из блоков) очередной дом. Узнали — у Вальки-молчуна отец 15 лет сидел при Сталине, стали приставать: за что?
— А за то, что колхозную корову б..... назвал.
23 сентября 1975

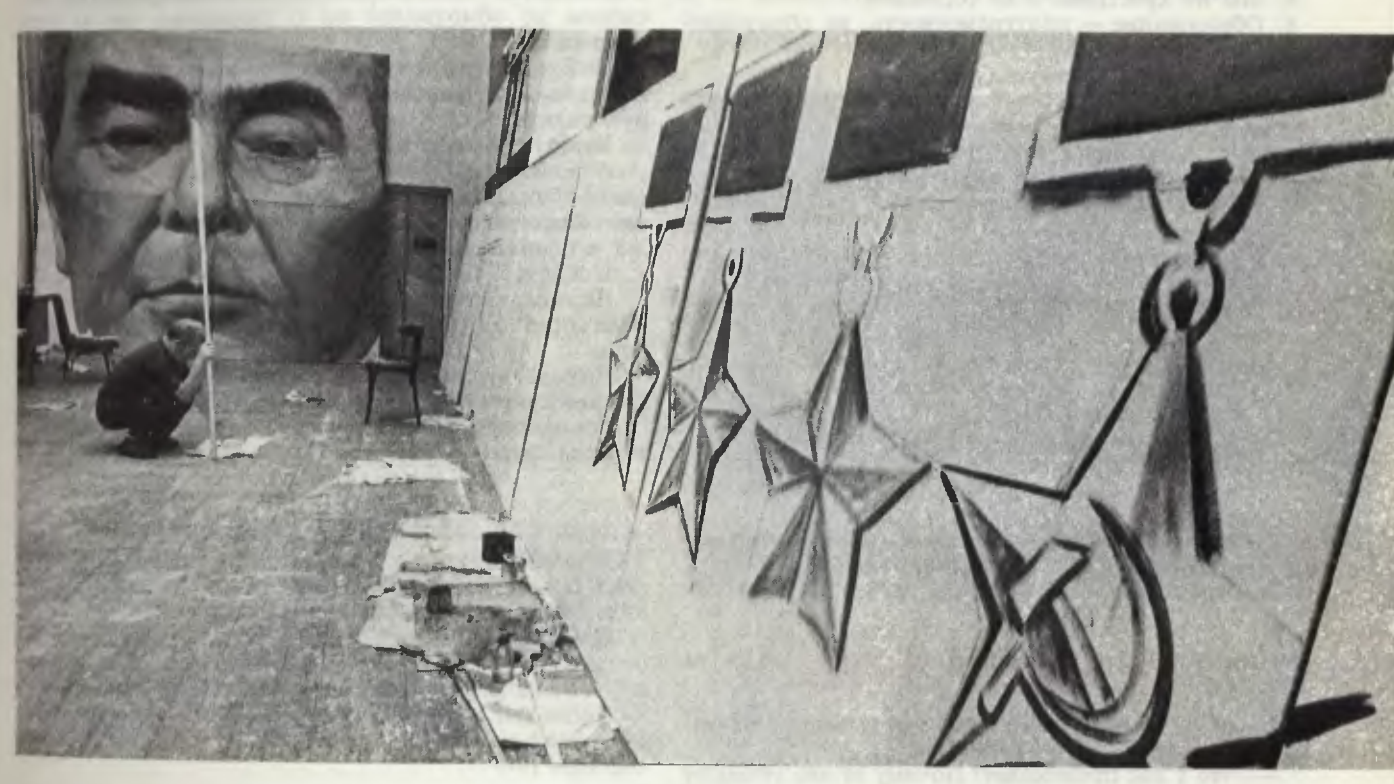
В ТАКСИ

Едем по Невскому. Дождь, слякоть, какие-то полотнища мокрые над головой.
— Что это? Вроде нет праздника.
— За мир, наверно.

— Так мы и так за мир все боремся.
— Ну, к съезду, значит. Ударный труд.
— Но мы и так ударно работаем.
— Значит, надо еще ударнее. Тяните жилы, пока не лопнут. Вот если бы самих заставить так трудиться по-ударному, и хоть месяц, да с черной субботой, да чтобы в 5 часов утра вставать, да ехать на трамваях, а не на личных машинах, вот тогда бы все изменилось. Скоро бы изменилось.
Подумал шофер:
— Только не будет этого. Никогда не заставят их работать, а как хотелось бы!
6 декабря 1975

ПУНКТЫ ОТКОРМА

Известно, что для откорма скота накануне сдачи в госзакуп в колхозах и совхозах создаются специальные откормочные пункты.
Ну, а для людей такие откормочные пункты создавались когда-нибудь?
В сталинские времена создавались.
Для откорма деревенских парнишек, по своему истощению непригодных для армии. Одного из них, «откормочников», я знаю в Опальневе. Три месяца был.
Вот сталинский гуманизм: сам по себе человек неважен. Но для армии нужны упитанные люди.
23 апреля 1976



В ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ

1. Из передовой «Правды»:
«Никогда еще трудящиеся страны не имели столь высокого уровня материального обеспечения...»
2. Из письма с периферии:
«Живем, можно сказать, так, что хуже некуда. Про мясо уж не говорим — не помним, как выглядит. Масло тоже стали забывать, макарон не купишь».
5 декабря 1976

ЧТО ЗА ПОРОДА?

Пятый час на совещании. Изнемог душой и телом. С великим сочувствием и состраданием смотрю на людей в президиуме.
А они-то как? Я-то много ли посидел? Несколько часов, да и то в зале — хочешь, дремли, хочешь, читай, наконец. А они-то ведь — неподвижно, окаменело, как истуканы. И так изо дня в день, изо дня в день. Месяцами, годами.
Негодуешь, возмущаешься, но и сочувствуешь, удивляешься этим людям. Кто они? Что за порода? Что им дает такие силы? Русское долготерпение, доведенное до предела? Привычка?
1978

СТРАШНЕЕ СУПЕРБОМБЫ

Американцы собираются запустить в производство нейтронную бомбу. А зачем? Надо ли тратиться?
Мы сами сбросили на свою страну бомбу, и она пострашнее всякой нейтронной. Имя этой бомбы — пьянство.
Врачи утверждают: в результате пьянства каждый пятый человек в России рождается дебилом.
Да ведь это кончится тем, что весь народ станет идиотом!
9 мая 1978

ГЛАВНЫЙ РЕЗЕРВ

В районе катастрофическое положение с сеноставом. Тем не менее в начале августа созывается пленум райкома — «Решения такого-то Пленума ЦК о дальнейшем развитии сельского хозяйства». На пленуме 200 отборных мужиков три дня талдычат о том, что для того, чтобы получить большое молоко, надо хорошо кормить корову, что веники заготовлять надо там-то и там-то...
Выделяются внутренние резервы (уборщицы и т. д.). А самый главный резерв — 200 мужиков, ничего не делающих три дня,— обходится.
Нет, при нынешнем порядке вещей ничего сделать нельзя.
6 августа 1978

СОРЕВНОВАНИЕ

Армянский рынок. Горами, грудами на прилавках овощи, фрукты — красные помидоры, фиолетовые баклажаны, зеленые, в капельках росы, огурцы, редис, виноград. И все это блестит, смеется, радуется. Все это манит и зазывает к себе покупателя.

А напротив государственный сектор. Грязь, пыль, неразбериха. И те же овощи и фрукты, выращенные на той же самой земле, выглядят сиротами.

И даже продавцы тут какие-то грязные, небритые, злые и издерганные. Жалко бедных.

28 сентября 1978

НИ ТО НИ СЕ

Мы живем в трудное, половинчатое время. У нас нет определенности, ясности, устойчивости. Во всем — разброд.

1. Мы — не Запад и не Азия.
2. Мы — не социалисты и не капиталисты.
3. Мы — не верующие и не атеисты, не христиане и не язычники.
4. У нас деревня исчезает, а город не сложился.
5. Мы не крестьяне и не горожане.
6. Образование — полуграмотность, не образованные — не грамотные.
7. Культура — полукультура.
8. Семья — мы не безнравственны, но и старые устои нравственности потеряли.
9. Мы не голодные, но и не сытые.
10. Не разутые, но и не обутые.
11. Не раздетые и не одетые.

6 декабря 1978

СЛЕЗЫ ПО ХОЗЯИНУ

Кого в пример везде ставят? Сталина. Палача, равного которому не знала наша страна, не знал весь мир.

Да и добро бы хозяин был. А то ведь все развалил: сельское хозяйство, промышленность, культуру, все мало-мальски жизнеспособное в народе вырубил.

О чем это говорит? Какое же положение в стране нынче, коли Сталина в пример ставят?

10 декабря 1978

УЕЗЖАЮТ...

Вызвали Мравинского в райком в связи с отъездом музыкантов из филармонии.

— Что у вас происходит? Почему от вас уезжают за границу?

— Они не от меня, а от вас уезжают...

1 января 1979

ПРИСПОСОБИЛИСЬ

Вызывают жильцы дома рабочих сделать дезинфекцию от клопов. Пришли — все облили, но ничего не помогло.

Вызвали частным образом тех же рабочих. Побрызгали с гарантией. И помогло.

В чем дело?

Оказывается, рабочие отливают раствор и разбавляют его водой, когда идут от государственной конторы. А частным образом раствор не разбавляют...

Январь 1979

НОВЫЕ ФОРМЫ ДЕМОКРАТИИ

Были на выставке Кустодиева в Академии художеств.

И после осмотра с удивлением заметили, что вместо обычной книги отзывов для посетителей лежат анкетные бланки, которые надо заполнять и опустить в ящик.

Заполни и опусти в ящик, чтобы другие не читали, не видели. Книгу отзывов, оказывается, здесь уничтожили лет пять назад.

1 февраля 1979

ЗНАЙ НАШИХ

В детский сад сотрудники по очереди носят свои часы, будильники. На кухне нет часов, не выделены деньги...

А в гавани построили шведскую гостиницу с такой роскошью, которая даже миллионерам не по карману.

1 февраля 1979

ПО БУМАЖКЕ

Встреча Картера и Брежнева в Австрии. Обед в посольстве США. Картер в своем выступлении ни словом не обмолвился ни о Брежневе, ни о его коллегах.

Но Брежнев начал свою ответную речь с благодарности «за добрые слова в адрес нашей страны и ее руководителей».

Конфуз. А отчего?

А оттого, что Брежнев выступал по заранее написанной бумажке, авторы которой — стереотипно мысля — были убеждены, что будет сказано слово похвалы и благодарности в адрес Брежнева.

А Картер «надул». Картер не сказал.

Нормальный человек сразу отреагировал бы должным образом, внес необходимые коррективы в свою речь.

Но разве это в состоянии сделать «первый ленинец» современности?

Вот и конфуз.

17 июня 1979

БУМАЖНАЯ КАРУСЕЛЬ

Бумага все стерпит. На бумаге у нас перевыполняются планы, собираются высокие урожаи, выпускается высококачественная продукция и т. п.

Сверху «спускают» бумагу-план... Снизу вверх отправляют бумагу-отчет. Так и крутится бумажная карусель, а жизнь идет своим, совсем иным чередом.

Когда же кончится эта бумажная карусель, эта бумажная показуха?

Октябрь 1979

ПОД ГРИФОМ

Магнитогорское дело. О воровстве на мясокомбинате.

В числе прочих арестовали вахтершу. При обыске у нее нашли 12 тысяч рублей. Перевязаны пачками и все рублями.

Это плата за вынос мяса с комбината. Я спросил:

— А дело это предано гласности?

— Нет, конечно. Такие дела у нас идут под грифом: государственная тайна.

14 октября 1979

ЭТОМУ И НАЗВАНИЯ НЕТ

В магазинах исчезли простыни, наволочки, пододеяльники, скатерти, полотенца и, конечно, всякая х/б ткань. Что случилось?

Даже после войны не было такого запустения.

И вот торгуют, чем могут — везде лежат пикейные покрывала. А в отделе х/б тканей торгуют старыми — нетоварными — вафельными полотенцами: с дырками, рваными, в пятнах. И их разбирают.

Зато в шерстяном отделе появилось то, что лежало на складах. Надо, видимо, чем-то выполнять план.

И вдруг вижу х/б. Ткань под новым названием — и цена 3 р. 10 к. И то стоит очередь.

Вероятно, вот так под новым названием, под новым артикулом появятся х/б ткани в 3 раза дороже.

Министр выступал по телевидению и заверял, что никакого повышения цен не будет. Но министру не верят...

Так и будем жить без полотенец, наволочек и скатертей, пока не изменят артикулы и наименования...

Мыла тоже хорошего нет. Или все это запасено для Олимпиады?

А свой народ? Потерпит!

Люся думала-думала, как назвать рассказ, и не придумала. Потому что этому и названия нет. И сказала: «Этому и названия нет».

15 октября 1979

ПОШЛИ В РАЦИОНАЛИЗАТОРЫ

Хороший рабочий получает сейчас не меньше 250 р., а инженер — 150. Поэтому инженеры, скрыв свое образование, нередко становятся к станку и... становятся рационализаторами.

А как же? Мысль-то инженерная работает, она не пропала. А рационализатор — это всяческие блага, премия, слава.

Так в условиях нашей страны умные и талантливые инженеры реализуют свое призвание.

28 декабря 1979

СКРЫЛ ПРОШЛОЕ

Коллектив послевоенного крупного учреждения обсуждает своего коллегу. Дело пахнет увольнением: скрыл и не записал в анкету сведения об отце-кулаке.

Константин Иванович оправдывается:

— Я и раньше под Сталинградом, когда командиром взвода назначили, скрыл. Перед боем назначили. В бою тяжело ранен был. Потом в госпитале долго лежал. Контузия память отшибла. Честное слово, если бы Александр Иванович не напомнил здесь мое прошлое, до смерти бы не вспомнил, что отец раскулачен был: мне-то самому тогда пять лет было...

Коллектив оказался здоровым. Со строгим выговором оставили на прежнем месте. Но в должности понизили.

1980

ФАИНА ФЕДОРОВНА

— Мне смерть не страшна: я в коммунизме побывала, можно и помирать.

— В коммунизме?

— Ну. В 27-м году в коммуну записалась, как раз за год до того, как она рассыпалась. К мужику пристали. Он партийный. Вступай, да и все, а то из партии долой.

Ну, мужика не уважить как? Заехали. Хлеба воз, корова, теленок, кобыла, одежды сколько-то...

Все за один месяц профунтили. А потом распустили...

— Не плачь, Фенька,— утешают.— Зато в коммунизме побывала.

23 августа 1980

КОНСПЕКТ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ВТОРОМ СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

На мой взгляд, самое худшее, что досталось нам от культовых времен,— это недоверие.

Недоверие в образе равнодушного товарища с хорошо поставленным голосом из райкома или обкома партии. Недоверие в образе трусливого редактора, недоверие, спрятанное под угодливой маской критика-ортодокса.

Партия, советская общественность много сделали для торжества ленинских норм жизни. Кровообращение нашего общественного организма неизмеримо ускорилось.

И в этом немалая заслуга наша, писательская.

Но этот вирус бюрократизма живуч. И он все еще недобит. Почитайте наши газеты — где, в какой только области жизни не ведется с ним борьба!

Недоверие — и об этом надо сказать прямо — коснулось и литературы. Возьмите наших деревенских писателей. Валентин Овечкин, Гавриил Троепольский, Владимир Тендряков, Александр Яшин, Ефим Дорош, Леонид Иванов, Александр Солженицын, Сергей Залыгин...

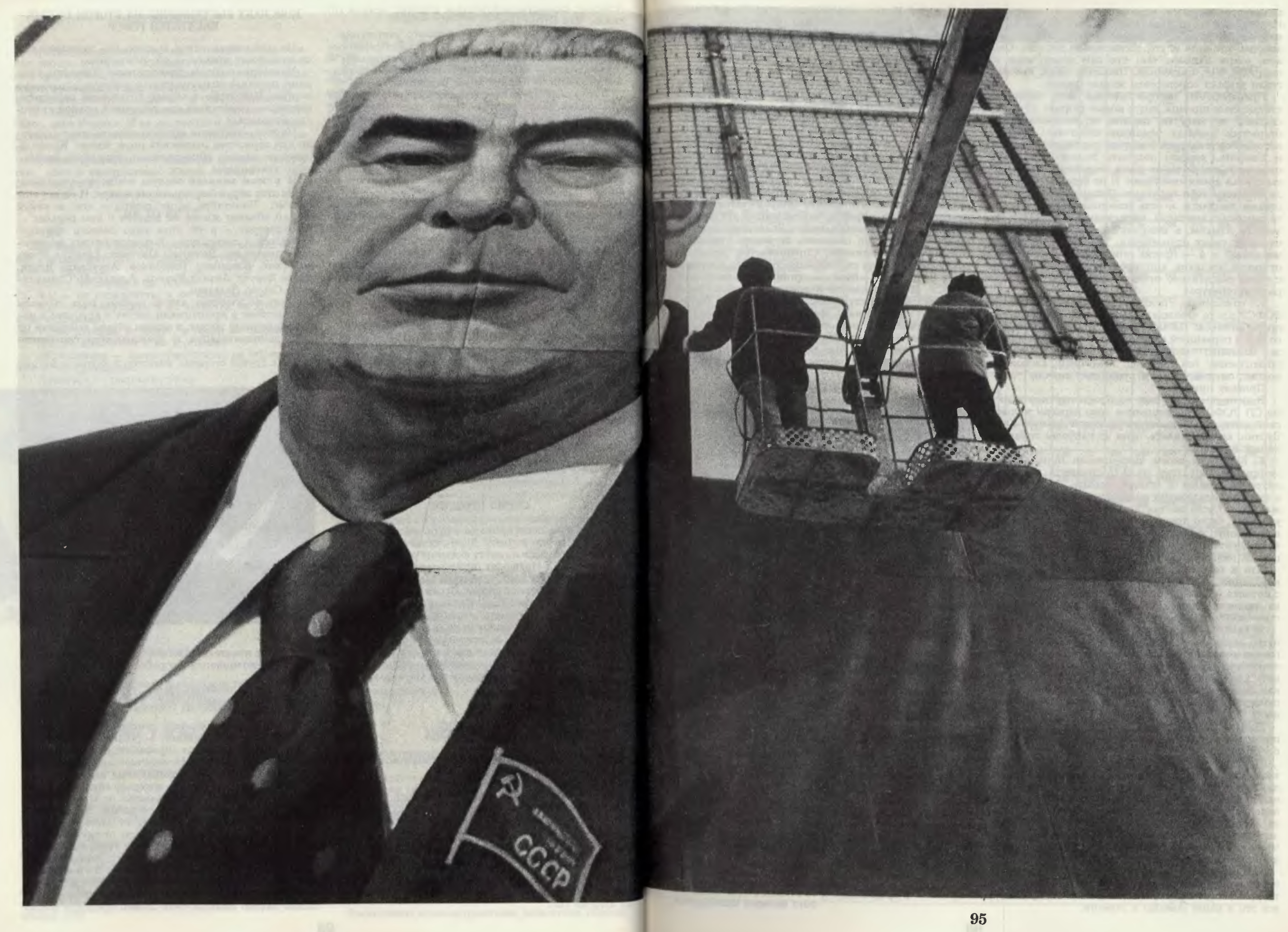
Кому не известно, какую важную роль сыграли эти писатели в преодолении застоя и косности в нашей колхозной жизни, в нашем общем движении по пути демократизации и гражданского самосознания!

Но, с другой стороны, известно и другое: а многие

ли из этих писателей не прошли через крещенские купели всевозможных проработок, разносов и внушений?

Обыватель, паникер, нытик, турист с тросточкой, очернитель, дегтемаз и т. п. и т. п. Богат русский язык!

Но это еще, так сказать, эмоции, легкая кавалерия. А вслед за эмоциями вступают в дело более сокрушительные силы проработчиков — разные «теоретики» и «веды». «Нетипично», «ползучий натурализм», «противоречит известному высказыванию нашего великого учителя, который еще в середине 19-го века в письме к N указывал...». И плевать им на то, что за 100 с лишним лет жизнь, мягко выражаясь, несколько ушла вперед от этого указания. Они свой долг выполнили — дали отпор писателю. Дело при этом иногда доходило до курьезов. Все вы, вероятно, помните очерк писателя Леонида Иванова, опубликованный в «Новом мире». В этом очерке речь шла о колхозах Калининской области. Очерк документальный — названы колхозы, названы фамилии людей. Больше того, словно предвидя возра-


СССР

жения со стороны теоретизирующих демагогов, Иванов противопоставил отсталым колхозам Калининской области передовые хозяйства Сибири, хозяйства, где дела идут действительно хорошо. Словом, очерк написан так, что сам комар носа не подточит. Нет, подточили. Нашлись люди, которые стали всерьез опровергать живые факты...

Проработчики изобретательны. Они совершенствуют свои приемы, ищут новые формы. И в этой связи я не могу не сказать о так называемых открытых письмах земляков писателю — жанре, который стал входить в моду за последние годы. Что и говорить, хорошо получать живые отклики от читателей, тем более от своих земляков, с которыми ты связан кровными узами. И не беда, если читатели, земляки тебя поругают. Пиши лучше! Но есть письма земляков и есть эпистолярные сочинения за подписью земляков, написанные удручающе казенным языком, в которых нет ни одного живого слова от твоих односельчан. Так вот, я за письма земляков, и я — против эпистолярных сочинений от имени земляков, которые при первой же встрече с тобой решительно отмежевываются от подобного рода литературы.

К сожалению, руководство Союза писателей РСФСР плохо ограждало своих членов от наскоков проработчиков. На мой взгляд, оно не справилось со своей первейшей обязанностью — создать в Союзе подлинно творческую обстановку, без заушательства, без окриков, атмосферу свободного поиска, смелой мысли и принципиальности.

Приведу пример.

В июне прошлого года на Краснодарском пленуме СП РСФСР, посвященном теме деревни в советской литературе, выступил молодой критик Юрий Буртин, кстати сказать, один из наиболее толковых наших критиков.

Ю. Буртин в своем выступлении привел такие цифры. В 1962 году на 2,75 процента от общей пахотной земли в нашей стране, находящейся в личном пользовании колхозников, рабочих и служащих, то есть на так называемых приусадебных участках, было произведено по отношению к валовому сбору: картофеля — 70 процентов, овощей — 42 процента, мяса — 44 процента, молока — 45 процентов, шерсти — 22 процента, яиц — 76 процентов.

Что и говорить, цифры внушительные, цифры, наводящие на серьезные раздумья. И они взяты не с потолка — они взяты из авторитетного источника, из статистического ежегодника «Народное хозяйство СССР в 1962 г.», выпущенного в 1963 году.

И казалось бы, кто-кто, а уж участники-то пленума, специально собравшиеся для большого разговора о деревне, должны бы были подумать над этими данными или по крайней мере хотя бы проявить элементарное внимание к ним. Ведь мы знаем, как Ленин относился к статистике, знаем, как умел ценить цифры и раскрывать их человеческую сущность.

Ничего подобного. Юрия Буртина оборвали из президиума. Ему не дали говорить. Его согнали с трибуны.

Правда, на Краснодарском пленуме, который хотя в целом и прошел в обстановке привычного для нас краснобайства и велеречия, были и трезвые голоса. Были выступления, в которых звучала неподдельная тревога за наши отстающие колхозы, за их годами запущенное хозяйство, за неустроенность жизни людей в этих колхозах. Но опять-таки что характерно? Как реагировал наш литературный командарм на эти выступления?

Поддержав в самом общем виде, он в то же время в своем заключительном слове предупредил товарищей: но вы коммунисты, и вы не протащите все это в ваши романы и повести.

Что это? Полное недомыслие, случайная оговорка или сознательная установка на лакировку?

Нет, мы как коммунисты потащим это в романы и повести. И в этом наша помощь партии...

Еще один пример из практики руководства нашего Союза. В 1963 году на страницах ленинградского журнала «Нева» была напечатана статья Медведева и Кирпичникова о положении дел в советской генетике. Статья умная, написанная с самым добрым намерением, статья, в которой была сделана робкая попытка разобраться в причинах отставания советской генетики, той самой генетики, которая когда-то задавала тон всей генетической науке мира.

Жизнь подтвердила правоту статьи. Сейчас на эту тему пишут во всех газетах и журналах. Пишут. Но, к сожалению, замечу в скобках, мы нигде не прочитали о правоте авторов статьи, а члены редколлегии журнала, напечатавшие эту статью, до сих пор не реабилитированы. Да, акция с печатанием статьи дорого обошлась журналу. Редколлегия его была разогнана. Спрашивается: несет ли руководство Союза ответственность за это позорное дело? Безусловно. «Нева» — орган Союза писателей РСФСР. И кому, как не руководству Союза, было поддержать ее выступление, тем более что беспокойный, критический пафос статьи Медведева и Кирпичникова, направленный против засилья в биологии лысенковщины, за которую так дорого заплатил наш народ, был понятен всякому человеку, мало-мальски способному отличить быка от коровы.

Я хочу, чтобы меня поняли правильно. Нам есть чем гордиться в своей стране. Наши люди делают большие дела.

Наша партия, наша общественность ведут непрестанную борьбу с недоверием. И все же недоверие недобито.

Чего-чего не было обрушено на нашу голову. А ведь жизнь доказала: правы эти писатели. Они-то и были первыми помощниками партии в трудное время в деле демократизации.

Талантливая рукопись, как бы она ни была горька, не должна быть в столе.

И почему какой-то чиновник считает, что он лучше знает жизнь. Где, чем он доказал это?

Задача нового правления — бороться за полное доверие к писателям, которые всей своей работой в самые трудные времена доказали верность партии, нашим святым идеалам.

Публикация, подготовка к печати и предисловие Л. КРУТИКОВОЙ-АБРАМОВОЙ.
Фото Валерия ЩЕКОЛДИНА

КРОССВОРД

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45
46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60
61	62	63	64		65	66	67	68	69	70	71	72	73	
74	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	88
89	90	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100	101	102	
103	104	105	106	107	108	109	110	111	112	113	114	115	116	117
118	119	120	121	122	123	124	125	126	127	128	129	130	131	
	132	133	134	135	136	137	138	139	140	141	142	143	144	145
146	147	148	149	150	151	152	153	154	155	156	157	158	159	
160	161	162		163	164	165	166	167	168	169	170	171	172	173
174	175	176	177	178	179	180	181	182	183	184	185	186	187	188
189	190	191	192	193	194	195	196	197	198	199	200	201	202	203
204	205	206	207	208	209	210	211	212	213	214	215	216	217	218
219	220	221	222	223	224	225	226	227	228	229	230	231	232	233
234	235	236	237	238	239	240	241	242		243	244	245	246	247
248	249	250	251	252	253	254	255	256	257	258	259	260	261	262
263	264	265	266	267	268	269	270	271		272	273	274	275	276
	277	278	279	280	281	282	283	284	285	286	287	288	289	290

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1—4. Предмет мебели. 5—9. Деталь системы зажигания двигателя внутреннего сгорания. 10—14. Дерево семейства сосновых. 16—20. Государство в Южной Азии. 21—24. Представитель одной из этнографических групп Грузии. 25—30. Титан, держащий небесный свод. 31—35. Мягкий металл. 36—40. Мужское имя. 42—45. Объединение, союз. 46—49. Травма. 50—54. Средство защиты людей и боевой техники. 55—59. Правый рукав нижнего Дона. 61—64. Предосудительный поступок. 65—72. Черта характера. 75—80. Самоходная тележка. 82—88. Тяжеловооруженный кавалерист. 89—93. Горная система в СССР, Китае и Монголии. 94—97. Сооружение в виде ворот. 98—102. Небольшое металлическое колесико. 103—108. Затычка, пробка. 109—114. Русский китаевед, монах. 115—117. Зодиакальное созвездие. 118—121. Кушанье из крупы. 123—127. Большая ящерица. 128—131. Низшее растение. 132—136. Город во Франции. 136—140. Минерал. 141—143. Правый приток Енисея. 144—145. Камышовая лодка Тура Хейердела. 146—149. Спутник Земли. 150—152. Первая женщина. 153—159. Город в Грузии. 160—161. Единица сопротивления. 163—169. Сладкая настойка. 170—173. Курорт в Крыму. 174—180. Сердечная мышца. 181—185. Вид спортивного бега. 186—188. Крупный хищник. 189—193. Музыкальный духовой клавишный инструмент. 194—199. Съедобная трава. 200—202. Спортивный термин. 204—208. Разновидность тюленя. 209—211. Река на северо-западе Польши. 212—215. Имя одного из действующих лиц романа Л. Толстого «Война и мир». 216—218. Крупное морское млекопитающее. 219—221. Насекомое. 224—226. Деятель российского и международного революционного движения. 227—228. Преисподняя. 229—233. Поклеп. 234—237. Сушеная трава. 238—242. Главная артерия кровеносной системы. 243—247. Сращение кристаллов. 248—252. Вид катапульты. 253—257. Восточная игра. 259—262. Город в Азербайджане. 263—267. Основоположник латышской профессиональной музыки. 267—270. Река в Восточной Сибири. 272—276. Болотная птица. 277—280. Самоназвание нанайцев. 282—288. Таежная птица. 289—290. Марка советских самолетов.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1—46. Пионерское мероприятие. 61—118. Главное упревление. 146—263. Русский ученый-энциклопедист. 2—47. Областной центр РСФСР. 47—90. Аральское море. 104—132. Щипковый музыкальный инструмент в Ср. Азии и на Кавказе. 147—161. Способность мышления. 161—190. Советское книжное издетвльство. 205—277. Русский советский поэт. 18—48. Физическая характеристика звука. 63—176. Советский поэт. 191—278. Вид боеприпасов. 4—49. Подземная горная выработка. 34—92. Вид дежурства на кораблях. 92—134. Горный хребет, составная часть системы Гиссаро-Алая. 177—207. Наплыв на стволах деревьев. 222—279. Знак различия на форменной одежде. 5—50. Человек, увлекающийся внешним лоском. 78—178. У древних греков населенная часть Земли. 193—238. Роман Э. Золя. 238—252. Единице площади. 267—280. Командующий армией южан во время Гражданской войны в США. 51—94. Часть тела человека. 94—123. Эстонский композитор, автор оперы «Викерцы». 136—224. Специальность рабочего. 224—281. Маршал Советского Союза. 7—80. Континент. 95—137. Денежная единица Ирана. 152—210. Правый приток Лены. 225—269. Порт в Алжире. 8—38. Единица времени. 53—110. Пушной зверек. 125—181. Согласно легенде, один из первых князей Новгорода. 198—226. Озеро в Турции на Армянском нагорье. 24—54. Райцентр в Костромской области. 54—68. Крутой обрыв. 82—154. Разновидность попугая. 139—182. Порт на берегу пролива Па-де-Кале. 182—227. Огородное растение, корнеплод. 256—284. Художник, выполнивший свыше 300 портретов героев Отечественной войны 1812 года. 10—55. Озеро в Эфиопии, из которого вытекает Голубой Нил. 69—127. Волшебная птица русской мифологии. 140—228. Киевский князь, по преданию, правил вместе с Диром. 11—56. Соприкосновение флангов боевого порядка войск. 70—113. Кресло для монарха. 128—156. Одиночный заезд на определенную дистанцию. 169—258. Крупное поместье в Латинской Америке. 12—57. Становище кочевников. 71—100. Оборонительная насыпь. 114—215. Французский хронист и поэт XIV века. 230—287. Легендарный король бриттов V—VI веков н.э. 13—58. Государство в Западной Африке. 72—143. Бог умирающей и воскресающей природы у древних египтян. 158—186. Деталь машины, передеющая крутящий момент. 186—216. Травянистое огородное растение. 231—288. Тонкая прозрачная материя. 14—44. Древний армянский город V—XVI веков на реке Арпачай. 73—116. Рассказ А. Чехова. 131—202. Вещество, спрессованное в плитки. 217—289. Член тайного монашеского ордена. 15—60. Флаг. 173—247. Повесть Ги де Мопассана. 233—262. Река на севере Западной Сибири. 276—290. Буква латинского алфавита.

Сдано в набор 15.11.88. Подписано к печати 28.12.88. А11853. Формат 84×60 ⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 300 000 экз. Заказ № 3385. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24. Тел. 257-37-66, 285-28-68.

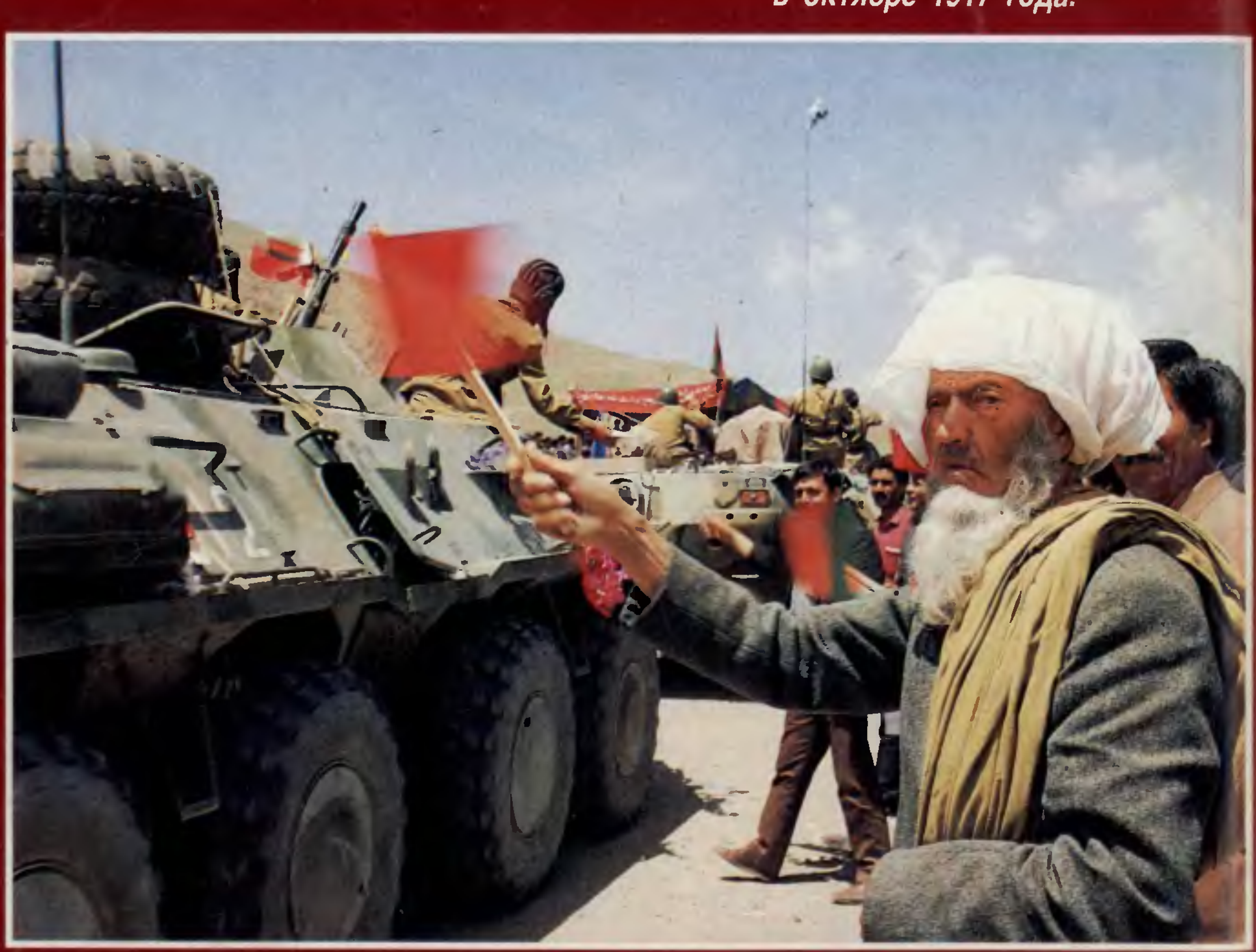
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

В ближайших номерах нашего журнала читайте:

Очерк польского журналиста Александра Минковского «Встреча с Керенским».

Колымские рассказы Варлама Шаламова.

Комментарий историков к уникальной карте штурма Зимнего дворца в октябре 1917 года.



Репортаж Владимира Снегирева из Афганистана «Когда смолкают пушки».

Воспоминания Михаила Чулаки «Я был директором Большого театра».